

ISSN 2414-5815

ПРАВО
ЭКОНОМИКА
ПСИХОЛОГИЯ

№ 1(29)

2023
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издается с января 2015 года

2023 № 1(29)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:
Е.Ф. Ивашкевич (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурценков, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:
Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Гончаров В.В. Использование цифровых технологий в качестве средства обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля 3

Петров В.А. Понятие и сущность источников права России и Беларуси: сравнительный анализ 10

Барышев В.А. Ограниченно признанные и непризнанные государства как актуальная проблема современного международного права 18

Гуминский М.Н. Наркоситуация в Республике Беларусь: состояние и пути преодоления 24

ЭКОНОМИКА

Бекиш Е.И., Мантур Е.Е. Использование логистики для повышения эффективности деятельности организации 28

Орешенков А.А. Современные глобальные вызовы для развития человеческого потенциала: пример здравоохранения 34

Побяржина Т.П. Проект «Умные города Беларуси» как ключевое направление развития регионов 43

Самоховец М.П. Характеристика денежных потоков экономических субъектов в концепции финансового потенциала 48

Сергиевич Т.В. Исследование опыта роботизации экономики Российской Федерации 53

ПСИХОЛОГИЯ

Казак Т.В., Тукальская Н.И. Динамика категориальной представленности смысложизненных ориентаций у студентов 61

Медведская Е.И. Деформация речи у взрослых активных интернет-пользователей 69

Лукина А.К., Волкова М.А., Богомаз С.Л., Каратерзи В.А. Особенности образа будущего современных подростков 77

Лепешко К.В. Факторная структура личностных характеристик индивидов с различными уровнями социально-сравнительной ревности 83

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2023 № 1(29)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:

V.V. Bogatyreva

Editorial Board:

E.F. Ivashkevich (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratsevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Goncharov V.V.** Use of Digital Technologies as a Means of Ensuring the Efficiency of the Organization and Implementation of Public Control 3
- Petrov V.A.** Concepts and Essence of Sources of Law of Russia and Belarus: Comparative Analysis 10
- Baryshev V.A.** Limited Recognized and Unrecognized States as a Current Issue of the Contemporary International Law 18
- Guminski M.N.** Current Drug Situation in the Republic of Belarus: State and Ways to Overcome It 24

ECONOMICS

- Bekish E.I., Mantur E.E.** Using Logistics to Improve the Company Efficiency 28
- Oreshenkov A.A.** Current Global Challenges to Human Development Potential: The Example of Health Care 34
- Pabiarzhina T.P.** The Project "Smart Cities of Belarus" as a Key Direction for the Development of Regions 43
- Samokhovets M.P.** Characteristics of Cash Flows of Economic Entities in the Concept of Financial Potential 48
- Serhiyevich T.V.** Robotization of the Country's Economy Research: Case of the Russian Federation 53

PSYCHOLOGY

- Kazak T.V., Tukalskaya N.I.** Dynamics of Category Representation of Student Life-Meaning Orientations 61
- Medvedskaya E.I.** Speech Deformation of Adult Internet Users 69
- Lukina A.K., Volkova M.A., Bogomaz S.L., Karaterzi V.A.** Features of the Contemporary Adolescents' Image of the Future 77
- Lepeshko K.V.** Factor Structure of Personal Characteristics of Individuals with Different Levels of Social and Comparative Jealousy 83

УДК 004.93:[351.9+342.7]

Использование цифровых технологий в качестве средства обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля

Гончаров В.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

Данная статья посвящена исследованию процессов использования цифровых технологий в качестве средства обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля (на примере Российской Федерации).

Цель исследования состоит в анализе современных проблем, связанных с применением цифровых технологий в качестве средства обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля, а также разработки системы мероприятий по их разрешению для оптимизации формирования и функционирования данного института гражданского общества.

Материал и методы. *Материалом для изучения темы послужили законодательный и доктринальный аспекты исследования проблемы, включающие нормативные правовые акты, концепции авторов, проведенные социологические опросы. Методами исследования являются диалектико-материалистический, методы компаративистики, толкования норм права, системного анализа, а также сравнительно-правовой, формально-логический, историко-правовой и другие.*

Результаты и их обсуждение. *Объектом исследования в статье выступают общественные отношения, возникающие в связи с использованием цифровых технологий в качестве средства обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля, а предметом исследования – нормативно-правовая база формирования и функционирования общественного контроля в Российской Федерации, учебная и научная литература в области правовой доктрины общественного контроля, материалы судебной практики в области организации и осуществления общественного контроля.*

Заключение. *Таким образом, выявлены основные проблемы, связанные с использованием цифровых технологий в качестве средства обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля, а также разработана система мероприятий по их разрешению (как в части оптимизации действующего законодательства об общественном контроле, так и в плане создания необходимых условий для повышения эффективности процессов использования цифровых технологий в качестве средства обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля).*

Ключевые слова: *цифровые технологии, публичная власть, эффективность, средства, общественный контроль, народо-властие, конституционные принципы, организация, осуществление, Российская Федерация.*

Use of Digital Technologies as a Means of Ensuring the Efficiency of the Organization and Implementation of Public Control

Goncharov V.V.

Federal State Budgetary Education Establishment of Higher Education
"Kuban State I.T. Trubilin Agrarian University"

This article deals with the study of the processes of using digital technologies as a means of ensuring the efficiency of the organization and implementation of public control (on the example of the Russian Federation).

The purpose of the study is to analyze modern problems associated with the use of digital technologies as a means of ensuring the efficiency of the organization and implementation of public control, as well as the development of a system of measures to resolve them in order to optimize the formation and functioning of this institution of civil society.

Material and methods. *The research material was the legislative and doctrinal aspect of the study of the problem, including normative legal acts, concepts of the authors, conducted sociological surveys. The research methods were the dialectical and materialist, the comparative-legal, the method of system analysis, the formal-logical, the historical-legal and others.*

Findings and their discussion. *The object of the research is public relations arising in connection with the use of digital technologies as a means of ensuring the effectiveness of the organization and implementation of public control, while the subject of the research is the regulatory framework for the formation and functioning of public control in the Russian Federation, academic and scientific literature in the field of the legal doctrine of public control, materials of judicial practice in the Russian Federation. areas of organization and implementation of public control.*

Conclusion. *The authors identified the main problems associated with the use of digital technologies as a means of ensuring the efficiency of the organization and the implementation of public control, and also developed a system of measures to resolve them both in terms of optimizing the current legislation on public control, and in terms of creating the necessary conditions to improve the efficiency of the processes of using digital technologies as a means of ensuring the efficiency of the organization and the implementation of public control.*

Key words: *digital technologies, public power, efficiency, means, public control, democracy, constitutional principles, organization, implementation, Russian Federation.*

Вопросы использования цифровых технологий в процессе формирования и функционирования аппарата публичной власти, а также его взаимодействия с гражданским обществом, являются объектом пристального исследования в работах современных российских и иностранных ученых, например, Д.В. Удалова [1], Н.А. Баранова [2; 3], С.А. Куемжиевой, [4], К.Т. Жунуспаева [5], Л.А. Соколова [6], а также многих других авторов. Однако рост внешних и внутренних угроз, посягающих на целостность суверенных и независимых государств, проводящих самостоятельную политику, направленную на сохранение и развитие национальных обществ и государств, таких, как например, Российская Федерация и Республика Беларусь, требует анализа путей оптимизации системы государственного управления в целях повышения ее устойчивости от вышеназванных угроз, а также эффективности. В этой связи возрастает роль научных исследований, осуществляемых анализ путей укрепления основ конституционного строя, вовлечения широких масс населения в дела управления государством. Основой конституционного строя в Российской Федерации является конституционный принцип народовла-

стия, согласно которому единственным источником власти в стране и носителем суверенитета выступает многонациональный народ России, осуществляющий свою власть как непосредственно (через институты свободных выборов и референдумов), так и опосредованно (через функционирование системы органов публичной власти, а также их должностных лиц). Данный конституционный принцип нуждается в системе юридических гарантий, важнейшей из которых институт общественного контроля.

Вследствие этого особую актуальность приобретают исследования, ориентированных на анализ путей обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля. В век убаыстряющегося научно-технического прогресса значимым средством обеспечения указанной эффективности являются цифровые технологии. Этим и обусловлен выбор темы настоящего научного исследования.

Цель исследования – анализ современных проблем, связанных с использованием цифровых технологий в качестве средства обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля, а также разработки системы мероприятий по их разрешению для

оптимизации формирования и функционирования данного института гражданского общества.

Материал и методы. Материалом для изучения темы послужили законодательный и доктринальный аспекты исследования проблемы, включающие нормативные правовые акты, концепции авторов, проведенные социологические опросы. Методами исследования выступили диалектико-материалистический метод, методы компаративистики, толкования норм права, системного анализа, а также сравнительно-правовой, формально-логический, историко-правовой и другие.

Результаты и их обсуждение. Важнейшим средством обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации в последнее время выступает использование цифровых технологий различными субъектами общественного контроля. Как отмечает ряд авторов, цифровая трансформация социально-экономического пространства в мире осуществлялась достаточно давно – с момента создания первых электронных вычислительных устройств и их применения в обработке определенных массивов данных [1; 2]. При этом суть цифровых технологий состоит в создании и использовании дискретных систем, базирующихся на способах кодирования и передачи информационных данных, посредством чего время получения информации для решения разнообразных задач стремится к нулю.

Но интенсивность данного процесса носила нелинейный характер. Первыми заказчиками цифровых технологий (как программ для электронных вычислительных устройств, так и самих данных устройств, а также средств коммуникации между ними) выступали правительства государств, прежде всего, для использования в программах, посвященных обеспечению обороны и безопасности государства, развитию атомной энергетики и т.п. В дальнейшем вышеназванные технологии были активно восприняты и частным бизнесом, посредством чего была проведена, по сути, технологическая революция и в производственных процессах, и в менеджменте.

Цифровые технологии активно внедряются и в механизм организации и деятельности органов публичной власти [7; 8]. Согласно мнению ряда авторов, они играют, с одной стороны, ключевую роль в системе демократического воспроизводства властных институтов [3], а с другой – используются в качестве инструмента контроля в системе публичной власти в стране, особенно

в единой системе исполнительной власти в Российской Федерации [9].

В последние годы пандемия COVID-19 повлияла на процесс активизации использования цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности общества и государства – в связи с необходимостью осуществлять мероприятия по социальной изоляции и дистанцированию отдельных категорий граждан, находящихся в зоне риска. Прежде всего это касается организации и деятельности органов публичной власти в Российской Федерации. В частности, неоднократно изменялся режим работы органов публичной власти и их должностных лиц. Кроме того, приоритетной формой документооборота между органами публичной власти, юридическими и физическими лицами стала выступать электронная форма.

Таким образом, рост использования цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности общества как в Российской Федерации, так и в других странах, вкупе с пандемической угрозой, носящей уже более двух лет актуальный характер, повлекли возникновение ряда проблем, препятствующих, с одной стороны, полноценной реализации конституционных принципов народовластия и участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства, а с другой – реализации, охране и защите всей системы прав, свобод и законных интересов граждан России:

Во-первых, с начала пандемии в 2020 году существенно усложнилась возможность реализации различных видов предвыборной агитации избирателей со стороны политических партий и отдельных кандидатов, которые проводились либо на улицах, либо путем встреч с избирателями, так как требования медико-санитарного законодательства накладывают определенные ограничения и в части соблюдения социальной дистанции, и количества участников тех или иных мероприятий, особенно проводимых в помещениях. Таким образом, наблюдается явный конфликт между необходимостью обеспечения общественной безопасности (в том числе – пандемической и медико-санитарной) и рядом конституционных принципов, в частности, гласности и открытости организации и деятельности органов публичной власти. Как справедливо отмечает Н.А. Баранов, «экспансия проблематики безопасности предполагает повышенный интерес экспертного сообщества к вопросам ограничения прав и свобод человека, демократических институтов и процедур.

Осуществлять контроль за государственными институтами может только гражданское общество, акцентирующее внимание на опасности вторжения государства и общества в частную жизнь человека, ограничении его прав и свобод, всевластии органов безопасности. Поэтому современные формы демократии... представляются перспективными в вопросах ограничения запретительных мер в ответ на возможные угрозы. Поиск баланса между полномочиями специализированных органов по обеспечению безопасности личности, общества и государства и недопустимостью их вторжения в приватную сферу является актуальным для современных стран» [10].

Во-вторых, угроза пандемии подстегнула активизацию внедрения в российское избирательное законодательство новых институтов, связанных с применением цифровых технологий, например, институт электронного голосования, когда избиратели могут дистанционно (вне избирательных участков) осуществлять голосование на выборах, которое было опробовано на прошедших выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 8-го созыва в ряде избирательных округов (в частности, на территории города федерального значения Москва) и будет в дальнейшем использоваться во время голосования на выборах органов публичной власти того или иного уровня. Однако, несмотря на то, что руководство Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, правоохранительных органов России заявляет о том, что электронное голосование проводилось без нарушений, следует отметить, что действующее законодательство Российской Федерации не предусматривает механизма, с одной стороны, организации и проведения общественного контроля за электронным голосованием, а с другой – не ясен возможный механизм, пределы, формы, методы и мероприятия контроля гражданского общества за подобной формой голосования в стране. Таким образом, отсутствуют объективные юридические гарантии, препятствующие злоупотреблениям со стороны как избирательных комиссий, так и организаций, которые осуществляют информационное и технологическое сопровождение процедуры электронного голосования. В этой связи Л.А. Соколов отмечает: «Использование цифровых технологий ставит перед организациями и перед обществом в целом задачу формирования совершенного нового типа “общественного договора”, который если не исключал бы полностью подобные злоупотребления, то, по крайней мере,

предусматривал бы механизмы общественного контроля и общественной оценки деятельности власти, если речь идет о государственном и муниципальном управлении, и руководства организаций в данной сфере» [6].

В-третьих, неблагоприятная пандемическая обстановка в России способствовала ускорению внедрения института подачи жалоб, обращений, заявлений, иных документов гражданами в органы публичной власти в дистанционном режиме с использованием сети Интернет, когда данные материалы и документы направляются через сайты вышеупомянутых органов публичной власти. В одних случаях это упрощает и удешевляет работу с подобными материалами и документами для органов публичной власти и их должностных лиц. А в условиях, когда значительная часть граждан России либо не имеет доступа к сети Интернет, либо не владеет компьютерной грамотностью, особенно лица пожилого и пенсионного возраста, представляется недопустимым в дальнейшем какие-либо ограничения классических форм подачи подобных материалов и документов (через почтовые организации, либо через личный прием граждан). В то же время ряд органов публичной власти на конец 2021 – начало 2022 года (например, органы судебной власти) существенно ограничились возможностью подачи документов непосредственно на территории органов публичной власти (в частности, на территории судов), что создает угрозу для реализации механизма защиты прав, свобод и законных интересов гражданами Российской Федерации.

В-четвертых, возрастает давление Всемирной организации здравоохранения, иных международных правительственных и неправительственных организаций на национальные правительства в части понуждения последних к присвоению QR-кодов различным категориям граждан, которые, либо прошли вакцинацию от COVID-19, либо относятся к категории переболевших граждан, либо освобождены от вакцинации в связи с состоянием здоровья. Некоторые авторы рассматривают введение QR-кодов для вышеназванных категорий граждан в качестве нарушения ряда конституционных прав и свобод граждан [11, с. 10–14] в том числе, их равноправия перед законом. При этом данный процесс по факту в Российской Федерации не подконтролен институтам гражданского общества.

В связи с этим представляется, что цифровые технологии в эпоху всеобщей и повсеместной цифровизации должны не саботироваться пред-

ставителями субъектов общественного контроля, а активно использоваться в качестве инструмента (средства) повышения эффективности проводимых мероприятий общественного контроля. По мнению ряда авторов, применение цифровых технологий в процессе организации и осуществления общественного контроля, с одной стороны, связано с большими проблемами организационно-технического и правового характера, а с другой – выступает в качестве важного инструмента повышения эффективности и результативности проводимых мероприятий общественного контроля, являясь перспективным направлением в совершенствовании данного института гражданского общества [12–14].

Для этого, на наш взгляд, следует осуществить разработку и внедрение системы мероприятий по использованию цифровых технологий в процессе организации и деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации.

Во-первых, субъекты общественного контроля при разработке и проведении мероприятий общественного контроля должны активно использовать цифровые технологии, особенно в части сбора и обработки информации и материалов, которые ими запрашиваются у органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, иных органов и организаций, которые осуществляют отдельные публичные полномочия (либо которые ими получены в ходе проведения выше-названных мероприятий).

Ряд авторов справедливо отмечает, что применение цифровых технологий при организации и проведении общественного контроля в Российской Федерации должно стать преобладающим трендом в развитии общественного контроля в стране [15, с. 166–169]. Более того, процесс доминирования данных технологий в механизме организации и осуществлении мероприятий общественного контроля в России и в мире неизбежен в связи с преобладанием электронного документооборота и размещением информации и документов на сайтах органов публичной власти, а также интерактивных форм коммуникации населения с органами публичной власти в государстве.

Во-вторых, в связи с тем, что значительное количество направлений публичного управления в Российской Федерации, в частности, сфера государственных и муниципальных закупок, активно задействует сеть Интернет, когда на специализированных сайтах осуществляются основ-

ные мероприятия подобных закупок, субъекты общественного контроля должны разработать и внедрить систему мероприятий по сплошному мониторингу данных электронных площадок на предмет выявления нарушений действующего законодательства. Многие авторы выделяют различные направления в развитии общественного контроля в сфере государственных и муниципальных закупок: в сфере финансового мониторинга публичных закупок [16, с. 3–11], в ходе которого будет осуществляться общественный контроль финансовой составляющей проводимых публичных закупок (целевого характера использования бюджетных средств, законности выделения денежных средств на данные категории публичных закупок, соотношения объемов выделяемых денежных средств и средней рыночной цены закупаемых товаров, работ и услуг и т.п.); в части общественной проверки целесообразности организации проведения публичных закупок по тем или иным категориям закупаемых товаров, работ и услуг [5, с. 27–31] в связи с тем, что зачастую обоснование необходимости осуществления публичных закупок носит надуманный характер (например, планируется проведение ремонта государственных и муниципальных помещений, в которых уже проводился ремонт в предыдущем году, либо в тех объектах, которые запланированы на снос в ближайший период времени и т.п.). В то же время следует использовать опыт организации и проведения мероприятий общественного контроля, который накоплен в странах, входящих в СНГ (например, Республики Беларусь, Казахстане и т.д.) [17, с. 79–88; 18, с. 17–25].

В-третьих, субъекты общественного контроля на федеральном, региональном и муниципальном уровнях (в частности, Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты и советы в муниципальных образованиях) должны применять цифровые технологии для совместной координации своей деятельности, чтобы в режиме реального времени субъекты общественного контроля могли координировать свои усилия при проведении мероприятий общественного контроля, оперативно привлекая к их проведению дополнительных представителей, обладающих достаточными профессиональными знаниями, компетентностью и опытом в проведении указанных мероприятий общественного контроля. Применение цифровых технологий позволит не только скоординировать усилия различных субъектов общественного контроля, но и струк-

турировать их в эффективно функционирующую систему общественного контроля, при которой вышестоящие органы общественного контроля смогут в режиме реального времени оценивать эффективность осуществляемых мероприятий общественного контроля, выявить оптимальные формы, виды мероприятий общественного контроля при его осуществлении в отношении отдельных видов объектов общественного контроля. Это будет способствовать уменьшению расходов на проведение мероприятий общественного контроля, а также увеличению количества проводимых мероприятий общественного контроля в отношении всех видов объектов общественного контроля в Российской Федерации. Как справедливо замечено многими исследователями, эффективность проводимых мероприятий общественного контроля различна в отношении различных видов объектов общественного контроля [19, с. 55–56; 20, с. 2018–2028; 21, с. 105–106]. Однако использование цифровых технологий позволяет в режиме реального времени выявлять, какие виды мероприятий общественного контроля, а также его форм и методов являются универсальными для организации и осуществления общественного контроля.

В-четвертых, важное значение для повышения эффективности организации и осуществления общественного контроля имеет разработка и принятие на федеральном, региональном и муниципальном уровнях системы нормативно-правовых актов, посвященных внедрению электронных площадок по проведению мониторинга общественного мнения. Как мы уже отмечали в ранее проведенных исследованиях, [4, с. 43–48] создание подобных электронных площадок позволит, с одной стороны, обеспечить эффективный интерактивный диалог между органами публичной власти, населением, а также субъектами общественного контроля в режиме реального времени, а с другой – предотвращать случаи массового нарушения действующего законодательства должностными лицами органов публичной власти, муниципальных и государственных учреждений, органов и организаций, наделенных отдельными публичными полномочиями. При этом ряд ученых считает, что использование подобных интерактивных площадок будет способствовать повышению роли института общественного контроля как превентивной гарантии реализации конституционных принципов законности и ответственности деятельности органов публичной власти, а также их должностных лиц [22; 23].

В-пятых, представляется необходимым закрепить в действующем законодательстве обязанность органов публичной власти размещать проекты подготавливаемых нормативно-правовых актов для публичного обсуждения на электронных сайтах данных органов публичной власти в сети Интернет с целью обеспечения сплошного мониторинга указанных нормативно-правовых актов со стороны гражданского общества, в частности, органов общественного контроля (на предмет выявления нарушения действующего законодательства, а также прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации).

Заключение. Таким образом, выявлены основные проблемы, связанные с использованием цифровых технологий в качестве средства обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля, а также разработана система мероприятий по их разрешению (как в части оптимизации действующего законодательства об общественном контроле, так и в плане создания необходимых условий для повышения эффективности процессов использования цифровых технологий в качестве средства обеспечения эффективности организации и осуществления общественного контроля).

Литература

1. Удалов, Д.В. Цифровая трансформация социально-экономического пространства / Д.В. Удалов // Вестн. Саратов. гос. соц.-эконом. ун-та. – 2020. – № 3(82). – С. 33–36.
2. Баранов, Н.А. Цифровые технологии на службе человека и государства: поиск приоритетов / Н.А. Баранов // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Т. 9, № 3-1. – С. 117–127.
3. Борисов, И.Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов / И.Б. Борисов // Избирательное законодательство и практика. – 2019. – № 3. – С. 3–10.
4. Куемжиева, С.А. О необходимости разработки и внедрения на территории Краснодарского края проекта типовой электронной площадки по проведению мониторинга общественного мнения по вопросам здравоохранения в муниципальном образовании / С.А. Куемжиева, В.В. Гончаров, Д.Д. Облогин // Юрид. вестн. ДГУ. – 2021. – Т. 37, № 1. – С. 43–48.
5. Жунуспаев, К.Т. Общественный контроль за проведением государственных закупок в Кыргызстане / К.Т. Жунуспаев // Науч. аспект. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 27–31.
6. Соколов, Л.А. Цифровые технологии управления и контроля – возможности и вызовы / Л.А. Соколов // Фундамент. исследования. – 2021. – № 3. – С. 103–107.
7. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть 1). – Ст. 5018.

8. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018, № 204 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.
9. Рыбалка, Е.А. Проблемы формирования финансового контроля в цифровом государстве / Е.А. Рыбалка // Вестн. юрид. факультета Южного фед. ун-та. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 87–93.
10. Баранов, Н.А. Открытость vs безопасность: приоритеты для государства и гражданского общества в условиях цифровизации / Н.А. Баранов // Управл. консультирование. – 2019. – № 10(130). – С. 34–35.
11. Япрынец, И.М. Общественный контроль в системе гражданских инициатив в Российской Федерации / И.М. Япрынец. – М.: Проспект, 2021. – 136 с.
12. Глушкова, С.И. Общественный контроль в современной России: основные направления и проблемы развития / С.И. Глушкова, Н.В. Палкина // Вестн. Гуманитар.ун-та. – 2020. – № 2(29). – С. 85–97.
13. Агибалов, Ю.В. Общественный контроль: практика, проблемы, направления совершенствования / Ю.В. Агибалов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. – 2020. – № 2(41). – С. 57–73.
14. Карнаух, И.А. О важности общественного контроля на современном этапе развития финансового контроля в Российской Федерации / И.А. Карнаух // Самоуправление. – 2020. – Т. 2, № 2(119). – С. 238–241.
15. Фролова, И.В. Общественный контроль в современной России: тренды и задачи цифровизации / И.В. Фролова, А.И. Уразова, О.Н. Игнатъева // Экономика и управление: науч.-практ. журн. – 2021. – № 6(162). – С. 166–169.
16. Кикавец, В.В. Общественный финансовый контроль публичных закупок / В.В. Кикавец // Финанс. право. – 2022. – № 1. – С. 3–11.
17. Щербик, Д.В. Общественный контроль в области здравоохранения в Республике Беларусь: правовые основы, реальное состояние и направления совершенствования / Д.В. Щербик // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2020. – № 5. – С. 79–88.
18. Нургазинов, Б.К. Концепция проекта Закона «Об общественном контроле в Республике Казахстан» и вопросы повышения форм общественного контроля / Б.К. Нургазинов, Е.С. Абулгазин // Вестн. Ин-та законодательства и прав. информации Респ. Казахстан. – 2021. – № 3(66). – С. 17–25.
19. Романова, К.В. Общественный контроль в отношениях обращения с отходами / К.В. Романова, Э.З. Сакаева // Интеракт. наука. – 2022. – № 1(66). – С. 55–56.
20. Щелкунов, Е.А. Общественный контроль в сфере финансовой деятельности государства, проблемы правоприменения / Е.А. Щелкунов // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 35. – С. 2018–2028.
21. Магомедова, Р.М. Общественный контроль как средство законности выборов / Р.М. Магомедова // Евразийский юрид. журн. – 2021. – № 4(155). – С. 105–106.
22. Лопатина, Т.М. Роль общественного контроля в современных условиях / Т.М. Лопатина // Рос. юстиция. – 2020. – № 4. – С. 49–52.
23. Маслов, В.Н. Предложения по созданию условий для эффективного общественного контроля / В.Н. Маслов // Вестн. Нижегород. ин-та управления. – 2020. – № 2(56). – С. 45–51.

Поступила в редакцию 19.08.2022

Понятие и сущность источников права России и Беларуси: сравнительный анализ

Петров В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что проблемы источников права в связи с их теоретической и практической значимостью всегда привлекали к себе внимание исследователей как в России, так и в Беларуси. Именно от качественного состояния и дальнейших перспектив развития источников права зависит высокий уровень правовой жизни, юридической защищенности прав и законных интересов граждан, а в конечном счете кардинальные и справедливые решения основных вопросов в области экономики и политики. В настоящее время существует настоятельная необходимость в выработке новых теоретико-методологических подходов к исследованию источников права, базирующихся на обновленных конституциях России и Беларуси и современном законодательстве.

Цель статьи – комплексное исследование теоретико-правовых проблем источников права, их содержания, понятий, направленных на выявление их юридической природы и перспектив развития.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили научные публикации в области общей теории права, предметом анализа которых стали источники права. В качестве методов исследования применялись философские, общенаучные и специальные методы познания – конкретно-исторический, системный, логический, формально-юридический и др.

Результаты и их обсуждение. В статье раскрываются вопросы, связанные с сущностью и содержанием источников права России и Беларуси, приводятся различные точки зрения исследователей в сфере общей теории права, а также мнение автора по тем или иным проблемам в области источников права.

Заключение. Обосновано, что проблема источников права как особого специфического места «пребывания» правовых норм должна освещаться с учетом всего того, что характеризует их как внешнее выражение источников права. Однако источники права как сложная система норм, регулирующих общественные отношения, не исчерпываются формами выражения воле нормативной государственной воли. В действительности фиксация правил поведения осуществляется не только нормативными правовыми актами, но и правовыми обычаями и договорами с нормативным содержанием и т.д.

Ключевые слова: право, источники права, формы права, содержание и понятие источников права, соотношение формы и источников права.

Concepts and Essence of Sources of Law of Russia and Belarus: Comparative Analysis

Petrov V.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The relevance of the research topic is due to the fact that the problems of sources of law in connection with their theoretical and practical significance have always attracted the attention of researchers both in Russia and in Belarus. A high level of legal life, legal protection of the rights and legitimate interests of citizens, and ultimately cardinal and fair solutions to the main issues in the field of economics and politics depend on the qualitative state and further prospects for the development of sources of law. Currently, there is an urgent need to develop new theoretical and methodological approaches to the study of sources of law based on the updated constitutions of Russia and Belarus and modern legislation.

The purpose of the article is a comprehensive study of the theoretical and legal problems of the sources of law, their content, the concept aimed at identifying their legal nature and prospects for development.

Material and methods. The materials for this study were scientific publications in the field of general theory of law, the subject of which was the sources of law. Philosophical, general scientific and special methods of cognition were used as research methods – specifically historical, systemic, logical, formal legal, etc.

Results and their discussions. The article examines issues related to the essence and content of the sources of law of Russia and Belarus, provides various points of view of researchers in the field of general theory of law, as well as the author's opinion on various problems in the field of sources of law.

Conclusion. It is proved that the problem of sources of law as a special specific place of "stay" of legal norms should be covered taking into account everything that characterizes them as an external expression of sources of law. However, the sources of law, as a complex system of norms regulating public relations, are not limited to forms of expression outside the normative state will. In fact, the fixing of the rules of conduct is carried out not only by normative legal acts, but also by legal usages and contracts with normative content, etc.

Key words: Law, sources of law, forms of law, content and concept of sources of law, correlation of forms and sources of law.

Учение об источниках права всегда занимало одно из центральных разделов юридической науки. Категория «источник права» является од-

ной из ключевых в области теории права, так как это многогранное, многостороннее и весьма неоднозначное явление. Еще в начале XX века

И.В. Михайловский отмечал, что термин «источник права» «до сих пор еще понимается различно, и по поводу его ведутся споры» [1, с. 237]. В середине XX века С.Ф. Кечекьян констатировал, что понятие «источник права» «принадлежит к числу наиболее неясных в теории права» [2, с. 3]. Не только нет общепринятого определения этого понятия, но даже спорным является смысл, в котором определяется категория «источник права». По мнению Д.В. Жуковой-Василевской, до сих пор в отечественной правовой науке не только нет единого определения понятия «источник права», но и сама правомерность его употребления нередко ставится под сомнение [3, л. 15].

Цель статьи – комплексное исследование теоретико-правовых проблем источников права, их содержания, понятия, направленных на выявление их юридической природы и перспектив развития.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили научные публикации в области общей теории права, предметом анализа которых стали источники права. В качестве методов исследования применялись философские, общенаучные и специальные методы познания – конкретно-исторический, системный, логический, формально-юридический и др.

Результаты и их обсуждение. С этимологической точки зрения слово «источник» понимается как «то, из чего берется, черпается что-либо; то, что дает начало чему-либо, служит основой для чего-либо»; «то, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь» [4, с. 691].

Понятие «источник права» в формально-юридическом смысле ввели в научный оборот древнеримские юристы. Так, Марк Туллий Цицерон в своем труде «Три трактата об ораторском искусстве» писал: «Для всякого, кто ищет основы источников права, одна книжица XII таблиц весом своего авторитета и обилием пользы воистину превосходит все библиотеки всех философов» [5, с. 113]. Римский историк Тит Ливий в работе «История Рима от основания города» назвал законы XII таблиц «источником всего публичного и частного права» [6, с. 364–365].

Проблема понятия «источника права» в правовой науке начинает разрабатываться в XIX в., и с этого момента дискуссии о сущности и содержании источников права не прекращаются и до настоящего времени.

Так, Л.И. Петражицкий отмечал, что «источники права: обычное право, законное право и т.д. суть не что иное, как само право, виды позитивного права, разновидность права» [7, с. 513].

Н.К. Ренненкампф писал, что «под источниками права разумеют “силы, основы, причины, производящие право”, “формы, в которых образуется и действует право”» [8, с. 51–52]. Отмечая многозначность понятия «источник права» и его неудачность для определения форм, в которых выражается право, Г.Ф. Шершеневич подчеркивал, что под источниками права понимаются: «а) силы, творящие право; б) материалы, положенные в основу законодательства; в) исторические памятники, которые когда-то имели значение действующего права; г) средства познания действующего права» [9, с. 368–369].

Понятие «источник права» тесно связано с природой, сущностью и назначением права, его правопониманием, поэтому наибольшие разногласия возникали при определении содержания источника права в значении право производящих фактов. Так, Н.К. Ренненкампф в качестве «силы, основы, причины, производящей право» рассматривал власть законодателя [8, с. 51], И.В. Михайловский при решении вопроса о том, что должно считаться правотворящими факторами, отмечал, что «одни говорят, что это – объективные условия данной среды, другие – что это высший этический закон, третьи – что это психические переживания личности, четвертые – что это те формы (обычай, законы и т.д.), в которых облекается высшим внешним авторитетом известное содержание» [1, с. 237]. Г.Ф. Шершеневич «силой, творящей права» называл «волю Бога, волю народную, правосознание, идею справедливости, государственную власть» [9, с. 369].

Наряду с проводимыми дискуссиями о содержании и сущности источников права в правовой науке делались попытки заменить понятие «источник права», в формальном смысле его понимания, на термин «форма права». А.Ф. Шебанов также предлагал заменить термин «источник права» на термин «форма права», так как, по его мнению, «правовые акты сами по себе не создают право, а лишь являются формой выражения права и не могут быть источниками своего содержания» [10, с. 43]. О малоприспособности термина «источник права» для практического и научного познания, в наши дни заявил белорусский исследователь С.Е. Данилюк [11, с. 228].

Вопрос о соотношении понятий «источник права» и «форма права» в юридической литературе исследовался многосторонне, однако единого мнения в науке о их соотношении так выработано и не было. Ряд авторов отождествляют источники права с формой права, а для обозначения исполь-

зуют двойное название: форма (источник права) или источник (форма права). Т.Н. Радько при соотношении источника права и формы права пишет, что «более правильно считать эти понятия не идентичными, а исходить из положения, что имеющиеся формы, т.е. способы выражения во вне правовых установлений, общеобязательных правил (способы выражения государственной воли), – это и есть непосредственные источники права» [12, с. 363].

Сопоставляя приведенные точки зрения на соотношение категорий «источник права» и «форма права» и их практическое применение, полагаем, что они не соответствуют реальному положению вещей, так как изречения «совпадают», «не совпадают», «тождественны», «не тождественны» слишком прямолинейны и грешат односторонностью в оценке рассматриваемых явлений.

Если проанализировать понятие и содержание форм и источников права, а также их взаимоотношение, то можно увидеть, что в одних отношениях форма и источник права могут совпадать друг с другом, в других – они значительно отличаются друг от друга и могут не совпадать.

Совпадение формы и источника права возможно только тогда, когда речь идет о формальных источниках права. Тем самым, как утверждает М.Н. Марченко, «подчеркивается помимо всего прочего идентичность формы и источника права, где форма указывает на то, как, каким образом организовано и выражено вовне юридическое (нормативное) содержание, а источник – на то, каковы те юридические и иные истоки, факторы, предопределяющие рассматриваемую форму права и ее содержания» [13, с. 202–203].

Несовпадение источника и формы права проявляется на материальном уровне, где источник права выступает в виде экономических, социальных и иных факторов, оказывающих постоянное влияние на процессы правообразования, правотворчества, формирования и развития правовой системы. «При совпадении понятий формы и источника права, обозначающих их термины, – пишет М.Н. Марченко, – следует рассматривать как идентичные по своему смысловому значению и содержанию, как взаимозаменяемые. Во всех же других случаях подобная взаимозаменяемость данных терминов, в силу неадекватности рассматриваемых явлений и отражающих их понятий исключается» [13, с. 57–58]. Следует разграничить два понятия: форма права и правовая форма. «Сходство этих норм заключается в том, – отмечает М.Н. Марченко, – что они: а) являются однопорядковыми явлениями

и категориями, а именно формами и б) соотносятся с одним и тем же видом материи – правовой» [13, с. 40]. Различаются они в том, что имеют разный объект воздействия. Форма права имеет дело непосредственно с правом. Правовая форма опосредствует и организует одновременно и не правовую материю – экономические, политические, социальные и иные отношения. Она ориентирует на право в целом и место ее среди других идеологических явлений и по отношению к экономическому базису. Форма права ориентирует не столько на право, сколько на его различные составные части в виде норм, институтов и т.п. Форма права может быть определена «как способ (прием, средство) внутренней организации и внешнего выражения права, а точнее выражения содержащихся в нормах права правил поведения» [13, с. 188].

Д.В. Сас утверждает, что правовая форма – это вся правовая реальность. В данном случае речь идет о правовых явлениях, опосредующих экономические, политические, бытовые и иные фактические отношения. «Понятие правовой (юридической) формы, – указывает она далее, – применимо, когда раскрывается связь права (или любого другого правового явления) с иными социальными образованиями, процессами и отношениями» [14, л. 20].

В юридической литературе различают внутренние и внешние формы права.

Под внутренней формой права следует понимать структуру права, к которой относятся система права, соподчиненность ее элементов и т.д. В современной юридической литературе нет единого понимания относительно внешней формы права и источники права подразделяют на материальные, идеальные (ранее их именовали идеологические), формальные (юридические), исторические и на источники познания.

К материальным источникам относятся материальные условия жизни общества, экономические отношения, способ производства, социальное обеспечение и т.д. Основательно подход к материальным источникам права был разработан в марксистской теории. Тезис о существовании материальных источников права обосновывался в концепции об определяющей роли базиса, т.е. материальных условиях жизни общества по отношению к надстройке, куда входит и право со всеми своими атрибутами. Суть подхода к источникам права марксистско-ленинской теории наиболее ясно высказал в своей работе «Вопросы ленинизма» И.В. Сталин, который полагал, что «источники формирования духовной жизни

общества, источники происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических убеждений нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических убеждениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которых являются эти идеи, теории, взгляды и т.п.» [15, с. 545].

К идеальным источникам права следует отнести философские или мировоззренческие начала, правосознание, правовую доктрину, правовую культуру и т.п.

Исторические источники права включают исторические памятники, которые когда-то имели значение действующего права. Например, в Древнерусском государстве это уставы Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого, Русская Правда, Новгородская и Псковская судные грамоты и т.д.

Источники познания – это материалы, посредством которых познается право и все, что с ним связано.

Наиболее распространенным и часто употребляемым в юридической литературе является формальное (юридическое) представление об источниках права, причем исследователи в основном концентрируют внимание на внешних формах выражения права. Иногда определяют источники права «в специально-юридическом значении» и понимаются они в этом случае как способ выражения (оформления) и закрепления норм права как идей о должном или допустимом в объективной действительности или как то, где содержится норма права, то, откуда юристы-практики черпают знания о нормах позитивного права. Либо как специальный правовой термин, употребляемый для обозначения внешних форм выражения. Под ним понимается не исходная сила, обуславливающая само существование права, а форма, где существуют юридические нормы, т.е. то, откуда мы черпаем информацию о нормах права.

Некоторые ученые высказывают мнение о предпочтении применения дефиниции «источник права» в формально-юридическом значении. Так, А.А. Шафалович пишет: «Правовая категория “источник права” предпочтительнее, так как она универсальна и обобщает черты как писаных, так и неписаных форм права» [16, с. 342].

По мнению С.Е. Данилюка, определение «форма права» является не удачным. «Во-первых, не все правовые регуляторы обладают формальной определенностью, то есть документально зафиксированы (например, некоторые правовые обычаи, отдельные правовые принципы, научная

доктрина); во-вторых, право нельзя сводить только к правилам поведения, поскольку существуют нормы-идеалы, нормы-цели, нормы-начала, нормы-принципы, нормы-дефиниции и др.; в-третьих, не все правовые акты исходят от государства, народ как источник власти может принимать решения по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни на референдумах; в-четвертых, не все нормы права носят общеобязательный характер – существуют нормы-дозволения (управомочивающие нормы), которые устанавливают рамки свободного (без принуждения) правомерного поведения» [11, с. 230].

Имеются предложения использовать понятие «источник права» с помощью вспомогательных понятий. Так, Д.В. Сас, проведя анализ соотношения понятий «источник права» и «форма права», пришла к выводу, что «каждое из них имеет свой науковедческий статус, а по своему объему и содержанию не может полностью заменить другое» [14, л. 27].

Терминологически понятие «источник (форма) права», употребляемое в научной, учебной литературе, весьма разнообразно и неоднозначно. Связано это, скорее всего, с полисемией понятий общеупотребительных слов русского языка «источник», «форма» «право», каждое из которых понимается многозначно. Проблема намного усложняется при определении дефиниции «источник (форма) права» не только лингвистическими и логическими особенностями данного понятия, но и чисто правовыми. Эти понятия исследователи трактуют в зависимости от их правопонимания, контекста его употребления, перечисления критериев, составляющих его объем, логической последовательности изложения, от того, на каких методологических позициях они находятся, чьи взгляды разделяют и т.д.

Приведем некоторые из них. Р.А. Ромашов под формально-юридическими источниками права понимает «сформулированные, и принятые в официальном порядке предписания властного характера, в которых закрепляются общезначимые правила поведения и которые обеспечиваются системой государственных гарантий и санкции» [17, с. 215]. Ф.М. Гаджинова определяет: «Источники права в формально-юридическом смысле есть не что иное, как особая ипостась внешних форм выражения права, определяющая для участников реальных правоотношений местонахождение и ряд правоупотребительных свойств, подлежащих применению норм позитивного права» [18, с. 16]. Д.М. Демичев, А.А. Бочков

указывают, что источник права – это «внешняя форма права, официальный, документированный, формально-юридический способ выражения государственной воли, те формы права, которые выступают в качестве правовой основы для решения юридического дела» [19, с. 331].

Некоторые авторы, определяя понятие «источник (форма права)», применяют слова, смысл которых непонятен и неуместен. Так, А.Б. Венгеров пишет: «Форма права – объективированное закрепление и проявление содержания права в определенных государственных органах...» [20, с. 389], С.В. Бошно полагает, что форма права – это «объективированное надлежащим образом правовое установление» [21, с. 13], В.Л. Кулапов под внешней формой права понимает «объективированный комплекс юридических источников, формально закрепляющих правовые явления...» [цит. по: 22, с. 384]. В словаре русского языка С.И. Ожегова приведено следующее определение: «Объективировать – воплотить (ащать) в чем-нибудь, объективном доступном восприятию; объективировать свой художественный замысел» [23, с. 37].

Анализ определения понятия источника (формы) права показывает, насколько оно терминологически разнообразно трактуется исследователями. Используется в совершенно разных смыслах, само содержание размыто, подчеркиваются целенаправленная воля государства и внешняя форма выражения права (правовых норм, правил поведения) или правотворческая деятельность государства.

Кроме того, из вышеприведенного прослеживается доминирование позитивистского подхода при определении понятий источника – (форм) права, согласно которому право – это нормативные правовые акты, которые выражаются в законах и подзаконных актах. Необходимо согласиться с мнением В.П. Малахова, который отмечает, что «юристы привыкли считать, что позитивное право если и не единственное, на что можно обращать внимание, то, по крайней мере, господствующее и определяющее правопорядок, а остальные формы рассматриваются как дополнения. На самом деле все наоборот: живое право, правовая жизнь общества имеет свой компонент властного права» [24, с. 235]. Право шире, его нельзя сводить только к воле государства. К источникам права относят и правовой обычай, нормативный договор и судебные (административные прецеденты и т.д.), которые не признаются нормативными правовыми актами. Д.В. Жукова-Василевская предлагает и вовсе отказаться от позитивистского подхода

в понимании источников права, отождествления их только лишь с официально признаваемыми государством, закрепленными в качестве официальных средствами, способами их выражения [3, л. 38].

На протяжении длительного времени ведутся дискуссии о сущности, содержании и понятии источника (форм) права. Однако до настоящего времени отсутствует единое понимание, общей парадигмы так и не выработано. Предлагаются различные варианты их трактовки: замена категорий «источник права» на категорию «форма права»; совместное применение «источник» и «форма» права; определение источника права с помощью вспомогательных понятий; уточнение определения «источник права» путем выработки однозначного смысла, однако, как справедливо отмечает Д.В. Жукова-Василевская, «ни на одном из этапов развития отечественной правовой науки ни одно из этих предложений не было реализовано, что само по себе свидетельствует об отсутствии перспектив их практического осуществления» [3, л. 32].

Потребность в уточнении сущности и содержания понятия «источник права» обуславливается множественностью подходов к трактовке последнего, поскольку единого понимания, несмотря на длительную историю дискуссий вокруг источников права, в правовой науке так и не было выработано, результативного поиска с учетом многозначности и метафоричности понятия «источник права» такого его смысла, который соизмерен предмету исследования, адекватен его целям и задачам, Д.В. Жукова-Василевская считает важной самостоятельной задачей [3, л. 34].

Для подтверждения своего тезиса о малопродуктивности термина «источник права» для практического и научного познания С.Е. Данилюк, проанализировав существующие взгляды на содержание понятий «источник права», «формы права», их соотношение и правовые системы Беларуси и России, пришел к выводу «о существующем в настоящее время в теории права гносеологическом тупике, из которого не видно рационального выхода в рамках существующих методологий» [11, с. 231–232].

Он выдвигает свою концепцию понимания источников права – дифференцировать содержание понятия «источник права» на три стадии «жизненного цикла права»: правообразование, правотворчество, правоприменение – и использовать дефиницию «источник» в словосочетаниях: «источник правообразования», «источник правотворчества», «источник правоприменения».

При этом подчеркивает, что «все три указанные стадии не только связаны общим правогенезом как процессом возникновения и становления права, но и находятся в тесном диалектическом единстве, состоянии взаимовлияния и подчинения закономерности обратной связи» [11, с. 233].

По его мнению, источник правобразования – «это дозаконодательная стадия формирования права» [11, с. 234]. Источник правотворчества – это «факторы, породившие необходимость установления, изменения, прекращения правового регулирования общественных отношений» и «социальные нормы (ценностно-регулятивные источники), в разных формах и степени интенсивности влияющие на правовую систему государства» [11, с. 236]. Источники права образования и правотворчества, – отмечает С.Е. Данилюк, – рассмотренные в качестве доминирующих факторов, имеют общую онтологическую природу, а следовательно, факторы правобразования и правотворчества – это не что иное, как содержательно-материальные источники права» [11, с. 234–235]. Наконец, под источниками правоприменения он предлагает понимать «источники правовой информации регулятивного понятия, необходимые для разрешения конкретного юридического дела, непосредственно содержащиеся в законодательстве либо не обличенные в ненормативную форму, но обладающие легальностью и легитимностью» [11, с. 248].

Предложенная концепция С.Е. Данилюком имеет свои слабые стороны и не отражает действительного положения дел.

Правообразование – это предварительный вспомогательный процесс формирования права. Начинается он от правовой потребности (например планирование, а планировать необходимо, так как определенный нормативный акт требуется в настоящее время или понадобится в будущем); правового сознания, правовой идеи, научной доктрины (например, есть настоятельная необходимость в регулировании определенных общественных отношений, изменении или дополнении существующей правовой нормы либо отмене ее или приведении ее в соответствующее состояние потребностям настоящего времени, воплощении научной доктрины в норму права, проведении предварительной экспертизы и т.д.). И только затем вырабатывается и принимается правовая норма, т.е. правотворчество – самостоятельный процесс, завершающий формирование права, и его цель – создание и установление юридической нормы.

Процесс формирования, образования, установления норм права Д.М. Демичев, А.А. Бочков

обозначают разными терминами: «правообразование; правоустановление; нормотворчество; законотворчество; подзаконное правотворчество; локальное правотворчество; ведомственное правотворчество» [19, с. 371]. Законодательно определено только законотворчество и нормотворчество. Понятие «правотворчество» законодательно не закреплено. Правотворчество – доктринальный правовой термин, а способом его реализации является законотворчество, нормотворчество, подзаконное, локальное и ведомственное правотворчество. Законодательная (нормотворческая) деятельность – это государственно-властная деятельность по планированию, реализации права законодательной (нормотворческой) инициативы, подготовке, проведению экспертиз, принятию (изданию), официальному опубликованию, изменению, официальному толкованию, приостановлению, возобновлению, продлению и прекращению действия законов (нормативных правовых актов). Таким образом, правообразование в широком смысле – это синоним правотворчества. Следовательно, правообразование источником права быть не может. Правотворчество – это не все источники права, ибо к источникам права относятся не только законы и другие нормативные правовые акты, при принятии которых воплотилась государственная воля, но и, по образному выражению М.Н. Марченко, «воля других социальных объединений, официально причастных к правотворческому процессу, – воля авторитета в той или иной общественной среде» [13, с. 219].

По мнению С.Е. Данилюка, в правоприменении не облеченные в нормативную форму источники права должны обладать легальностью и легитимностью [11, с. 248]. Однако, что автор понимает под легальностью не разъяснено. Этимологически легальность – признание, допущение законом [23, с. 274]. Но ведь закон исходит от государства (его органов). Оно является законотворцем. Как верно замечает Д.В. Жукова-Василевская, «официально признанные источники – это те источники, которые были санкционированы государством в качестве легальных форм закрепления правовых норм» [3, л. 43].

Д.В. Жукова-Василевская констатирует, что на протяжении длительного времени единого понимания категории «источники права» выработано так и не было в силу многозначности и метафоричности данного понятия [3, л. 34]. Она полагает, что «вопрос об источниках российского права в его рамках должен быть сформулирован как вопрос о том, что в правовой действитель-

ности объективно выступает источником правил поведения, существенным образом влияющих на общественные отношения, определяющих поведение людей; как вопрос о том, откуда участники правоотношений черпают правила поведения, представление о правомерном и неправомерном, к чему компетентные органы и должностные лица обращаются для нахождения соответствующих праву решений» [3, л. 34]. В связи с этим ученый считает «обоснованно отказаться от использования ... понятия “источники права” в любом ином значении, кроме как для обозначения форм фиксации и выражения вовне норм, регулирующих правоотношения» [3, л. 35].

«В основе права, – рассуждает Д.В. Жукова-Василевская, – одновременно лежат как волей установленное, так и естественное начала, такие источники не следует отождествлять с источниками, официально установленными или признаваемыми государством, необходимо исходить из того, что наряду с официально признаваемыми, существуют также и непризнанные государством. Реально действующие источники» [3, л. 40].

Вводя категорию «реально действующие источники права», Д.В. Жукова-Василевская идентифицирует их по следующим критериям: признанность общественным правосознанием, его постоянство и функциональность; устойчивость факторов сопротивляемости и деформации зафиксированного в источниках правового материала; обусловленность объективными факторами – возникающими и развивающимися общественным путем общественного развития – культурными, социальными, экономическими и др. [3, л. 41–42].

Слабость предложенной концепции Д.В. Жуковой-Василевской в том, что для реального осуществления необходимо соблюсти ряд условий. Она сама подчеркивает, что деление на официально признанные и не признанные источники права возможно только при условии признания правового плюрализма, исходящего из того, что «государство не имеет монополии на право». Нельзя согласиться с ее тезисом о том, что «официальные источники становятся фактическими не потому, что устанавливаются государством и обеспечиваются силой его принуждения, а потому, что получают признание со стороны общества» [3, л. 43]. Не все установленные государством источники права получают признание со стороны общества, особенно это наглядно просматривается при применении источников административного, уголовного, налогового права. Не может насту-

пать общеобязательность неофициальных реально действующих источников права единственным основанием признания их общественным правосознанием.

С.Е. Данилюк и Д.В. Жукова-Василевская, выдвигая свои концепции в отношении источников права, исходили из того, что за все время развития правовой науки не было выработано единого понимания категории «источник права», и, по мнению Д.В. Жуковой-Василевской, это «само по себе свидетельствует об отсутствии перспектив их практического осуществления» [3, л. 32], а с позиции С.Е. Данилюка – «о гносеологическом тупике» [11, с. 231].

Существуют сотни определений дефиниции «право», свидетельствующих о том, что это многогранное, многоаспектное и многостороннее явление материального мира. Из всех социальных норм право – это самое сложное явление. Его сущность исследуют и будут исследовать правоведы, философы, социологи, историки и другие ученые.

Исследование сущности понятия «права» как правовой категории не является предметом данного исследования, поэтому приведем несколько определений понятия «права».

Легальное определение права изложено в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах», где право понимается как система нормативных правовых актов, закрепляющих наиболее важные общественные отношения.

В философской науке под правом понимается система общеобязательных, социальных норм, а также отношений, закрепленных государством с помощью этих норм и охраняемых им [25, с. 501].

Доктринально право определяется как «совокупность социальных норм, установленных и охраняемых государством, выражающих его волю и направленных на регулирование общественных отношений» [19, с. 71].

Таким образом, исходя из приведенных определений, термин «право» понимается как нормативный правовой акт (норма права, правовая норма), который устанавливается, закрепляется, охраняется государством, является общеобязательным и регулирует общественные отношения.

Право нельзя сводить только к воле законодателя, нормотворца. Правила поведения могут устанавливаться и в других источниках права – в правовом обычае, нормативном договоре и т.п.

Доводя до правоприменителя, правопользователя правовую информацию, заложенную

в источнике права, она обличается в определенную внешнюю форму выражения, каковой является нормативный правовой акт (законы, подзаконные акты), правовой обычай, нормативный договор и т.д.

Заключение. В связи с вышеизложенным, предлагается следующее определение источника права. Источник права в формальном (юридическом) смысле понимается как способ внешнего выражения и закрепления воле права, откуда правоприменители, правопользователи получают представления о правовой норме, норме права (правилах поведения) и иную нужную им правовую информацию.

Форма права и источник права – это не тождественные понятия.

Официально к источникам права как в России, так и в Беларуси относятся: нормативные правовые акты (законы и подзаконные акты) – это доминирующий источник, а также правовой обычай, нормативный договор (договор с нормативным содержанием).

Литература

1. Михайловский, И.В. Очерки философии права / И.В. Михайловский. – Томск: В.М. Посохин, 1914. – Т. 1. – 632 с.
2. Кечекьян, С.Ф. О понятии источника права / С.Ф. Кечекьян // Ученые записки МГУ. – М., 1946. – Вып. 116: Труды юрид. фак., кн. 2. – С. 3–25.
3. Жукова-Василевская, Д.В. Источники права России: тенденции формирования и развития: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.В. Жукова-Василевская. – М., 2009. – 173 л.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 1: А-И. – 698 с.
5. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / Марк Туллий Цицерон; под ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Науч. изд. центр «Ладомир», 1994. – 471 с.
6. Ливий Тит. История Рима от основания города: [в 3 т.] / Тит Ливий. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – 576 с.
7. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. / Л.И. Петражицкий. – СПб.: Слово, 1907. – Т. 2. – 656 с.
8. Ренненкампф, Н.К. Юридическая энциклопедия / Н.К. Ренненкампф. – Киев: Т-во печ. дело и торговли И.Н. Кушнеров и К, 1889. – 293 с.
9. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Изд. бр. Башмаковых, 1911. – Вып. 2. – 698 с.
10. Шебанов, А.Ф. О понятиях источника права и форм права / А.Ф. Шебанов // Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 23–33.
11. Данилюк, С.Е. Современный взгляд на источники права: дискуссионные вопросы теории и практики / С.Е. Данилюк // Вестн. Конституц. суда Респ. Беларусь. – 2021. – № 1. – С. 227–249.
12. Радько, Т.Н. Теория государства и права: учебник для вузов / Т.Н. Радько. – М.: Акад. проект, 2005. – 816 с.
13. Марченко, М.Н. Проблемы общей теории государства и права: [учебник: в 2 т.] / М.Н. Марченко. – М.: Проспект Велби, 2007. – Т. 2: Право. – 643 с.
14. Сас, Д.В. Источники права в римской правовой традиции и их современное развитие: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.В. Сас. – М., 2006. – 193 л.
15. Сталин, И.В. Вопросы ленинизма / И.В. Сталин. – 11-е изд. – [М.:] Госполитиздат, 1952. – 652 с.
16. Шафалович, А.А. Общая теория права / А.А. Шафалович. – Минск: Амалфея, 2019. – 528 с.
17. Ромашов, Р.А. Теория государства и права: учебник / Р.А. Ромашов. – СПб.: Изд-во Р. Асланова: Юрид. центр Пресс, 2005. – 630 с.
18. Гаджинова, Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ф.М. Гаджинова; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2004. – 24 с.
19. Демичев, Д.М. Общая теория права: учеб. пособие / Д.М. Демичев, А.А. Бочков. – Минск: Выш. шк., 2019. – 480 с.
20. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: учебник / А.Б. Венгеров. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Омега-Л, 2006. – 608 с.
21. Бошно, С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / С.В. Бошно; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2005. – 46 с.
22. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2000. – 776 с.
23. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок 53000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Изд-во Омск»: изд-во «Мир и образование», 2006. – 1200 с.
24. Малахов, В.П. Право в его универсальности, особенности и конкретности / В.П. Малахов. – М.: Моск. УНВД России, 2005. – 241 с.
25. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев [и др.]. – 2-е изд. – М.: Совет. Энцикл., 1989. – 815 с.

Поступила в редакцию 21.11.2022

Ограниченно признанные и непризнанные государства как актуальная проблема современного международного права

Барышев В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В современном мире наряду с признанными субъектами международного права насчитывается порядка десяти государственных образований, лишенных возможности полноправного участия в международном общении в лице ограниченно признанных и непризнанных государств. Существование некоторых из них в таком качестве продолжается уже на протяжении десятилетий. Препятствием на пути к широкому международно-правовому признанию указанных государств является позиция отдельных стран, в том числе постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Цель работы – рассмотрение ситуаций, которые привели к отсутствию полного международно-правового признания наиболее значимых ограниченно признанных субъектов.

Материал и методы. *Материалом исследования послужили научные доктрины по международно-правовому признанию государств, Устав ООН, исторические события, приведшие к отсутствию признания наиболее значимых из непризнанных государств. В качестве методов в изучении проблемы использовались аналитический, исторический, системный, формально-логический, технико-юридический, сравнительно-правовой.*

Результаты и их обсуждение. *На протяжении десятилетий отдельные государственные образования, обладающие такими признаками государства, как население, территория, власть, не имеют возможности полноправного участия в международном общении. К наиболее значимым, из числа таких государств, относятся Китайская Республика Тайвань, Государство Палестина, Республика Косово, Республика Самолиленд. Каждое из названных государств имеет свою историю, приводящую их к ситуации исключения из широкого международного общения. В условиях глобализации современного мира такая ситуация не может считаться нормальной. К тому же в отказе в праве международного общения отдельным государствам можно усмотреть нарушение прав граждан, проживающих в таких государствах. Данная проблема может быть разрешена только в рамках ООН. Первый шаг на этом пути был уже сделан в 2012 году, когда Государство Палестина получила статус наблюдателя в ООН, который предшествует вступлению в члены организации. Государства, отделившиеся в результате военных действий на постсоветском пространстве: Абхазия, Южная Осетия, Приднестровская Молдавская Республика, Нагорно-Карабахская Республика, не имеют реальных шансов на международно-правовое признание.*

Заключение. *Следует констатировать факт юридического признания большинством государств-членов ООН Государства Палестины. У названного государства существуют наиболее реальные шансы в недалекой перспективе стать полноправным членом ООН. Имеются также реальные шансы на полное международно-правовое признание у Республики Косово и африканского государства Республики Самолиленд.*

Ключевые слова: государство, международное признание, теории признания, принципы права, ООН.

Limited Recognized and Unrecognized States as a Current Issue of the Contemporary International Law

Baryshev V.A.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

In the modern world, along with recognized subjects of international law, there are about ten state entities deprived of the possibility of full participation in international communication as limited recognized and unrecognized states. The existence of some of them in this capacity has been going on for decades. The position of individual countries, including permanent members of the UN Security Council, is an obstacle to the broad international legal recognition of these States.

The purpose of the work is to consider situations that have led to the lack of full international legal recognition of the most significant limited recognized entities.

Material and methods. *The research material was scientific doctrines on the international legal recognition of states, the UN Charter, historical events that led to the lack of recognition of the most significant states. Analytical, historical, systematic, formal-logical, technical-legal, comparative-legal methods were used as methods in the study of the problem.*

Findings and their discussion. *Over decades, a number of state entities that have such characteristics of the state as population, territory, and power have not been able to participate fully in international communication. The most significant of these states are the Chinese Republic of Taiwan, the State of Palestine, the Republic of Kosovo, the Republic of Somaliland. Each of these states has its own history, which has led them to a situation of exclusion from broad international communication. In the conditions of globalization of the modern world, such a situation cannot be considered normal. In addition, the denial of the right of international communication to individual states can be seen as a violation of the rights of citizens living in such states. This problem can be solved*

only within the framework of the UN. The first step on this path was already taken in 2012, when the State of Palestine received observer status in the UN, which precedes membership in the organization. The states that separated as a result of military actions in the post-Soviet space: Abkhazia, South Ossetia, the Pridnestrovian Moldavian Republic, the Republic of Artsakh have no real chance of broad international legal recognition.

Conclusion. It should be stated that the majority of the UN member states legally recognize the State of Palestine. This state has the most realistic chances to become a full member of the UN in the near future. There are also real chances for full international legal recognition of the Republic of Kosovo and the African State of the Republic of Somaliland.

Key words: state, international recognition, recognition theories, principles of law, the UNO.

В современном международном праве проблема международно-правового признания государств превратилась в одну из наиболее сложных и неоднозначных по подходам к ее разрешению. Суть проблемы заключается в наличии в мире ряда государств, не получивших широкого юридического признания со стороны действующих субъектов международного права и лишенных права непосредственно активно участвовать в международном общении. Исходя из сложившейся практики отношений государств после Второй мировой войны, полноправными субъектами международного права являются государства-члены ООН, которых на данный момент насчитывается 193. Фактическое обладание членством в ООН решает все проблемы международной правосубъектности государства. Это означает, что государство имеет право участвовать в формировании и работе главных и вспомогательных органов Организации, а также быть членом ее специализированных организаций, пользоваться привилегиями и иммунитетами члена ООН. При образовании ООН государствами-основателями стали 51 государство, подписавшее Устав ООН 26 июля 1945 г. (Польша подписала Устав 15 октября 1945 года). Все другие государства становились членами Организации в результате прохождения процедуры принятия. Указанная процедура ООН регулируется ст. 4 Устава, состоящей из двух пунктов: «1. Прием в Члены Организации открыт для всех других миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в настоящем Уставе обязательства и которые, по суждению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять. Прием любого такого государства в Члены Организации производится постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности» [1].

Исходя из содержания п. 1 ст. 4 Устава, государства, претендующие на членство в ООН, должны соответствовать следующим критериям: 1) проведение миролюбивой политики; 2) готовность принять обязательства, содержащиеся в Уставе; 3) наличие возможности и желание выполнять обязательства. Прием новых чле-

нов в Организацию отнесено в п. 2 ст. 18 Устава к числу важных вопросов, решения по которым принимаются большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании членов Ассамблеи.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные доктрины по международно-правовому признанию государств, Устав ООН, исторические события, приведшие к отсутствию признания наиболее значимых из непризнанных государств. В качестве методов в изучении проблемы использовались исторический, системный, формально-логический, технико-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. Сложность проблемы международно-правового признания вновь возникших государств обусловлена столкновением двух основных принципов международного права: территориальной целостности государств и равноправия всех народов и их права на самоопределение. Непризнанные или частично признанные субъекты настаивают на своем праве суверенной государственности, приводя в качестве главного аргумента основной принцип международного права равенства народов и их право на самоопределение. В свою очередь государства, от которых отделились территории путем провозглашения независимости, настаивают на верховенстве принципа территориальной целостности государств.

В качестве подтверждения реальности наличия указанного противоречия можно привести позицию президента Казахстана К.-Ж. Токаева, озвученную им на экономическом форуме в Санкт-Петербурге в июне 2022 году: «Современное международное право – это устав ООН. Но два принципа ООН пришли в противоречие – это целостность государства и право нации на самоопределение. Эти принципы противоречат друг другу, есть разные трактовки... Одни говорят, что территориальная целостность – это святое понятие, святая категория, а другие утверждают, что любые народы, находящиеся в составе того или иного государства – это собственное государство, и они могут отделиться по собственному жела-

нию от него... Подсчитано, что если право наций на самоопределение в реальности будет реализовано, то вместо 193 государств, входящих в состав ООН, на земле возникнет более 500 или 600 государств, конечно же, это будет хаос. По этой причине мы не признаем ни Тайвань, ни Косово, ни Южную Осетию, ни Абхазию» [2]. С таким аргументом, объясняющим непризнание Казахстана названных государств, сложно не согласиться.

О давности проблемы международно-правового признания государств свидетельствуют и правовые теории – конститутивная и декларативная – также исходящие из диаметрально противоположных подходов в решении названной проблемы. Первая из них утверждает: без признания со стороны действующих субъектов международного права вновь возникшее государство не может стать полноправным участником международных отношений. В противоположность конститутивной теории, декларативная теория главным основанием для признания нового субъекта считает сам факт образования, декларирования возникновения государства. В историческом плане обе теории имели свое непосредственное применение. В период распада колониальной системы декларативная теория безоговорочно преобладала, что проявлялось в незамедлительном признании освободившихся от колониальной зависимости государств. Это объясняется тем, что прогрессивное мировое сообщество безоговорочно поддержало процесс деколонизации. С завершением освобождения от колониального владычества ситуация изменилась, поскольку на международно-правовое признание начали претендовать государственные образования, отделившиеся от суверенных государств, которые, что следует особо подчеркнуть, не признают легитимность их отделения, и считают отделившиеся территории своими законными территориями. Такая ситуация создает для других государств сложную дилемму: или признать вновь возникшее государство, пожертвовав отношениями с государством, от которого оно отделилось, или не признавать новое государство, сохранив отношения с более весомым внешнеполитическим партнером в лице признанного субъекта. Как правило, большинство государств избирают второй вариант поведения.

С завершением процесса деколонизации в вопросе международно-правового признания произошел переход от декларативной к конститутивной теории. При этом ведущая роль в процессе признания закрепилась за Организацией Объеди-

ненных Наций, приобретя коллективную форму в виде принятия действующими членами этой организации новых членов в свои ряды.

В истории ООН были разные ситуации, связанные с членством государств в этой организации. Наиболее сложная ситуация разворачивалась вокруг членства в Организации Китая. Эта страна входила в число основателей ООН и получила изначально место постоянного члена в Совете Безопасности. Но в 1945 году, когда шел процесс образования ООН, государственная власть в Китае принадлежала правительству, сформированному Национально-демократической партией Гоминьдан и именно это правительство участвовало в основании Организации. С 1945 по 1949 год в Китае шла гражданская война между правительственными силами, во главе с Чан Кайши и Национальной освободительной армией Китая (НОАК), руководимой Коммунистической партией Китая во главе с Мао Цзе Дуном. При активной поддержке СССР, который передал НОАК захваченное у японцев оружие, победу одержали коммунистические силы, и 1 октября 1949 г. было провозглашено образование нового государства – Китайской Народной Республики. Остатки разгромленных гоминьдановских войск и правительство Китайской Республики эвакуировались на Тайвань, бывший тогда заброшенным пустынным островом. В результате возникли два китайских государства: Китайская Народная Республика с населением на тот момент более полмиллиарда человек на материковой части Китая и Республика Китай на о. Тайвань с численностью населения около восьми миллионов человек, из которых 1,2 млн человек – остатки гоминьдановской армии и бывшие правительственные чиновники и их семьи. До 1971 г. Республика Китай являлась членом ООН, а также занимала место постоянного члена Совета Безопасности. Такая ситуация сложилась в результате противодействия США приему КНР в ООН как социалистического государства. В то же время СССР с начала 50-х годов прошлого столетия вел длительную дипломатическую борьбу за прием КНР в члены ООН, используя все методы, в том числе бойкота заседаний Совета Безопасности ООН. В частности, по этой причине представитель СССР отсутствовал на заседании Совета Безопасности 27 июня 1950 года, когда принималась Резолюция Совета Безопасности № 83, осудившая агрессию Кореической Народно-Демократической Республики против Южной Кореи и давшая санкцию на при-

менение силы в отношении агрессора, что позволило США и их союзникам воевать в Корее под флагом ООН [3].

Следует отметить, что отношения между СССР и КНР со временем изменялись: от первоначально исключительно дружественных и братских в 40-е годы, в конце 50-х и 60-е годы прошлого столетия они трансформировались в откровенно конфронтационные и даже враждебные, что вылилось в вооруженный пограничный конфликт в марте 1969 г. в районе о. Даманский на р. Уссури. Но изменение характера межгосударственных отношений СССР и КНР не повлияло на линию по поддержке Советским Союзом принятия континентального Китая в члены ООН. В результате 26 октября 1971 г., несмотря на вето США в Совете Безопасности, Генеральная Ассамблея (ГА) 76 голосами «за», при 35 «против», 17 «воздержавшихся» и трех не голосовавших членах приняла Резолюцию № 2758 «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций» [4]. Заметим, что в процентном отношении результат голосования был в пользу КНР только согласно простому большинству (58% от 131 члена ООН в то время). Однако в соответствии с резолюцией КНР стала полноправным членом ООН и заняла место в Совете Безопасности, а Республика Китай лишилась как места постоянного члена СБ, так и членства в ООН.

В настоящее время Республика Китай – одно из наиболее высокоразвитых в экономическом отношении государств мира (результат трудового китайского гения) с населением в 23 млн человек. Это демократическое правовое государство имеет дипломатические отношения с 23 государствами, а также поддерживает отношения с большинством стран мира посредством «Представительств Тайваня в вопросах культуры и экономики». Государства, которые решаются поддерживать отношения с Республикой Китай даже не на уровне дипломатических представительств, подвергаются жесткому прессингу со стороны правительства КНР. После открытия в ноябре 2021 года Тайваньского представительства в Литовской Республике возник дипломатический конфликт между КНР и Литвой, приведший к понижению глав дипломатических представительств до уровня временно поверенных в делах [5].

Начиная с 1993 года, Китайская Республика ежегодно подает заявку на вступление в ООН, причем с 2008 года под названием Китайская Республика Тайвань. Однако под давлением КНР

заявки Тайваня систематически отклоняются. Таким образом, Китайская Республика Тайвань является наиболее значимым и известным частично признанным государством в современном мире. Однако реальных шансов на международно-правовое признание это государство не имеет, поскольку Китайская Народная Республика в состоянии парализовать любые попытки в этом плане. Следует отметить, что оставаться частично признанным государством для Тайваня – это совсем неплохой вариант суверенного существования для этой высокоразвитой страны. Гораздо хуже будет развиваться ситуация не только для Тайваня, но и всего мира, если КНР в ближайшие годы предпримет силовую попытку решить проблему островного китайского государства.

Сложную политическую историю имеет Государство Палестина, получившая в 2012 году статус наблюдателя в ООН, который дает право присутствовать на заседаниях Генеральной Ассамблеи без права участия в дискуссиях и голосовании [6]. Создание палестинского государства было предусмотрено Резолюцией Генеральной Ассамблеи № 181 от 29 ноября 1947 года «Будущее правительство Палестины», принятой на второй сессии ГА [7]. В соответствии с Резолюцией № 181 на территории Палестины должны были образованы два государства: арабское и еврейское, а Иерусалиму предоставлялся особый правовой статус под управлением ООН. Еврейское государство Израиль было провозглашено в мае 1948 года, при этом политическую и военную поддержку Израилю оказал в то время СССР. Территории, на которых должно было возникнуть арабское государство, оказались под контролем соседних государств: Израиля, Египта, Сирии, Иордании. Государство Палестина было провозглашено 15 ноября 1988 года в городе Алжире на внеочередной сессии Национального совета Палестины. Правовой основой провозглашения Палестины явилась названная Резолюция Генеральной Ассамблеи 1947 г. Государство Палестина состоит из двух анклавов: Западного берега Иордана и Сектора Газа, в которых суммарно проживает более 5 млн человек. В настоящее время Государство Палестину признали 138 государств-членов ООН – это более чем 2/3, которые требуются по Уставу ООН для принятия в члены ООН.

БССР в числе первых государств признала 19 ноября 1988 года Государство Палестину. Уже суверенная Беларусь голосовала за предоставление Палестине статуса наблюдателя в ООН.

Результатом сближения двух государств явилось открытие дипломатического представительства Палестины в Минске в 2003 году. Республика Беларусь продолжает политику внешнеполитической поддержки палестинского государства, выступая за справедливое и долгосрочное урегулирование палестино-израильского конфликта [8]. Против членства Государства Палестины в Совете Безопасности ООН выступают США, Великобритания и Франция. При этом следует констатировать тот факт, что полное признание Государства Палестины находится в руках самого палестинского руководства, которое должно признать право на существование своего ближайшего соседа Израиля, и прекратить противостояние с ним, которое выражается в непрекращающихся террористических атаках с территории Государства Палестины в отношении населения Израиля.

Еще одним из наиболее значимых субъектов в числе частично признанных государств является Республика Косово, отделившаяся от Сербии в результате межэтнического конфликта между албанцами, составляющими 90% населения страны и сербским меньшинством, численностью в настоящее время около 100 тыс. человек. Республика Косово была провозглашена 22 сентября 1991 года косовскими албанцами, что было подтверждено на последовавшем вскоре референдуме, который сербское население Края бойкотировало. Начавшиеся вооруженные столкновения между албанским большинством и сербами привели к вмешательству в конфликт военного контингента НАТО. На основе резолюции Совета Безопасности № 1244 от 10 июня 1999 года Косово перешло под управление временной администрации миссии ООН [9]. Переговоры о правовом статусе Края Косова между косовскими албанцами и сербами, проходившими при посредничестве специального представителя Генерального секретаря ООН, закончились безрезультатно, и 17 февраля 2008 года Ассамблея Косово, состоявшая из представителей албанского большинства, провозгласила независимость Республики Косово [10]. Международный Суд ООН 22 июня 2010 года вынес консультативное заключение, в котором признано, что провозглашение независимости Косово не противоречит нормам международного права [11]. Это значительно упрочило правовой статус Республики Косово в мире и способствовало его признанию рядом государств. На данный момент Республику Косово признали 100 государств-членов ООН (51,8%), в том числе

22 члена Европейского Союза из 27 (81%). Следует учесть также факт отзыва 16 государствами по разным причинам ранее объявленного признания Республики Косово. Из постоянных членов Совета Безопасности Республику Косово не признали КНР и Россия. Чтобы стать членом ООН, страна должна иметь признание 129 государствами-членами и одобрение всех постоянных членов Совета Безопасности.

Помимо названных государств группу частично признанных и полностью непризнанных государств образуют: Республика Сомалиленд, Сахарская Арабская Демократическая Республика, Турецкая Республика Северного Кипра, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика.

Из перечисленных образований крупнейшим непризнанным государством с населением более 5 млн человек является Республика Сомалиленд, бывшая колония Великобритании – Британское Сомали, расположенное на севере Африканского Рога. Возникновение названного государства явилось итогом распада в 1991 году в результате гражданской войны государства Сомали, возникшего в год Африки в 1960 году (в 60–70-е годы в Сомали даже пытались строить социализм).

Несмотря на официальное отсутствие в настоящее время признания со стороны действующих субъектов международного права, Республика Самолиленд имеет, на наш взгляд, реальную перспективу вхождения в мировое сообщество. На территории государства существует стабильная политическая ситуация, не происходит военных действий, в отличие от остальной части Сомали – бывшего Итальянского Сомали, распавшегося на пять образований, между которыми не прекращаются вооруженные столкновения. Колониальное прошлое Самолиленда, отсутствие внешних противников независимости также свидетельствует в пользу перспективы возможности международно-правового признания этого африканского государства.

В сложном положении в вопросе международно-правового признания находятся единично признанные субъекты, возникшие на постсоветском пространстве: Приднестровская Молдавская Республика (нет признаний), Нагорно-Карабахская Республика (нет признаний), Республика Абхазия (признана 5 государствами-членами ООН), Южная Осетия (признана 5 государствами-членами ООН). Все названные субъекты появились в результате вооруженных конфликтов, сопровождав-

шихся многочисленными жертвами. Государства, от которых они отделились: Республика Молдова, Республика Грузия, Республика Азербайджан не признают законности отделения и провозглашения независимости непризнанных государств, считают отделившиеся территории своими законными территориями. В этом их поддерживает абсолютное большинство государств-членов ООН. Следует констатировать, что у непризнанных и единично признанных государств, возникших на постсоветском пространстве, нет перспектив вхождения в мировое сообщество в качестве равноправных членов.

Заключение. По итогам проведенного исследования следует констатировать наличие в современном мире десяти государственных образований, не получивших международно-правового признания. В то же время их правовое положение с позиции возможности международно-правового признания существенно различается. Ближе всех к полному вхождению в мировое сообщество находится Государство Палестина, признанное 138 государствами-членами ООН, получившее в 2012 году статус государства-наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН. Наиболее крупное и развитое государство в этой десятке Китайская Республика Тайвань не имеет реальных шансов вновь вернуться в ряды членов ООН, откуда она была исключена в 1971 году по воле большинства стран-участниц. Перед этим государством стоит главная задача – сохранить свой суверенитет перед лицом набирающего мощь континентального Китая. Республика Косово имеет реальную возможность стать членом ООН в недалеком будущем, поскольку уже на настоящий момент государство признали более половины государств-членов ООН. Из непризнанных государств наиболее реальная перспектива признания вырисовывается перед Республикой Самолиленд, при условии сохранения политической стабильности и упрочения государственной системы.

Непризнанные и единично признанные государства, возникшие на постсоветском пространстве, реальных шансов на вхождение в мировое сообщество объективно не имеют.

Литература

1. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
2. «Откровенный ответ». Токаев объяснил, почему Казахстан не признает ДНР и ЛНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
3. 83(1950). Резолюция от 27 июня 1950 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documents-dds-ny.un.org/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
4. 2758 (XXVI) Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
5. Тайвань официально открыл представительство в Литве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 67/19 «Статус Палестины в Организации Объединенных Наций» от 26 нояб. 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
7. XVII. Резолюция, принятая по докладу специальной (ad hoc) комиссии по вопросам Палестины. 181(II) Будущее правительство Палестины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documents-dds-ny.un.org/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
8. Беларусь выступает за справедливое и долгосрочное урегулирование палестино-израильского конфликта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/>. – Дата доступа: 08.11.2022.
9. Резолюция Совета Безопасности № S /RES/ 1244 (1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
10. Декларация независимости Косово 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 25.08.2022.
11. Международный Суд ООН решил, что декларация о провозглашении независимости не противоречит международному праву [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.un.org/> – Дата доступа: 25.08.2022.

Поступила в редакцию 16.12.2022

Наркоситуация в Республике Беларусь: состояние и пути преодоления

Гуминский М.Н.

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Актуальность настоящего исследования детерминирована тем, что текущая наркоситуация в Республике Беларусь остается достаточно сложной и напряженной, требующей от всех заинтересованных субъектов системной и поступательной работы в направлении ее оздоровления и поддержания на контролируемом уровне. В данном контексте особую озабоченность вызывает вовлечение в незаконный наркооборот молодежи, что требует от системы органов государственного управления в содружестве с организациями, представляющими гражданское общество, принятия действенных мер по предоставлению этой социальной группе социально значимых альтернатив, посредством которых можно было бы нивелировать имеющиеся негативные тенденции.

Цель исследования – охарактеризовать текущую наркоситуацию в Республике Беларусь и сформулировать предложения по совершенствованию антинаркотической деятельности на ее территории.

Объектом изучения выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, и характеризующие текущую наркоситуацию в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материальной базисной основой для данного научного исследования стали статистические источники и информация, полученная путем проведения анкетирования и опроса целевой аудитории. Предметом исследования выступает текущая наркоситуация в Республике Беларусь. Используются следующие методы изучения: дедукция, индукция, анализ, синтез, метод формально-юридического анализа.

Результаты и их обсуждение. В представленной статье рассматриваются вопросы и проблемы, которые связаны с характеристикой текущей наркоситуации, сложившейся на территории Республики Беларусь. Автором делаются предложения по усовершенствованию антинаркотической деятельности на ее территории.

Результаты исследования внедрены в деятельность главного управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции МВД Республики Беларусь.

Заключение. Общий характер текущей наркоситуации в Республике Беларусь характеризуется необходимостью принятия со стороны субъектов профилактики страны дополнительных организационных и практических шагов в рамках уже реализуемых мер по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в целях ее оздоровления и поддержания в контролируемом состоянии.

Ключевые слова: наркотики, психоактивные вещества, наркологическая помощь, интернет-магазин, канал, учебные заведения.

Current Drug Situation in the Republic of Belarus: State and Ways to Overcome It

Guminski M.N.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

The relevance of this study is determined by the fact that the current drug situation in the Republic of Belarus remains quite complex and tense, requiring all stakeholders to systematically and progressively work towards its improvement and maintenance at a controlled level. In this context, the involvement of young people in illicit drug trafficking is of particular concern, which requires the system of public administration in cooperation with institutions representing civil society to take effective measures to provide this social group with socially significant alternatives through which the existing negative trends could be leveled.

The purpose of the study is to characterize the current drug situation in the Republic of Belarus and to develop proposals for improving anti-drug activities on its territory.

The object of the study is the social relations developing in the field of countering illicit drug trafficking.

Material and methods. The material basis for this scientific research was statistical sources and information obtained by conducting a questionnaire and interviewing the target audience. The subject of the study is the current drug situation in the Republic of Belarus. The following research methods are used: deduction, induction, analysis, synthesis, the method of formal legal analysis.

Findings and their discussion. This article discusses issues and problems related to the characteristics of the current drug situation that has developed on the territory of the Republic of Belarus. The author makes proposals to improve anti-drug activities on its territory. The research findings were introduced into the activities of the Main Directorate for Drug Control and Combating Human Trafficking of the Criminal Police of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

Conclusion. The general nature of the current drug situation in the Republic of Belarus is characterized by the need for the prevention subjects of the country to take additional organizational and practical steps within the framework of measures already implemented to combat drug trafficking in order to improve its health and maintain it in a controlled state.

Key words: drugs, psychoactive substances, drug treatment, online store, channel, education establishments.

Актуальность настоящего исследования в том, что текущая наркоситуация в Республике Беларусь остается достаточно напряженной, требующей от

всех заинтересованных субъектов системной и поступательной работы в направлении ее оздоровления и поддержания на контролируемом уровне.

Озабоченность вызывает вовлечение в незаконный наркооборот молодежи, что требует от системы органов государственного управления в содружестве с организациями, представляющими гражданское общество, принятия действенных мер по предоставлению этой социальной группе социально значимых альтернатив, посредством которых можно было бы нивелировать имеющиеся негативные тенденции.

Цель исследования – охарактеризовать текущую наркоситуацию в Республике Беларусь и сформулировать предложения по совершенствованию антинаркотической деятельности на ее территории.

Объектом изучения выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, и характеризующие текущую наркоситуацию Республике Беларусь.

Материал и методы. Материальной базисной основой для данного научного исследования стали статистические источники и информация, полученная путем проведения анкетирования и опроса целевой аудитории. Предметом исследования выступает текущая наркоситуация в Республике Беларусь. Используются следующие методы изучения: дедукция, индукция, анализ, синтез, метод формально-юридического анализа.

Результаты и их обсуждение. Существующая система полномочий органов внутренних дел в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ во многом является несовершенной. Об этом свидетельствует и значительное увеличение числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Если в период с января 2015 по январь 2019 года в стране ежегодно отмечалось снижение количества выявленных наркопреступлений (с 7268 до 4906); числа несовершеннолетних, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (с 366 до 59); количества доставлений в учреждения здравоохранения в связи с отравлением психоактивными веществами (с 1068 до 327, а среди несовершеннолетних с 149 до 11); числа наркозависимых, состоящих под наблюдением у врачей-психиатров-наркологов (с 15527 до 12544) [1]. То в 2021 году правоохранительными органами выявлено 4643 наркопреступления (ст. 327–332 УК), против 3541 в 2020 году (+1102, или 31,1%). При этом выявлены 853 преступления, совершенные группой лиц, (2020 год – 387) и 515 – организованной группой (2020 – 117). Особую обеспокоенность вызывает рост вовлеченных в незаконный оборот наркотиков несовершеннолетних [1].

В отчетном периоде (2021 год) органами предварительного следствия 111 лицам, не достигшим

восемнадцатилетнего возраста, предъявлены обвинения по фактам совершения 127 эпизодов уголовно наказуемых деяний в сфере незаконного оборота наркотиков (2020 год – 36 лиц, 45 преступлений) [2]. Также отмечен существенный рост количества отравлений психоактивными веществами (ПАВ). В 2021 году в учреждения здравоохранения с диагнозом «отравление ПАВ» поступил 651 гражданин (2020 год – 446), из них 19 несовершеннолетних (2020 год – 2). От передозировки ПАВ скончалось 140 лиц (2020 год – 89). Смертельных передозировок среди несовершеннолетних не зафиксировано. Последний случай смерти несовершеннолетних от наркотиков регистрировался в стране в 2014 году [1].

Между тем, число пациентов, страдающих синдромом зависимости от наркотических веществ, практически не изменилось по сравнению с данными за 2021 год и составило 7321 чел. (2020 г. – 7313 чел., 2019 г. – 7492 чел.) [2]. К такому выводу приходит Министерство здравоохранения. По мнению руководителей ведомства, тенденция к снижению общего числа лиц, страдающих наркологическими расстройствами, обусловлена мерами государственной политики, направленными на предупреждение и преодоление негативных последствий потребления населением психоактивных веществ, а также системной работой Министерства здравоохранения во взаимодействии с Генеральной прокуратурой, Министерством образования, Министерством внутренних дел Республики Беларусь.

В республике создана и функционирует устойчивая система оказания наркологической помощи населению, обеспечивающая раннее выявление лиц, страдающих наркологическими расстройствами, их активное диспансерное наблюдение и комплексное оказание им наркологической помощи, в том числе проведение медицинской реабилитации.

Особую обеспокоенность представляет бесконтактный способ продажи наркотических веществ, который не только сохранил свою популярность, но еще долгие годы будет использоваться в качестве основного инструмента их распространения. Так 98% всех продаж наркотиков в интернете осуществляется с использованием криптовалюты, минимально связанной с банковской сферой. Это обусловлено тем, что осуществляемые с ее помощью платежи практически невозможно отследить, равно как и людей, их отправляющих и принимающих. По материалам сотрудников аналитической разведки, нацеленных на установление интернет-ресурсов, причастных к незаконному обороту наркотиков, и выявление преступлений, совершенных посредством интернета, в прошедшем году возбуждено 1146 уголов-

ных дел. По 961 эпизоду преступной деятельности установлены лица, их совершившие. В качестве обвиняемых привлечено 788 лиц. В 2021 году в Министерство информации направлены уведомления о необходимости ограничения доступа к 277 сайтам. Ликвидировано 14 интернет-магазинов [1].

Пресечение в истекшем году 27 каналов перемещения наркотических средств и психотропных веществ через границу Республики Беларусь подтвердило сохраняющийся интерес к наркорынку нашей страны международных транзитеров, а проделанная работа позволила сократить объемы нарковеществ, предназначенных для внутреннего потребления. По данным официальной статистики, из незаконного оборота изъято более 373,9 кг наркотических средств и 290,6 кг психотропных веществ, из них более половины при попытке пересечения границы [1].

В общем объеме изымаемых ПАВ преобладают такие особо опасные психотропные вещества, как пара-метилэфедрон, альфа-PVP, MDMA и амфетамин, среди наркотических средств – гашиш, марихуана, маковая солома, метадон.

Так как подавляющее большинство выявленных каналов перемещения ПАВ связывают Республику Беларусь с Российской Федерацией, правоохранительные органы наших государств на постоянной основе проводят совместную работу по изобличению лиц, причастных к наркобизнесу. В целях наращивания усилий на приграничной территории 2 апреля 2020 г. МВД, ГТК, ГПК подписан межведомственный план совместных мероприятий по противодействию поставкам наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов на территорию Республики Беларусь на 2020–2022 годы.

Наряду с поступлением ПАВ из-за границы не снижаются попытки организации преступными элементами их производства на территории страны. В 2021 году пресечена деятельность 4 подпольных нарколабораторий, выявлено 71 помещение, специально приспособленное и оборудованное для выращивания наркосодержащих растений.

Действующая законодательная и нормативная база позволяет учреждениям образования проводить эффективную работу по данным направлениям в рамках учебных предметов и дисциплин, через курсы по выбору и факультативы, а также и во внеучебное время. Для работы с обучающимися разработаны и внедрены комплексные научно-методические пособия, экспериментальные проекты, которые в том числе были широко представлены на XIX Республиканской выставке научно-методической литературы, педагогического опыта и творчества учащейся молодежи, прошедшей в апреле 2021 года.

Во внеучебное время профилактика зависимого поведения учащихся осуществляется через различные виды деятельности: общественную, досуговую, спортивную, трудовую. В течение ряда лет реализуются масштабные профилактические проекты, направленные на формирование ценности здоровья и здоровьесберегающего поведения у несовершеннолетних: «Мой стиль жизни сегодня – мое здоровье и успех завтра!», «Мой выбор – жить с позитивом», «В защиту жизни», «Здоровое поведение – мой выбор», «Здоровое детство – счастливое будущее».

При проведении профилактической работы в учреждениях образования осуществлялся тесный контакт с конструктивными общественными объединениями: Белорусским республиканским союзом молодежи, Белорусским комитетом молодежных организаций, Ассоциацией клубов «ЮНЕСКО», Белорусским Обществом Красного Креста. В учреждениях образования налажена работа координационных советов по идеологической и воспитательной работе, советов профилактики, комиссий по правовому воспитанию, профилактике правонарушений и пьянства, добровольных дружин (оперативных отрядов, территориальных добровольных дружин) при сотрудничестве с правоохранительными органами, медицинскими учреждениями. Социально-педагогическими и психологическими службами учреждений образования проводится диагностика и системный анализ проблем, на основе которых выстраивается коррекция поведения обучающегося и содержание воспитательной работы с ним в целом.

Республиканским центром психологической помощи БГПУ ведется подготовка «кризисных» психологов для всех типов учебных заведений, только в 2020–2021 году обучение прошли более 300 педагогов-психологов. В центре работает горячая линия. В целях повышения уровня компетентности педагогических кадров, в первую очередь классных руководителей, вопросы профилактики зависимого поведения включены в программы курсов повышения квалификации всех педагогических работников.

Учитывая, что в последнее время отмечается негативная тенденция по увеличению количества случаев, связанных с незаконным оборотом наркотических средств обучающимися, системой образования предпринят ряд мер с акцентом на информационно-просветительскую работу. Распространены видеоролики, социальная реклама, подготовленная МВД и агентством телевизионных новостей. Распространена информация и профилактические видеоролики в родительских чатах в социальных сетях и мессенджерах.

Обеспечено проведение профилактических мероприятий для обучающихся (по месту учебы, в интернете), в том числе с привлечением сотрудников отделов внутренних дел, специалистов здравоохранения, общественных объединений, родительской общественности, актива из числа обучающихся. В работе используется лекционный и видеоматериал, подготовленный главным управлением по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции МВД, направленный на профилактику вовлечения молодежи в преступления, связанные с распространением наркотиков.

Заключение. Мы предлагаем проведение следующих мероприятий по совершенствованию антинаркотической деятельности на территории Республики Беларусь: интенсификация в развитии взаимодействия между всеми субъектами антинаркотической деятельности в Республике Беларусь; совершенствование и актуализация нормативной правовой базы, регулирующей антинаркотическую деятельность в социальной сфере; совершенствование механизма противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров; совершенствование антинаркотической пропаганды, привитие навыков здорового образа жизни; разработка современных технологий профилактики, диагностики, лечения, реабилитации, ресоциализации зависимых от психоактивных веществ; приведение структуры, технологии, штатного расписания и материально-технической базы наркологических лечебно-профилактических учреждений в соответствие с законодательно утвержденными стандартами организации современной наркологической помощи; создание и внедрение специализированных программ автоматизированного психологического тестирования, школьной и семейной антинаркотической видеотеки и библиотеки; разработка научных технологий борьбы с дикорастущими наркосодержащими растениями; создание межведомственных автоматизированных систем обмена оперативными, статистическими, учетными и иными сведениями с целью последующей интеграции с аналогичными системами государств-участников СНГ; усиление пограничного контроля по всему периметру государственной границы; тесное международное сотрудничество в области контроля незаконного оборота наркотиков, путем привлечения внимания международных организаций и стран-доноров для оказания ими технической помощи в разработке и внедрении перспективных программ в сфере сокращения спроса на наркотики, лечения и реабилитации наркозависимых лиц, пресечения нелегального оборота нар-

котиков, повышения квалификационного уровня сотрудников специальных подразделений по борьбе с наркоманией и наркобизнесом; оптимизация затрат на профилактику, лечение и реабилитацию лиц, больных наркоманией, а также на деятельность правоохранительных органов по борьбе с наркопреступностью; создание и обеспечение функционирования межрегиональных физкультурно-спортивных центров по разработке и апробации технологии профилактики наркомании и организационно-управленческих моделей физкультурно-профилактической работы среди молодежи, а также отделений реабилитационных центров для детей и подростков, злоупотребляющих наркотиками; разработка технологий переработки наркосодержащих растений с целью получения различной промышленной продукции и медицинских препаратов; организационно-кадровое укрепление государственных органов путем обучения и повышения квалификации специалистов, осуществляющих деятельность в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, а также специалистов в сфере организации профилактики, лечения и социальной реабилитации лиц, употребляющих и склонных к употреблению наркотических средств и психотропных веществ; создание и развитие программ, направленных на медико-социальную реабилитацию лиц с диагнозом «наркомания», и соответствующего ассортимента услуг; кадровое и материально-техническое укрепление государственных органов, задействованных в борьбе с наркоманией и наркобизнесом, путем приобретения необходимой техники и оборудования для эффективной организации борьбы с незаконным оборотом наркотиков и наркоманией; дальнейшее повышение эффективности международного сотрудничества в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, противодействие их незаконному обороту и злоупотреблению ими. Проведение научно-практических конференций, встреч для обмена информацией, опытом и методами борьбы с наркобизнесом.

Литература

1. Профилактика наркомании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Респ. центр экологии и краеведения. – Режим доступа: <https://rcek.by/profilaktika-narkomanii-v-respublike-belarus-dopolnitelnaya-tema>. – Дата доступа: 31.01.2023.
2. Наркопотребление как общемировая угроза. Профилактика наркомании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // М-во образования Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://edu.gov.by>. – Дата доступа: 31.01.2023.

Поступила в редакцию 09.02.2023

УДК 656:339.654:334.7

Использование логистики для повышения эффективности деятельности организации

Бекиш Е.И.¹, Мантур Е.Е.²

¹Международный университет «МИТСО»

²Учреждение образования «Белорусский государственный
аграрный технический университет»

В связи со сложной политической ситуацией и с введением торгово-экономических санкций в Республике Беларусь большое внимание уделяется развитию логистического потенциала. Для снижения последствий давления санкционных ограничений логистическая деятельность компании должна соответствовать изменившимся требованиям рынка, что позволит повысить ее эффективность. В целях расширения географии экспорта белорусских товаров разрабатываются новые логистические цепочки по доставке продукции.

Цель статьи – проведение оценки и анализа логистической деятельности в повышении эффективности организации.

***Материал и методы.** Информацией для проведения исследований и анализа были использованы бухгалтерская и статистическая отчетность, показатели производственно-хозяйственной деятельности ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» и его эффективности, электронные информационные ресурсы и наблюдения авторов.*

При изучении были применены экономические и статистические методы анализа и оценки данных.

***Результаты и их обсуждение.** При проведении исследований определены используемые каналы распределения продукции в логистической системе. Фирменная торговая сеть повышает имидж и конкурентоспособность компании. Основной объем продаж товара осуществляется через оптовых партнеров. Доля птицефабрики на внутреннем рынке страны продукции из мяса птицы составляет 19,4%. Расширение географии экспорта продуктов под брендом «Ганна» привело к его росту. На основании проведенного анализа установлено, что компания постоянно получает прибыль от реализации производимой продукции.*

***Заключение.** Установлено, что логистическая деятельность обеспечивает повышение эффективности функционирования организации, что подтверждает положительная динамика экспорта производимой продукции и рост показателей прибыли от реализации продукции за исследуемый период.*

***Ключевые слова:** логистика, конкуренция, канал распределения, прибыль, продукция, рынок, экспорт.*

Using Logistics to Improve the Company Efficiency

Bekish E.I.¹, Mantur E.E.²

¹International University of "MITSO"

²Education Establishment "Belarusian State Agrarian Technical University"

Due to the difficult political situation and the introduction of trade and economic sanctions in the Republic of Belarus, much attention is paid to the development of logistics potential. To reduce the effects of the pressure of sanction restrictions, the company's logistics activities must meet the changed market requirements, which will increase its efficiency. In order to expand the geography of exports of Belarusian goods, new logistics chains for the delivery of products are developed.

The purpose is to conduct an assessment and analysis of logistics activities on improving the company efficiency.

Material and methods. *As the information for research and analysis accounting and statistical re-reporting, indicators of production and economic activities of JSC "Vitebsk Broiler Poultry Farm" and its effectiveness, electronic information resources and observations of the authors were used.*

Economic and statistical methods of data analysis and evaluation were used in the research.

Findings and their discussion. *When conducting the research, the used channels for the distribution of products in the logistic system were determined. The brand trading network increases the image and competitiveness of the company. The bulk of sales of goods are carried out through wholesale partners. The share of the poultry company in the domestic market of poultry products is 19.4%. The expansion of the geography of exports of products under the brand "Ganna" led to its growth. Based on the analysis, it was established that the company constantly receives profit from the sale of products.*

Conclusion. *It has been determined that logistics activities provide an increase in the efficiency of the company's functioning, which is confirmed by the positive dynamics of exports of manufactured products and the growth of profit indicators from the sale of products for the study period.*

Key words: *logistics, competition, distribution channel, profit, products, market, export.*

В экономике Беларуси большое значение в последние два десятилетия особенно активное и динамичное развитие получила логистика, создавая новые подходы в продвижении товаров и международных цепях поставок, используя при этом цифровизацию логистических систем [1].

Применение организациями логистики и других средств для укрепления своих позиций на рынке является убедительным свидетельством появления конкурентных оснований в нашей экономике. С этой целью разработана и утверждена Концепция развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2030 г. (Постановление Совета Министров № 1024 от 28.12.2017). Основная задача концепции заключается в повышении индекса эффективности логистики до уровня не ниже 50 в проводимом мировом рейтинге [2].

На современном этапе экономического развития к главным целям эффективности логистики относятся повышение конкурентоспособности фирмы, рост ее доходов, прибыли, рентабельности, оборота, реализации [3].

В связи с общей политической ситуацией и по причине введения торгово-экономических санкций происходит быстрое изменение условий внешней среды и усложнение рыночной деятельности предприятий. Поэтому существует необходимость постоянно контролировать и оценивать эффективность бизнес-процессов, в том числе и логистики.

На сегодняшний день в условиях введения санкционных ограничений со стороны ЕС и США труд-

но переоценить значение оценки использования логистики в современных создавшихся сложных условиях деятельности организаций страны. В функционировании логистической системы предприятий важнейшее значение приобретает деятельность по управлению движением материальными потоками. От оптимизации управления материальными потоками во многом зависит повышение экономической эффективности деятельности организации.

С этой целью проведена оценка и анализ функционирования логистики ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» в повышении ее эффективности.

Цель статьи – проведение оценки и анализа логистической деятельности в повышении эффективности организации.

Материал и методы. Информационной базой для исследований была использована бухгалтерская и статистическая отчетность, показатели производственно-хозяйственной деятельности предприятия и его эффективности, электронные информационные ресурсы и наблюдения авторов.

В процессе исследований применены экономические и статистические методы анализа и оценки данных.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» является крупнейшей в Витебской области компанией холдингового типа по выпуску мяса птицы на промышленной основе с общим замкнутым производственным циклом [4].

Таблица – Динамика реализации продукции ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» в натуральном выражении на внутреннем рынке

Внутренний рынок сбыта	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Темп роста, %	
				2020 г. к 2019 г.	2021 г. к 2020 г.
Мясо птицы, тыс. тон	52835	57537	64441	108,9	112,0
Яйцо, тыс. шт.	1655	1738	1912	105,0	110,0

Сегодня предприятие успешно работает и достигает эффективных результатов по следующим направлениям: производство мяса и мясных изделий, комбикормовое производство, растениеводство, молочно-мясное животноводство, оптовая торговля, фирменная торговля и общественное питание.

Значение логистической деятельности в функционировании открытого акционерного общества очень велико. Логистика здесь используется в качестве фактора стабильного повышения конкурентоспособности организации. Основная цель функционирования логистики птицефабрики заключается в обеспечении высокого качества обслуживания покупателей при оперативном реагировании на возникновение новых или изменение уже существующих условий рынка.

Основная задача логистической деятельности в компании состоит в получении наибольшей финансовой прибыли, которая будет в дальнейшем применена для расширения производства и повышения эффективности финансово-хозяйственных результатов.

В организации построена собственная логистическая система. Ее использование целесообразно при постоянном развитии и совершенствовании, так как этого требуют большие объемы производства и реализации выпускаемой продукции, а также высокая и устойчивая конкуренция со стороны других производителей. Вся логистическая система в этой компании включает закупочную, производственную, транспортную, информационную, финансовую и распределительную логистику.

В настоящее время предприятие является высококонкурентным на отечественном рынке. Это обеспечивается благодаря наличию оптимальных каналов товародвижения, которые контролируются логистическим подходом управления организацией [5].

Логистическая деятельность контролирует все операции по обеспечению движения материальных потоков. Выбор путей продвижения и каналов доставки товаров и услуг определяется важнейшей задачей предприятия. Пути распре-

деления влияют на весь комплекс логистики. В настоящее время открытым акционерным обществом задействованы следующие каналы распределения продукции в логистической системе:

- фирменная торговля – 80 фирменных магазинов и торговых павильонов;
- розничная торговля – предприятия розничной торговли г. Витебска, Витебской области и других областей;
- оптовая торговля – оптовые базы и предприятия товаропроводящей сети за рубежом.

Весь ассортимент продукции представлен, прежде всего, в фирменной сети птицефабрики. Реализация мясных продуктов через фирменную торговую сеть составляет более 10%. В этой сети для доставки и реализации товаров используются не только магазины, торговые павильоны и киоски, но и автомагазины, торговые места на рынке, крупные объекты общественного питания. С помощью своей фирменной торговой сети, расширяя формат «магазин у дома», предприятие постоянно поднимает и укрепляет свой уровень имиджа, конкурирует с крупными сетями по всей Беларуси.

Необходимо отметить, что основной объем продаж товара производится преимущественно через оптовых партнеров, расположенных как по всей территории Республики Беларусь, так и в странах СНГ.

Динамика реализации продукции открытого акционерного общества в натуральном выражении на внутреннем рынке страны за 2019–2021 годы представлена в таблице.

Как видно из данных таблицы, наблюдается постоянное ежегодное увеличение объема продаж продукции птицефабрики в натуральном выражении на внутреннем рынке. В частности, реализация мяса птицы в 2020 году по сравнению с 2019 годом увеличилась на 8,9%. Она составила 57537 тыс. тон. В 2021 году по сравнению с базовым годом ее рост реализации вырос на 12,0%. Также увеличился объем продаж яйца на внутреннем рынке: в 2020 году по сравнению с прошедшим годом на 5,0%; а в 2021 году по сравнению с предыдущим годом – на 10,0%.

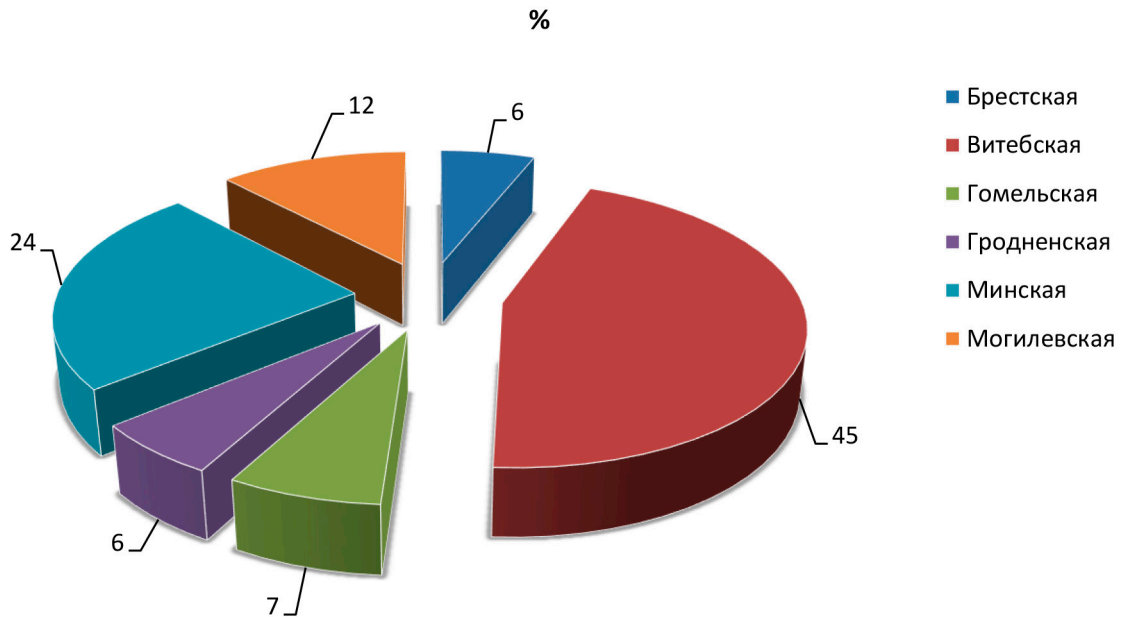

Рисунок 1 – Структура реализации продукции компании по областям Республики Беларусь

В целом по Республике Беларусь при наличии других предприятий-конкурентов доля компании на рынке продуктов из мяса птицы составляет 19,4%.

Для проведения анализа рассмотрим структуру реализации продукции на внутреннем рынке страны по областям (рисунок 1).

Доля регионов на внутреннем рынке Республики Беларусь в общем объеме реализации продукции предприятия по областям составляет: Витебская – 45%, Минская – 24%, Могилевская – 12%, Гомельская – 7%, Брестская – 6%, Гродненская – 6%. Таким образом, основная доля реализации продукции на внутреннем рынке приходится на Витебскую область. При этом успешно идет товародвижение и по другим областям страны при наличии у них своих производителей.

Одним из важнейших критериев развития, не без основания, является рост экспорта. Поэтому предприятие постоянно стремится расширять экспорт готовой продукции. Для выхода на новые мировые рынки, где существует спрос на продукты высокого качества, проводит мониторинг и обеспечивает каналы продвижения своих товаров логистика внешней торговли компании. В итоге происходит постоянное повышение экспорта продукции торговой марки «Ганна». О чем наглядно демонстрируют представленные данные на рисунке 2.

Так, на рисунке видно, что представленная динамика продвижения товаров компании на экспорт за 2019–2021 годы имеет положитель-

ную тенденцию повышения. Если в 2019 году реализовано продукции на экспорт на 15,07 млн долларов, то в 2020 году происходит повышение продаж на зарубежных рынках. При этом экспорт продуктов под брендом «Ганна» составил 15,6 млн долларов. В результате организация по итогам 2020 года стало дипломантом республиканского конкурса «Лучший экспортер» [6].

Победа в конкурсе «Лучший экспортер года» подтверждает высокие достижения компании, которые формируют ее имидж в Беларуси и за рубежом, создавая основу для стабильного и эффективного развития.

Несмотря на сложную ситуацию, сложившуюся из-за эпидемиологической ситуации и кризиса, в прошедшем 2021 году экспорт продукции марки «Ганна» не снизился, а вырос и составил 19,8 млн долларов, что выше на 26,9% к уровню 2020 года. В 2021 году больше всего продукции было поставлено в Россию и Китай. Также осуществлялась торговля с такими странами, как Украина, Азербайджан, Армения, Узбекистан, Грузия, Таджикистан и Казахстан. В целом доля экспорта в общем объеме продаж продукции собственного производства из мяса птицы составила около 20%.

Чтобы соответствовать требованиям рынка, специалистами уделяется большое внимание качеству и безопасности выпускаемой продукции.

Для реализации экспортного потенциала предприятием выполняются все требования органов Государственного надзора за соблюдением требо-

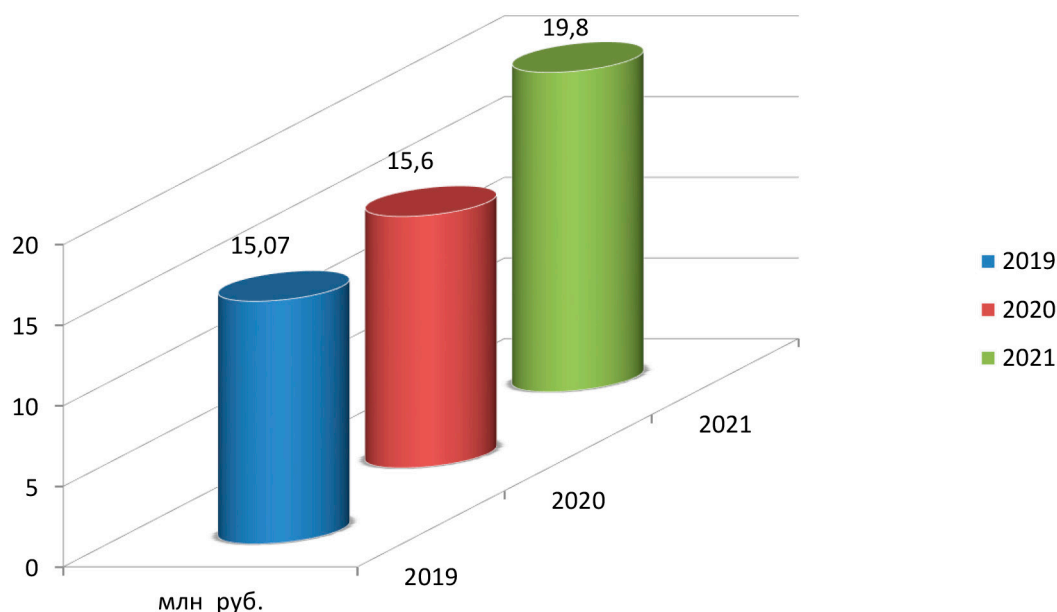

Рисунок 2 – Динамика показателей экспорта компании за 2019–2021 годы

ваний ТНПА и НПА при производстве продукции, ветеринарного и санитарного надзора. Высокое качество продуктов торговой марки «Ганна» подтверждено получением 04.05.2021 года сертификата № ХП.ВУ 0.41/2021 до 03.05.2022 года на право маркировки знаком «Халяль» на 20 наименований ассортимента, которые соответствуют требованиям стандарта «Халяль» № ХП.ВУ. 02.2013 [7].

В результате продукция успешно реализуется не только в Российскую Федерацию и постсоветские страны, но и Китай, а в перспективе планируется освоить рынки Египта, Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии.

Для экспортера самое важное – расширение географии поставок своей продукции. Для увеличения объема продаж организация открыла свои официальные представительства в Российской Федерации, в Азербайджанской Республике и в Казахстане.

Не одинаково востребована и ценится продукция различных категорий в разных странах. На каждый рынок необходимо предлагать то, что на нем востребовано потребителем. Для этого специалисты изучают их культуру потребления. Например, в Японии высоко ценится филе птицы, а на китайском рынке востребована ее разделка. В первую очередь китайские партнеры предпочтение отдают локтевой части крыла, а также плечевой части, голени и бедру. При чем, для них большим деликатесом являются куриные лапки с фалангами. Китайцы ценят продукцию компа-

нии, покупают ее и оплачивают на много дороже, чем у нас в стране. При таком подходе прибыль предприятию будет обеспечена.

Динамику показателей прибыли от реализации продукции за последние три года рассмотрим на рисунке 3.

Из представленной информации, следует, что компания постоянно работает с прибылью. Необходимо отметить, что в 2020 году наблюдалось снижение полученной прибыли от продаж на 4964 тыс. руб. или на 17,5% по сравнению с предыдущим 2019 годом. Это объясняется тем, что в этом году по инвестиционной программе осуществлялось строительство бройлерного цеха № 3 и участка уоя и переработки мяса крупного рогатого скота. При этом, несмотря на меры, принятые в мире для противодействия коронавирусу и санкционные ограничения, которые привели к изменению логистических цепочек по доставке продукции, самая большая прибыль от реализации была получена в 2021 году. Она составила 45455 тыс. руб. [8]. Ее величина увеличилась на 21981 тыс. руб. по сравнению с прошедшим 2020 годом.

Заключение. Установлено, что фирменная торговая сеть ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» обеспечивает повышение ее имиджа и конкурентоспособности с крупными сетями по всей Беларуси.

На основании проведенного анализа реализации продукции птицефабрики выявлен постоянный рост увеличения объемов продаж в натураль-

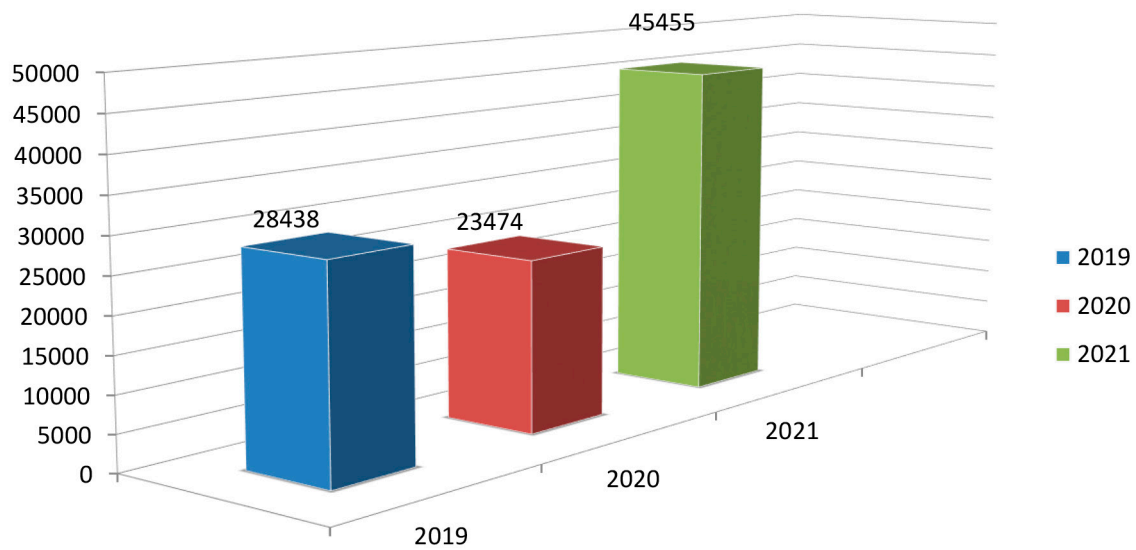

Рисунок 3 – Прибыль от реализации продукции предприятия за 2019–2021 гг., тыс. руб.

ном выражении на рынке страны. В 2021 году по сравнению с 2020 годом увеличился рост реализации мяса птицы на 12,0%, а яйца – на 10,0%. Основная доля производимой продукции реализуется в Витебской области.

Изучение динамики реализации товаров компании на экспорт за исследуемый период подтверждает положительную тенденцию ее повышения и расширения географии рынков сбыта своей продукции.

Установлено, что логистическая деятельность обеспечивает стабильность и эффективность функционирования организации. Это подтверждается положительной динамикой показателей прибыли от реализации за исследуемый период.

Литература

1. Бекиш, Е.И. Анализ логистической деятельности организации / Е.И. Бекиш, О.А. Брагина, Е.Е. Мантур // Проблемы и перспективы развития экономики и образования в Монголии и России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Улан-Батор, 8 апр. 2022 г. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом “Среда”», 2022. – С. 29–35.

2. Ивуть, Р.Б. Логистика: учеб. пособие для студентов специальностей 1-27 01 01 Экономика и организация производства (по направлениям), 1-27 02 01 Транспортная логистика (по направлениям) / Р.Б. Ивуть. – Минск: БНТУ, 2021. – 462 с.

3. Григорьев, М.Н. Логистика. Базовый курс: учебник / М.Н. Григорьев, С.А. Уваров. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 782 с.

4. Бекиш, Е.И. Использование направлений маркетинга для повышения эффективности деятельности организации / Е.И. Бекиш, Е.Е. Мантур // Вестн. Белорус. гос. с/х акад. – 2022. – № 3. – С. 33–37.

5. Бекиш, Е.И. Значение интеграции маркетинга и логистики в условиях конкуренции / Е.И. Бекиш, О.А. Брагина, Е.Е. Мантур // Право. Экономика. Психология. – 2022. – № 3(27). – С. 60–64.

6. Официальный сайт ОАО Витебская бройлерная птицефабрика [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://ganna.by/about/nagrady-i-diplomu>. – Дата доступа: 20.09.2022.

7. Официальный сайт ОАО Витебская бройлерная птицефабрика [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://ganna.by/about/kontrol-kachestva>. – Дата доступа: 21.09.2022.

8. Официальный сайт ОАО Витебская бройлерная птицефабрика [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://ganna.by/about/aktsioneram>. – Дата доступа: 23.03.2022.

Поступила в редакцию 16.12.2022

Современные глобальные вызовы для развития человеческого потенциала: пример здравоохранения

Орешенков А.А.

Учреждение образования «Витебская ордена "Знак Почета"
государственная академия ветеринарной медицины»

Эффективная система здравоохранения является необходимым условием воспроизводства человеческого потенциала. В настоящее время здравоохранение сталкивается с новыми вызовами, которые необходимо учитывать при формировании социальной политики. Пандемия COVID-19 стала одним из наиболее серьезных вызовов системам здравоохранения в новом столетии, и существует необходимость обобщения первых итогов пандемии, в том числе с точки зрения ее влияния на системы здравоохранения.

Цель исследования – проанализировать процессы современных вызовов для воспроизводства человеческого потенциала в контексте обеспечения биологической безопасности на примере здравоохранения.

***Материал и методы.** Информационной основой для проведения исследования послужили статистические данные Всемирной организации здравоохранения, Национального статистического комитета Республики Беларусь и Министерства финансов Республики Беларусь. При решении конкретных задач в процессе изучения использовались статистические методы, методы факторного и сравнительного анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** На основе имеющихся предварительных данных, в том числе статистических, в статье рассмотрена готовность систем здравоохранения к глобальным эпидемиологическим угрозам. Отмечается, что системы здравоохранения в мире оказались не готовы к пандемии, причем вне зависимости от общих показателей здравоохранения. Это ставит на повестку дня необходимость принятия специальных мер и разработки на основе накопленного опыта планов борьбы с эпидемиями.*

***Заключение.** Приоритеты государственной политики в сфере здравоохранения определяются их потенциалом решения важнейших социально-экономических проблем с учетом появления новых угроз человечеству. Поиск новых подходов к развитию медицинской отрасли предполагает осмысление практического опыта модернизации национальной системы здравоохранения.*

***Ключевые слова:** система здравоохранения, человеческий потенциал, безопасность в области здравоохранения, пандемия COVID-19, готовность к пандемии, финансирование здравоохранения, цифровизация здравоохранения.*

Current Global Challenges to Human Development Potential: The Example of Health Care

Oreshenkov A.A.

Education Establishment "Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine"

An effective health care system is a necessary condition for the reproduction of human potential. Currently, healthcare is facing new challenges that must be taken into account when formulating social policy. The COVID-19 pandemic has become one of the greatest challenges to health systems in the new century; there is a need to summarize the first results of the pandemic, including those in terms of its impact on health systems.

The purpose of the study is to analyze the processes of modern challenges for the reproduction of human potential in the context of ensuring biological safety on the example of healthcare.

***Material and methods.** The information basis for the study was the statistics of the World Health Organization, the National Statistical Committee of the Republic of Belarus and the Ministry of Finance of the Republic of Belarus. When solving specific problems in the process of studying, statistical methods, methods of factorial and comparative analysis were used.*

***Findings and their discussion.** Based on the available preliminary data, including statistical data, the article examines the readiness of healthcare systems for global epidemiological threats. The article notes that the world's health systems were not ready for the pandemic, regardless of the overall health indicators. This puts on the agenda the need for special measures and the development of plans to combat epidemics based on experience.*

***Conclusion.** The priorities of state policy in the field of healthcare are determined by their potential for solving the most important social and economic problems, taking into account the emergence of new threats to humanity. The search for new approaches to the development of the medical industry involves understanding the practical experience of modernizing the national healthcare system.*

***Key words:** healthcare system, human potential, health security, COVID-19 pandemic, pandemic preparedness, healthcare financing, digitalization of healthcare.*

Здоровье человека выступает важнейшим фактором развития человеческого потенциала, обеспечивая национальную безопасность государства. В XXI веке укрепление общественного здоровья, продление активной жизни, борьба с опасными болезнями и эпидемиями – основные показатели социального прогресса цивилизаций и весомым аргументом в международной конкуренции между странами/регионами. Одним из приоритетов государственной политики является создание условий для качественного развития человеческого потенциала, здоровой и достойной жизни населения. В этой связи в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы системе здравоохранения отводится значимая роль в решении крупных стратегических задач развития страны [1].

Цель исследования – проанализировать процессы современных вызовов для воспроизводства человеческого потенциала в контексте обеспечения биологической безопасности на примере здравоохранения.

Материал и методы. Информационной основой для проведения исследования послужили статистические данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Национального статистического комитета Республики Беларусь и Министерства финансов Республики Беларусь. При решении конкретных задач в процессе изучения использовались статистические методы, методы факторного и сравнительного анализа.

Результаты и их обсуждение. К традиционным вызовам системе здравоохранения можно добавить угрозы для здоровья, которые возникли в результате появления новых и возобновления известных инфекционных заболеваний. Эпизодические пандемии и эпидемии, вызываемые инфекционными агентами, оказывали и продолжают оказывать воздействие на развитие общества, а риск возникновения новых пандемий остается чрезвычайно высоким. Прошлые человеческой цивилизации демонстрирует примеры борьбы человека за выживание в окружающей, порой недружелюбной, среде, что обуславливалось целым комплексом обстоятельств, в том числе биологических, которые определяли распространение, интенсивность и смертоносность заразных болезней, наводивших ужас и уносящих сотни тысяч жизней [2]. Однако сегодня человечество столкнулось с проблемой биологической безопасности в глобальном масштабе. Только в текущем столетии мировое сообщество пережило

несколько вспышек опасных инфекций: атипичной пневмонии (SARS) в 2003 г, ближневосточного респираторного синдрома (MERS) в 2006 г, нового штамма вируса гриппа H1N1, возникшего в 2009 г.

За минувшие десять лет Всемирная организация здравоохранения объявляла чрезвычайные ситуации несколько раз: по поводу коронавируса ближневосточного респираторного синдрома (БВРС), впервые идентифицированного в 2012 г. и смертельного вируса Эбола в 2014–2016 гг. в Западной Африке. Это явилось предупреждением о риске возникновения глобальных эпидемиологических угроз, о котором ученые говорили на протяжении многих лет, указывая на растущее число зоонозных патогенных микроорганизмов, передающихся человеку от животных, и побудило международные здравоохранительные организации начать разрабатывать мероприятия для предотвращения подобных ситуаций и минимизации потерь в случае их наступления в будущем.

Так, в ответ на вспышку вируса свиного гриппа H1N1, который явился причиной многочисленных человеческих жертв, ВОЗ опубликовала в 2009 г. документ «Готовность к пандемическому гриппу и ответные меры», в котором были отражены рекомендации по изменению законодательной базы для подготовки к возможному появлению пандемической ситуации. Еще ранее в 2005 г. под воздействием трансграничного распространения атипичной пневмонии на уровне Европейского Союза (ЕС) был создан Европейский центр профилактики и контроля заболеваний (European Centre for Disease Prevention and Control). Перед центром ставились задачи информировать медицинских экспертов стран Евросоюза о рисках, связанных с вероятными вирусными инфекциями [3, с. 51–52].

Доказательством продолжения возможного резкого роста инфекционной заболеваемости стала новая коронавирусная инфекция SARS-CoV-2. Новый вирус гетерогенной природы, взяв свое начало в декабре 2019 г. в китайской провинции Ухань, в течение двух-трех месяцев распространился по всему миру, доказав решающее значение проблемы биологической безопасности для здоровья и выживания цивилизации.

Появление данного вируса привело к тяжелым последствиям для человечества, вызвав пандемию тяжелого респираторного заболевания COVID-19, которая за несколько месяцев стала глобальным явлением, поставившим серьезные вопросы перед национальными государствами

и международными институтами. По некоторым оценкам, COVID-19 является более опасным с точки зрения смертности и скорости распространения, чем грипп «испанка» в 1918–1919 гг., жертвами которого в мире пали, по разным подсчетам, до 100 млн человек [4, с. 6].

Пандемия COVID-19 стала одним из наиболее серьезных вызовов системам здравоохранения в новом столетии, поэтому существует необходимость обобщения первых итогов и уроков пандемии, в том числе с точки зрения ее влияния на системы здравоохранения и ее роли в борьбе с распространением пандемии. Исследование проблем, вставших перед здравоохранением в связи с пандемией коронавирусной инфекции, осуществлено в работах ученых и специалистов ведущих университетов и научных центров [5–8].

Вирусная пандемия COVID-19 продемонстрировала, что системы здравоохранения не готовы к ней, причем вне зависимости от других показателей ее развития. Так, в опубликованном за несколько месяцев до начала пандемии «Глобальном индексе безопасности в области здравоохранения» (октябрь 2019 г.) его авторы с опасением констатировали отсутствие стран полностью готовых к эпидемиям и пандемиям. Так, для 10 стран, лидирующих в мире по процентному отношению государственных расходов на здравоохранение к ВВП, глобальный индекс безопасности в области здравоохранения достиг только около 60 баллов из 100 возможных. Это такие страны с развитой системой здравоохранения, как США, Дания, Австрия, Норвегия, Франция, Исландия, Япония, Нидерланды, Бельгия и Чехия. Цифры о заболеваемости и смертности по состоянию на январь 2021 г. свидетельствовали, что на США, где самый высокий уровень государственного финансирования расходов на здравоохранение (9,3% к ВВП), приходилось 25% случаев заболевания COVID-19 в мире и 20% всех летальных исходов от коронавируса [9, с. 14].

На общеевропейском уровне недостатки по сдерживанию пандемии COVID-19 были особенно очевидны в Италии, когда в конце февраля 2020 г. в этой стране возникли проблемы с маршрутизацией пациентов, разграничением больных с COVID-19 и с другими заболеваниями, а также определением их местонахождения для наиболее эффективного оказания медицинской помощи. При среднем в итальянской системе здравоохранения для государств-членов ЕС значении показателя числа больничных коек (около 40

на 10000 человек населения) в случаях резкого увеличения числа пациентов менее тяжелые оставались в домашних условиях, лишались больничного ухода. Проблемой стала и нехватка необходимого оборудования (особенно аппаратов искусственной вентиляции легких), лекарственных средств, а также средств индивидуальной защиты и дезинфекции.

Глобальный индекс безопасности в области здравоохранения (GHS) разработан в сотрудничестве с Инициативой по уменьшению ядерной угрозы (NTI), Центром безопасности здоровья имени Джона Хопкинса при Школе общественного здравоохранения Блумберга и аналитической группой журнала *Economist*. Он является первой всесторонней оценкой безопасности здоровья в 195 странах, входящих в состав государств-участников международных медико-санитарных правил (ММСП[2005]), и предназначен для измерения изменений в национальной безопасности в области здравоохранения и улучшения международных возможностей для устранения вспышек инфекционных заболеваний, которые могут привести к международным эпидемиям и пандемиям. ММСП обязывают все государства-члены оперативно сообщать ВОЗ о возникших угрозах, представляющих потенциальную опасность для общественного здравоохранения, независимо от их причин (химической, биологической или радиоактивной) и происхождения (случайного или преднамеренного).

Индекс GHS оценивает безопасность и потенциал здравоохранения стран по шести категориям: 1) профилактика; 2) выявление и информирование; 3) быстрое реагирование; 4) система здравоохранения; 5) соответствие международным нормам; 6) среда риска: общая среда риска и уязвимость страны перед биологическими угрозами [10, с. 612]. Значение индекса GHS в 2021 г. для стран, входящих в ММСП, составило 38,9 и практически не изменилось по сравнению с 2019 г., что свидетельствует о сохраняющихся недостатках глобальной безопасности в области здравоохранения, прежде всего в странах с низким и ниже среднего уровня дохода. В этих странах слабо развиты системы медико-санитарной помощи, которые являются зачастую первым звеном взаимодействия между больным пациентом и системой здравоохранения, поэтому в сравнении с развитыми странами (высокий и средний уровень дохода) индекс GHS имеет низкие значения 27,2 и 33,7 соответственно (рисунок 1).

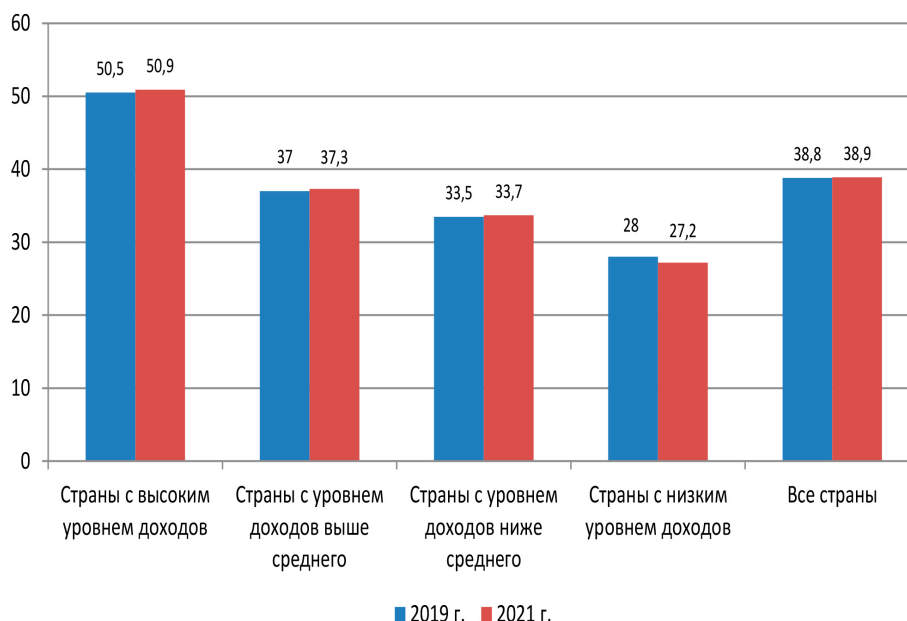

Рисунок 1 – Глобальный индекс безопасности в области здравоохранения с разбивкой по группам стран по уровню доходов в 2019 и 2021 гг.

Источник: рассчитано и составлено по данным [11].

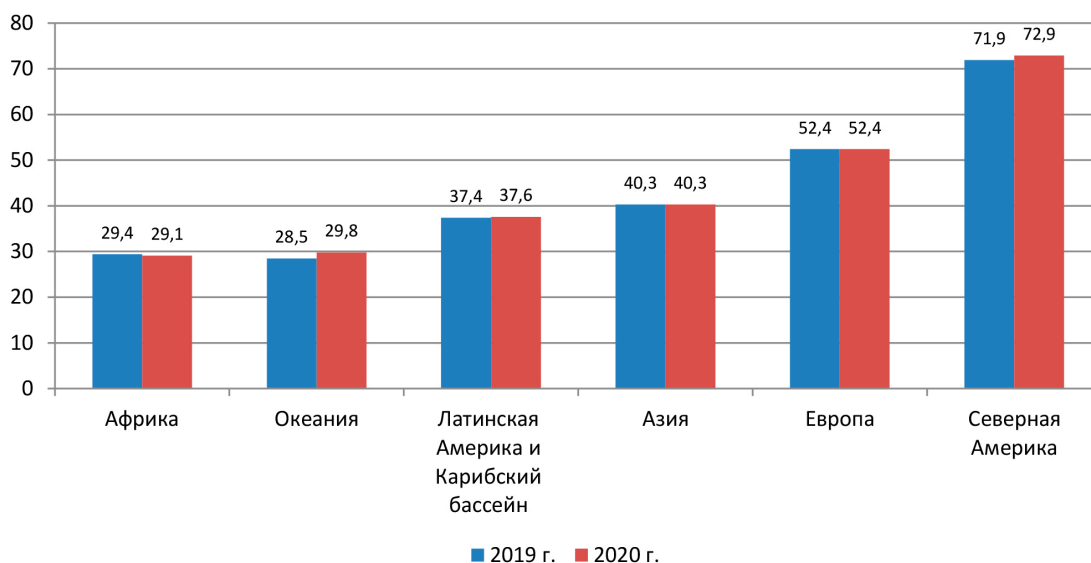

Рисунок 2 – Глобальный индекс безопасности в области здравоохранения с разбивкой по группам стран по основным регионам в 2019 и 2021 гг.

Источник: рассчитано и составлено по данным [11].

Значение индекса GHS по основным регионам в 2021 г. выглядело следующим образом:

- в Северной Америке (США и Канада) – 72,9;
- в Европе – 52,4 (пятерку лидеров образуют Финляндия – 70,9, Словения – 67,8, Объединенное Королевство – 67,2, Германия – 65,5 и Швеция – 64,9);
- в Азии – 40,3 (лучший рейтинг показали

- Таиланд – 68,2, Южная Корея – 65,4, Армения – 61,8, Япония – 60,5 и Сингапур – 57,4);
- в Латинской Америке и Карибском бассейне – 37,6 (наибольшее значение индекса имеют Мексика – 57,0, Чили – 56,2, Перу – 54,9, Аргентина – 54,4 и Панама – 53,5);
- в Океании – 29,8 (в этом регионе с существенным отрывом лидируют Австралия и Новая

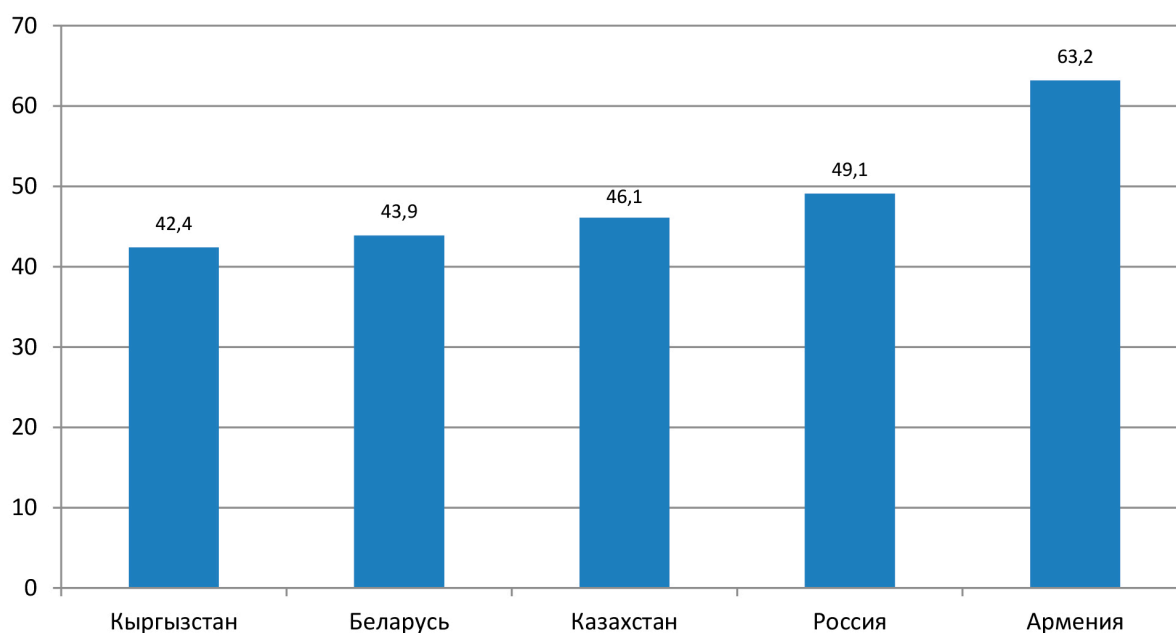

Рисунок 3 – Глобальный индекс безопасности в области здравоохранения по странам ЕАЭС в 2021 г.

Источник: составлено по данным [11].

Зеландия с оценками индексов в этих странах 71,1 и 62,5 соответственно);

– в Африке – 29,1 (значительно лучше показатель был только в Южной Африке – 45,8) (рисунок 2).

Беларусь с 43,9 баллами (2021 г.) занимает 63-е место из 195. Даже среди стран ЕАЭС это одно из самых низких значений показателя безопасности в области здравоохранения: Армения – 63,2, Россия – 49,1, Казахстан – 46,1, Кыргызстан – 42,4 (рисунок 3).

Республика Беларусь как единственная страна на постсоветском пространстве, которая сохранила модель Семашко, в борьбе с пандемией COVID-19 использовала ресурсы и возможности государственной медицины. Для предупреждения инфекционных заболеваний национальная система здравоохранения располагает сетью государственных учреждений санитарно-эпидемиологического надзора, доставшейся в наследство от советского периода. В условиях жесткой экономики и целевого расходования бюджетных средств в экономической модели белорусского здравоохранения еще до пандемии были предусмотрены следующие основные направления реформирования: перенос акцента со стационарного на амбулаторное медицинское обслуживание; сокращение больничных коек и периода нахождения пациента на лечении в стационарах; сокращение должностей медицинского персонала в государ-

ственных учреждениях здравоохранения с учетом производственной необходимости и т.п.

В таблице 1 хорошо видна ситуация с доступностью медицинской помощи в Беларуси, в частности снижение числа больниц и больничных коек. Так, количество инфекционных коек уменьшилось с 5411 в 2000 г. до 3862 в 2019 г., или с 6,4 до 4,1 на 10000 человек населения. Сократилось и число станций (отделений) скорой помощи – с 198 в 2000 г. до 140 в 2019 г.

Вслед за возникновением новых представлений о болезни существенному пересмотру подверглись и представления о способах ее предупреждения. В период пандемии государственная политика в области здравоохранения включала следующий комплекс мер:

– законодательно закрепленные санитарные меры, направленные на предотвращение или минимизацию негативного воздействия распространения инфекции на здоровье людей, в виде санитарного пограничного контроля, помещения в карантин граждан с подозрением на заражение коронавирусной инфекцией, изоляции больных, процедур дезинфекции, дополнительных противовирусных требований к осуществлению работ и оказанию услуг;

– специальные противоэпидемические меры, включая разработку вакцин и лекарственных препаратов, способных предотвратить взрывной рост случаев опасного заболевания, а также притупить

Таблица 1 – Показатели доступности медицинской помощи в Беларуси

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Численность врачей	45817	45649	45310	53166	54453	54839	55385	55642
Численность врачей на 10 тыс.	46,0	47,4	47,8	56,1	57,5	58,0	58,7	59,1
Численность среднего медицинского персонала	122641	118513	121814	126125	125849	126319	126874	126424
Численность среднего медицинского персонала на 10 тыс.	123,2	123,1	128,6	133,2	132,9	133,7	134,6	134,3
Число больничных коек	126209	108792	108667	81977	80278	79951	79536	79222
Число больничных коек на 10 тыс.	126,8	113,0	114,6	86,3	84,5	84,2	83,9	84,2
Число инфекционных коек	6411	5248	5006	4417	4221	4187	3920	3862
Число инфекционных коек на 10 тыс.	6,4	5,4	5,3	4,7	4,4	4,4	4,1	4,1
Число больничных организаций	817	711	661	640	636	622	612	609
Число станций (отделений) скорой медицинской помощи	198	189	160	152	144	143	147	140

Источник: составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

способность вируса вызывать тяжелые осложнения и смерть.

Практическая реализация мер всего представленного выше комплекса мер потребовала огромных усилий и немалых средств. Для укрепления и оптимизации потенциала системы здравоохранения в условиях быстрого увеличения заболеваемости в Беларуси были развернуты дополнительные койки и перепрофилированы уже действующие. В соответствии с Указом № 131 от 16 апреля 2020 г. из государственного бюджета были выделены средства на дополнительные стимулирующие выплаты работникам здравоохранения, оказывающим медицинскую помощь пациентам с COVID-19, или работающим в условиях, связанных с коронавирусной инфекцией. Ежемесячные надбавки составили: врачам-специалистам от 1000 до 4000, медицинским работникам со средним специальным медицинским образованием от 500 до 3000, иным работникам здравоохранения от 300 до 1500 руб. [12].

В результате дополнительные траты, в связи с пандемией коронавируса, привели к росту совокупных государственных расходов на здравоохранение в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 1370 млн руб. или с 4,1% до 4,7% ВВП (рисунок 4).

В настоящее время ставится вопрос об усовершенствовании системы здравоохранения с учетом опыта борьбы с новой коронавирусной инфекцией для защиты граждан от угроз эпидемиологического характера. В Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года отмечается, что «приоритетной задачей станет поддержка и дальнейшее развитие сформированных в период пандемии COVID-19 механизмов управления системой здравоохранения, интеграции всех ее звеньев с целью предотвращения распространения неизученных болезней и инфекций» [13]. Среди основных проблем эксперты выделяют несовершенство управленческой структуры и отсутствие финансовых механизмов, способных повысить эффективность использова-

Рисунок 4 – Государственные расходы на здравоохранение в Беларуси в 2016–2020 гг.

Источник: составлено и рассчитано по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

ния ресурсов; относительно низкую техническую оснащенность здравоохранения; очереди в поликлиниках; неудовлетворенность врачей оплатой труда. В этой связи возникает необходимость поиска новых подходов к развитию медицинской отрасли на основе осмысления практического опыта и новых мировых тенденций в организации управления современными системами здравоохранения.

Это предполагает комплекс мер по совершенствованию системы здравоохранения в контексте пандемии:

- развитие кластерной модели в качестве инновационного инструмента управления современными системами здравоохранения. Для реализации данного проекта можно использовать ресурсы республиканского научно-практического центра эпидемиологии и микробиологии;
- решение кадровой проблемы путем повышения заработной платы, строительства жилья для врачей;
- увеличение набора аспирантов и докторантов в организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования по специальностям, предметом изучения которых являются природные факторы среды обитания человека, механизмы и меры защиты населения от их негативного влияния;
- использование нелинейных моделей инноваций с целью оперативной разработки лекарственных

средств против многих вновь возникающих опасных инфекций;

- создание и внедрение в медицинских учреждениях медицинских экспертных систем и систем поддержки решений на основе математического моделирования эпидемических процессов;
- развитие электронного здравоохранения путем создания в организациях здравоохранения реестров пациентов; развития телемедицинского консультирования и электронных рецептов; систем мониторинга эпидемиологического благополучия населения; применения мобильных устройств связи (сотовый телефон, смартфон, карманный/планшетный компьютер с прикладными мобильными приложениями) для информационной поддержки в проведении эпидемиологических мероприятий (прежде всего с помощью SMS) и др.

Причем ряд цифровых решений уже носит постоянный характер и будет применяться после пандемии, например электронная медицинская карта, структура и порядок формирования которой в Беларуси определены постановлением Министерства здравоохранения от 07.06.2021 г. № 75 [14]. В БГУ и ВГУ имени П.М. Машерова открыта специальность «Информационные системы и технологии в здравоохранении»; проводится пересмотр программ обучения в медицинских вузах, где для будущих врачей созданы курсы

Таблица 2 – Исполнение расходов республиканского бюджета в 2020 году на здравоохранение, млн руб.

	Закон Республики Беларусь «О республиканском бюджете на 2020 год»	Уточненная роспись	Исполнение	% исполнения к	
				Закону	уточненной росписи
Всего	25420,8	26436,7	25890,8	101,8	97,9
в том числе					
Здравоохранение	1274,1	1240,4	1233,5	96,8	99,4
Медицинская помощь населению	577,0	601,8	598,7	103,8	99,5
Государственный санитарный надзор	6,7	6,8	6,6	98,5	97,1
Прикладные исследования в области здравоохранения	17,9	26,3	26,2	в 1,5 раза	99,6
Другие вопросы в области здравоохранения	672,5	605,5	602,0	89,5	99,4

Источник: составлено по данным Министерства финансов Республики Беларусь.

по информационным технологиям в здравоохранении.

Пристальное внимание должно быть уделено постоянному мониторингу биосистем с контролем мутационного процесса заболеваний, переносимых животными, равно как и прогнозированию возможностей появления новых инфекций. В структуре НАН Беларуси предусматривается создание Центра вирусологии, который будет нацелен на решение задач обеспечения безопасности страны на перспективу.

Пандемия COVID-19 заставила многие государства переосмыслить роль науки и технологий в социально-экономическом прогрессе. Способность науки в экстренном порядке мобилизоваться и создавать средства санитарно-эпидемиологической защиты, вакцины, лекарства, протоколы лечения коронавирусных заболеваний и осложнений еще раз доказала ее ключевую роль в условиях разворачивающейся четвертой промышленной революции. Так, технологии, основанные на науках о жизни, вышли на первые позиции и стали крупнейшими направлениями инвестирования в профильные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) для активизации здравоохранения.

Данные таблицы 2 показывают, что уточненные расходы республиканского бюджета в 2020 г.

на прикладные исследования в области здравоохранения по сравнению с запланированными были увеличены на 47%.

В Беларуси по инициативе Академии наук была создана и функционирует республиканская Межведомственная рабочая группа по преодолению COVID-19, которая является координационным центром по выработке оперативных действий, направленных на изучение пандемии и принятие мер борьбы. В нее вошло более 30 ведущих специалистов, представляющих академическую и вузовскую науку, ученых и организаторов системы здравоохранения. Налажено взаимодействие НАН Беларуси с Министерством здравоохранения как на управленческом уровне, так и между организациями и научными коллективами по вопросам производства диагностических препаратов, тест-систем и высокоценных препаратов, применения стволовых клеток в лечении COVID-19, производства антисептиков и др. [15, с. 6–7].

Кроме того, в государственную научно-техническую программу «Научно-техническое обеспечение качества и доступности медицинских услуг» на период 2021–2025 гг. включена подпрограмма «Геномные технологии и инфекционная безопасность» [16]. Программой деятельности Правительства Республики Беларусь на период

до 2025 г. запланировано также создание отечественной вакцины против инфекции, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2 [17]. С этой целью Указом № 430 от 3 ноября 2021 г. в 2021–2023 годах предусмотрена реализация инвестиционного проекта по организации нового производства для выпуска медицинских вакцин для профилактики коронавирусной инфекции на площадях ОАО «БелВитунифарм» [18]. Разработка вакцины является принципиально новой для Беларуси задачей. В настоящее время подготовлена серия прототипного варианта вакцины.

Заключение. Пандемия поставила перед системой здравоохранения ряд вопросов, которые придется решать для формирования эффективной социальной политики. В последние десятилетия акцент в организации медицинского обслуживания населения был сделан на усилении индивидуального подхода к пациенту и лечении хронических заболеваний для повышения продолжительности жизни. Пандемия COVID-19 показала сохранение важности мер общественного здравоохранения в борьбе с инфекционными заболеваниями. На фоне пандемии встал вопрос о необходимости разработки новой модели белорусского здравоохранения, которая могла бы увязать все аспекты ее развития, включая обеспечение биологической безопасности.

Научная новизна определяется совокупностью полученных результатов комплексного теоретико-прикладного характера, раскрывающего изменения, происходящие в системах здравоохранения в условиях борьбы с пандемией COVID-19.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования его основных положений и выводов для совершенствования национальной системы здравоохранения.

Литература

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 04.08.2021. – 1/19884.
2. Степин, В.С. История и философия медицины. Научные революции XVII–XIX веков / В.С. Степин, А.М. Сточик, С.Н. Загравкин. – М.: Академический проект, 2017. – 236 с.
3. Ведерников, М.В. Национальные и коллективные практики преодоления пандемии COVID-19 в Европе / М.В. Ведерников // Мир. экономика и междунар. отношения. – 2021. – Т. 65, № 12. – С. 50–60.
4. Дынкин, А.А. Шок пандемии и посткризисный мир / А.А. Дынкин // Мир. экономика и междунар. отношения. – 2020. – № 8. – С. 5–16.

5. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / Н.А. Авксентьев [и др.]; редкол.: В.А. Май (гл. ред.) [и др.]. – М.: Дело, 2020. – 744 с.

6. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / А.В. Торкунов [и др.]; под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова. – М.: Аспект-Пресс, 2021. – 248 с.

7. «Черный лебедь» в белой маске. / Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / Г.И. Абдрахманова [и др.]; под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. – 336 с.

8. Kapur, Pradeep K. Beyond the COVID-19 pandemic: envisioning a better world by transforming the future of healthcare / Pradeep K. Kapur, Joseph M. Chalil. – Delaware: UNN publishing, 2020. – 248 с.

9. Шведова, Н.А. Здравоохранение в США и COVID-19: борьба продолжается / Н.А. Шведова // США. Канада: экономика – политика – культура. – 2021. – № 12. – С. 5–17.

10. Чубарова, Т.В. Эффективное здравоохранение как условие воспроизводства человеческого потенциала: современные вызовы для социальной политики / Т.В. Чубарова // Экон. безопасность. – 2021. – Т. 4, № 3. – С. 607–628.

11. GHS Index. Global Health Security Index. Advancing collective action and accountability. Amid Global Crisis. December 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.ghsindex.org/wp-content/uploads/2021/12/2021_GHSIndexFullReport_Final.pdf. – Data of access: 19.04.2022.

12. О материальном стимулировании работников здравоохранения [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 апр. 2020 г., № 131 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 18.04.2020. – 1/18957.

13. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2035.pdf>. – Дата доступа: 27.08.2020.

14. Об утверждении Инструкции о структуре и порядке формирования электронной медицинской карты, личного электронного кабинета пациента [Электронный ресурс]: постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 7 июня 2021 г., № 75 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 27.07.2021. – 8/36981.

15. Гусаков, В.Г. Академическая наука Беларуси: векторы развития в условиях пандемии / В.Г. Гусаков // Наука и инновации. – 2021. – № 12. – С. 5–9.

16. О перечнях государственных и региональных научно-технических программ на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 марта 2021 г., № 173 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 27.04.2021. – 5/49017.

17. Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 года [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 дек. 2020 г., № 758 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 30.12.2020. – 5/48637.

18. О реализации инвестиционного проекта [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 3 нояб. 2021 г., № 430 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 05.11.2021. – 1/19988.

Поступила в редакцию 17.10.2022

Проект «Умные города Беларуси» как ключевое направление развития регионов

Побяржина Т.П.
Международный университет «МИТСО»

В Основных положениях программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. принят курс на цифровую трансформацию экономики, состоящую во внедрении и интеграции информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества. Одно из направлений внедрения передовых информационных технологий – это построение, развитие и функционирование проектов «Умный город», основанных на внедрении ИТ-решений в жизнь города.

Технология «Умный город» представляет собой эффективную интеграцию физических, цифровых и человеческих систем в искусственно созданной среде с целью обеспечения устойчивого и благополучного будущего для граждан страны. Используемые цифровые технологии позволяют городским властям напрямую взаимодействовать с городскими сообществами и инфраструктурой, и следить за тем, что происходит в городе и как он развивается, какие способы и механизмы позволяют улучшить качество жизни городских жителей.

Реализация соответствующих комплексных мер оптимизирует работу транспортной системы, повышает энергоэффективность, позволяет экономить используемые ресурсы, упрощают повседневный быт человека, повышает безопасность городской среды, позволяет участвовать гражданам в городской жизни и принятии совместных решений с городскими властями.

Цель исследования – изучить предпосылки внедрения технологии «Умный город» в Республике Беларусь и практические аспекты ее реализации на региональном уровне.

Материал и методы. *Материалом для исследования послужили государственные программные и нормативные документы как в части стратегии социально-экономического развития страны, так и в части цифрового развития национальной экономики, а также интернет-ресурсы местных органов власти и организаций, ответственных за внедрение технологии «Умный город».*

Результаты и их обсуждение. *В статье рассматриваются предпосылки внедрения технологии «Умный город», ее базовые модули, программные документы, направленные на реализацию проекта «Умные города Беларуси», приводятся конкретные примеры, связанные с его реализацией на примере Витебского региона, а также указывается на проблемы, препятствующие внедрению цифровых технологий в городскую среду.*

Заключение. *Стратегическое социально-экономическое развитие Республики Беларусь ориентируется на дальнейшее внедрение цифровых технологий с учетом общих мировых тенденций и особенностей современного этапа развития. Эти технологии являются мощным инструментом не только ускоренного развития реального сектора экономики, но и социальной инфраструктуры. Для государства интерес использования ИТ-технологий заключается в гармонизации экологических, экономических и социальных процессов внутри административно-территориальных единиц. Интересы человека заключаются в повышении его уровня и качества жизни. Баланс интересов человека и государства в части использования цифровых технологий находит отражение в моделях построения «умных городов», которые с 2020 г. в Республике Беларусь являются одним из приоритетных направлений инновационной деятельности.*

Ключевые слова: *цифровизация, трансформация, цифровая экономика, инновации, информационно-компьютерные технологии, «умный город», городская инфраструктура центр экономического роста, региональная политика, промышленный комплекс, региональное развитие, модернизация, инвестиционный проект.*

The Project “Smart Cities of Belarus” as a Key Direction for the Development of Regions

Pabiarzhina T.P.
International University “MITSO”

In the Basic Provisions of the Program of Social and Economic Development of the Republic of Belarus for 2021–2025 a course has been adopted for the digital transformation of the economy, which consists in the introduction and integration of information and communication technologies in all spheres of society. One of the directions for the introduction of advanced information technologies is the construction, development and operation of Smart City projects based on the implementation of IT in the life of the city.

Smart City technology is the efficient integration of physical, digital and human systems in an artificially created environment in order to ensure a sustainable and prosperous future for the country's citizens. The digital technologies used allow city authorities to interact directly with urban communities and infrastructure, and monitor what happens in the city and how it develops, what methods and mechanisms improve the quality of life of urban residents.

The implementation of appropriate comprehensive measures optimizes the operation of the transport system, improves energy efficiency, saves the resources used, simplifies the daily life of a person, improves the safety of the urban environment, allows citizens to participate in urban life and make joint decisions with city authorities.

The article aims to study the prerequisites for the introduction of the Smart City technology in the Republic of Belarus and the practical aspects of its implementation at the regional level.

Material and methods. The material for the study was state program and regulatory documents, both in terms of the strategy for the social and economic development of the country, and in terms of the digital development of national economies, as well as Internet resources of local authorities and organizations responsible for the implementation of Smart City technology.

Findings and their discussion. The article discusses the prerequisites for the implementation of the “Smart City” technology, its basic modules, policy documents aimed at implementing the “Smart Cities of Belarus” project, provides specific examples related to its implementation on the example of Vitebsk Region, and also points out the problems that hinder the introduction of digital technologies in the urban environment.

Conclusion. The strategic social and economic development of the Republic of Belarus is focused on the further introduction of digital technologies, taking into account general global trends and features of the current stage of development. These technologies are a powerful tool not only for the accelerated development of the real sector of the economy, but also for the social infrastructure. For the state, the interest of using IT technologies lies in the harmonization of environmental, economic and social processes within administrative-territorial units. The interests of a person are to improve his level and quality of life. The balance of interests of a person and the state in terms of the use of digital technologies is reflected in the models for building “smart cities”, which since 2020 in the Republic of Belarus have been one of the priority areas of innovation.

Key words: digitalization, transformation, digital economy, innovations, information and computer technologies, “smart city”, urban infrastructure, economic growth center, regional policy, industrial complex, regional development, modernization, investment project.

Цифровая трансформация экономики – это величайшее достижение научно-технического прогресса, нацеленное в перспективе на устойчивое социально-экономическое и экологическое развитие человечества. Цифровизация и легкость, с которой сегодня устанавливаются коммуникации с другими бизнес-системами или информационными системами, навсегда изменили способы общения людей и ведения бизнеса компаниями, так как цифровизация затронула все аспекты производства товаров, услуг и функционирования традиционных рынков как со стороны спроса, так и со стороны предложения.

Развитие цифровой экономики открывает огромные возможности и меняет функционирование национальной хозяйственной системы, обеспечивая повышение ее конкурентоспособности в настоящем и будущем. Процессы цифровой трансформации создают новые стимулы для модернизации и инновационного развития экономики. Доступность, простота использования и низкая стоимость мобильных коммуникаций привели к быстрому росту объемов трансграничных потоков информации, а рынки многих стран, в том числе и Республики Беларусь, получили дополнительные возможности для роста производства услуг с высокой интеллектуальной составляющей.

В статье поставлена цель изучить предпосылки внедрения технологии «Умный город» в Республике Беларусь и практические аспекты ее реализации на региональном уровне.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили информация Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики», Государствен-

ная программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы», электронные информационные ресурсы, публикации в периодических изданиях. Основные методы исследования: сравнения, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. С 2005 г. Республика Беларусь приняла стратегические планы развития цифровой экономики в ряде государственных программ и нормативных документах с опорой на создание благоприятных условий для ее формирования. За последние десятилетия цифровые технологии охватили практически все сферы жизнедеятельности общества: финансы, промышленность, сельское хозяйство, транспорт, сферу оказания услуг, медицину, образование, деятельность правительства.

Один из блоков цифровизации общественной жизни – это внедрение в городскую среду проектов «Умный город», которые позволяют с использованием информационных технологий существенно повысить производительность инфраструктуры и качество жизни горожан, одновременно сводя к минимуму потребление ресурсов и ущерб экологии.

Впервые терминология и концепция «Умный город» стали упоминаться в научной среде в 1990-х годах в связи с широким развитием ИКТ и считается, что это интеграция информационных и коммуникационных технологий для управления городским имуществом, объединяющих школы, транспорт, места общественного питания, библиотеки, больницы, электростанции, водоснабжение, утилизацию отходов и многое другое. То есть смысл высоких технологий и инноваций – максимально плодотворно задействовать имеющиеся ресурсы для повышения качества жизни городских жителей, производительности труда, сохранения окружаю-

щей среды, а также для рационального использования энергии и экономии всяческих затрат.

Внедрение концепции «Умный город» обусловлено:

- интенсивным ростом многоэтажной высокой застройки в городах, а также сложных многоуровневых транспортных коммуникаций;
- ростом численности населения городов, что требует новых подходов в развитии городского транспорта и транспортной инфраструктуры;
- возникновением проблемы с развитием, обеспеченностью и доступностью для жителей социальной инфраструктуры, к которой относятся системы здравоохранения, образования, культуры и спорта;
- необходимостью решения проблем административного характера, решение которых находится в компетенции городских властей.

Концепция «Умный город» предполагает наличие трех взаимосвязанных систем:

- 1) технологическая, которая представляет возможности аккумулирования и обработки данных о состоянии городского жизненного пространства посредством широкого использования электронных систем (сенсоров, датчиков, персональных электронных устройств);
- 2) коммуникационная, подразумевающая интеграцию получаемых данных в компьютерные базы данных для последующего использования в различных городских системах;
- 3) интеллектуальная, позволяющая проводить оценку и анализ данных с целью оптимизации операционных и управленческих решений.

Но помимо прогрессивных технологий реализация проектов «Умный город» сталкивается с рядом проблем, среди которых:

- устаревшая городская инфраструктура, которая не всегда позволяет обеспечить техническую составляющую проекта;
- рост уровня кибернетических угроз, связанных с большим использованием сенсорных технологий и интернета вещей;
- сохранение конфиденциальности информации, собираемой со всех интеллектуальных датчиков;
- не всегда активная позиция граждан по использованию новых технологий в силу недостаточной цифровой грамотности.

Поэтому, учитывая изложенные проблемы, разработчики проектов должны спрогнозировать как то или иное решение примут граждане и вступят с ним в контакт.

В Республике Беларусь внимание к концепции «Умный город», как и во всем мире, в первую оче-

редь обусловлено процессами урбанизации. Города играют первостепенную роль в социальных и экономических аспектах функционирования национальной воспроизводственной системы. В результате и большая часть ресурсов потребляется в городах, особого внимания требуют экологические проблемы, многократно возрастает нагрузка на транспорт, здравоохранение, жилищно-коммунальные службы и т.д. В настоящее время примерно 56% мирового населения живет в городах, при этом предполагается, что на городских жителей в 2030 году будет приходиться 60% населения стран мира. В Республике Беларусь наблюдается устойчивая тенденция роста численности городского населения как в целом по стране, так и в разрезе регионов (в 2010 году в городах проживало 75% населения, в 2020 – 77%).

С 2020 года в Беларуси технологии «умных городов» определены одним из приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы, что закреплено в ряде государственных документов:

- Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года;
- Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы;
- Указ Президента Республики Беларусь от 07.05.2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы»;
- Государственная программа инновационного развития на 2021–2025 годы;
- Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы.
- Однако основной программный документ в части практического внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий в различные отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества – это Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы». Данная программа включает в себя следующие подпрограммы:
 - «Информационно-аналитическое и организационно-техническое сопровождение цифрового развития»;
 - «Инфраструктура цифрового развития»;
 - «Цифровое развитие государственного управления»;
 - «Цифровое развитие отраслей экономики»;
 - «Региональное цифровое развитие»;
 - «Информационная безопасность и цифровое доверие».

О комплексном проекте «Умные города Беларуси» идет речь в подпрограмме «Региональное цифровое развитие». В реализации проекта участвует Министерство связи и информатизации Республики Беларусь, национальный инфраструктурный оператор РУП «Белтелеком» (отвечает за развитие национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры), КУП «Центр информационных технологий Мингорисполкома» (успешно реализует масштабные «умные» решения), ОАО «Гипросвязь» и Национальная академия наук Беларуси (обеспечивают научное сопровождение реализации проекта).

С учетом возможностей цифровых и информационных технологий в республике определен ряд системообразующих мероприятий до 2025 года с целью развития технологий «Умный город» во всех регионах страны. К основным мероприятиям следует отнести:

- создание региональной государственной типовой цифровой платформы «Умный город (регион)»;
- масштабирование типовой платформы путем адаптации и внедрения в первую очередь в областных центрах, одиннадцати городах страны с численностью населения более 80 тыс. человек (Орша, Барановичи, Пинск, Новополоцк, Полоцк, Мозырь, Лида, Борисов, Солигорск, Молодечно, Бобруйск) и десяти районах республики также с численностью населения более 80 тыс. человек (Березовский, Глубокский, Жлобинский, Зельвенский, Кормянский, Островецкий, Светлогорский, Свислочский, Слуцкий, Сморгонский);
- создание национального геопортала;
- развитие региональной информационно-коммуникационной инфраструктуры;
- создание и развитие типовых сервисов в различных сферах жизни городов с последующим их масштабированием;
- создание унифицированных систем управления, контроля, учета информации инженерных систем, интеллектуальных зданий и объектов.

Для практической реализации проекта в течение 2019–2021 года разработана типовая Концепция развития «Умный город», на ее основе разработаны концепции для одиннадцати городов и «дорожные карты» по их реализации, инициирован ряд локальных пилотных проектов по цифровизации, проведена научно-исследовательская работа по тематике «Умный город», организованы обучающие мероприятия для работников соответствующих административно-территориальных единиц, разработаны технические нормативно-правовые акты. На реализацию проекта в настоящее время заплани-

ровано 6 млн 450 тыс. рублей из республиканского фонда универсального обслуживания и информатизации, при этом по мере масштабирования планируется привлечение под проекты дополнительных источников финансирования (в том числе средства государственных инновационных фондов и инвесторов).

Реализация проекта «Умные города Беларуси» ориентирована на концентрацию ресурсов в ключевых направлениях развития регионов и центры экономического роста, имеющие инвестиционный потенциал и необходимые условия для внедрения цифровых технологий. Ключевыми задачами проекта являются:

- создание благоприятных условий для обеспечения процессов цифрового развития;
- совершенствование национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры;
- развитие технологий электронного правительства;
- повышение качества и доступности услуг образования и медицинского обслуживания;
- развитие инструментов цифровой экономики;
- повышение уровня комфорта и безопасности жизнедеятельности населения.

Во многих белорусских городах сегодня уже присутствуют элементы внедрения ИКТ, которые обычно связывают с развитием «умных городов»: умные остановки, камеры видеонаблюдения и распознавания, централизованные сервисы оплаты, элементы электронного здравоохранения и цифровой школы. С 2015 года на уровне республики реализуются проекты «Электронная школа» и «Электронный рецепт». Для улучшения качества обслуживания городского потока пассажиров и упорядочивания движения общественного транспорта специалистами ИВА IT Park в конце 2018 года было разработано мобильное приложение «Транспорт ВУ», которое по состоянию на начало 2022 года для всех видов транспорта доступно пока в городах и районах Минской, Гомельской и Брестской областей [1].

В феврале 2021 года Министерство связи и информатизации Республики Беларусь совместно с РУП «Белтелеком» презентовали мобильное приложение «Мой город», в котором оцифрованы основные городские сервисы для городских жителей и бизнеса. Предполагается, что данная платформа станет дополнительным каналом коммуникации и инструментом повышения скорости взаимодействия жителей с городской инфраструктурой. Она включает в себя три модуля (онлайн-запись, онлайн-доставка, онлайн-оплата), которые при необходимости могут адаптироваться к конкретной

городской среде. К концу 2021 года приложение адаптировано к таким городам, как Барановичи, Глубокое, Орша, Пинск, Полоцк. Со временем сервис постепенно развивается и наполняется новыми возможностями [2].

Также следует отметить, что в декабре 2018 года была утверждена Программа развития Оршанского района на период до 2023 года, в рамках которой планируется превратить г. Оршу в «умный город». С этой целью ОАО «Гипросвязь» совместно с Объединенным институтом проблем информатики Национальной академии наук Беларуси в 2019 году разработали концепцию «Умный город» для Орши и Оршанского района, а также план по ее реализации за счет средств инновационного фонда Витебского облисполкома. Особое внимание к Оршанскому региону обусловлено Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, где он был определен одним из центров регионального экономического роста.

Чтобы избежать ошибок в практике реализации проекта в Витебский регион были приглашены эксперты из финского города Тампере, где с 2017 г. реализуется проект «Умный город». Использование тепловой энергии серверов в жилищно-коммунальном хозяйстве, жилые дома с минимальной нагрузкой на окружающую среду, беспилотный общественный транспорт и отдельный централизованный сбор бытовых отходов – все это составные части программы «Умный Тампере». В результате длительной и целенаправленной работы были сформулированы семь концептуальных частей для внедрения инновационных цифровых технологий: промышленность, образование, здравоохранение, инфраструктура, управление, мобильность, здания и сооружения. Каждая из них содержит десятки проектов и мероприятий, цель которых – кардинальное улучшение городской среды, повышение инвестиционной привлекательности города, генерация прибыли, повышение качества жизни населения, активное подключение местных жителей к управлению городом. Например, местные власти стали использовать технологии 3D-моделирования для участия граждан в городском планировании и обсуждении перспективной застройки. Одним из ключевых элементов программы «Умный Тампере» является возведение нового района Vuores с населением около 25 тыс. человек, где испытываются и внедряются разнообразные умные решения [3].

В рамках Оршанской концепции «Умный город» планируется повсеместно внедрить услугу

«умный дом», элементы телемедицины, создать геоинформационную систему для комплексного планирования и управления территорией, продолжить реализацию проектов «Электронная школа» и «Электронный рецепт», для транспортной отрасли разработать систему планирования дорожного движения на основе уличных датчиков, оборудовать остановки общественно-транспортного электронными табло.

Заключение. Таким образом, внимание государства в Республике Беларусь к данному вопросу носит пока точечный или отраслевой характер. Однако до 2025 г. в рамках Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» по территории всей страны будут реализовываться проекты по внедрению цифровых платформ «умных городов» и регионов, которые должны охватить растущие потребности граждан, бизнеса и государства, а также отраслевых платформ, позволяющих государству проводить более тщательную и глубокую аналитику по всем отраслям экономики. Следует понимать, что «умный город» – это не статус, а динамичный и непрерывный процесс, который априори не может двигаться быстрыми темпами и требует значительного финансирования. Реализация в Республике Беларусь проекта «Умные города Беларуси» позволит выйти на новый этап цифровизации общественной жизни, повысить комфорт и безопасность городской среды, построить современную систему управления регионом как базиса для проведения мероприятий по комплексной цифровой трансформации экономики и социальной сферы.

Литература

1. Транспортное Приложение «Транспорт ВУ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iba.by/solutions-and-products/asdu-iba-avm/transport-by>. – Дата доступа: 16.02.2022.
2. Состоялась презентация платформы цифровых коммуникаций «Мой город» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://beltelecom.by/news/main/sostoyalas-prezentaciya-platformy-cifrovyykh-kommunikacij-moy-gorod>. – Дата доступа: 16.02.2022.
3. Проект «Умный город» с учетом финского опыта реализуют в Орше к 2023 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vitvesti.by/politics/proekt-umnyi-gorod-s-uchetom-finskogo-opyta-realizuiut-v-orshe-k-2023-godu.html>. – Дата доступа: 16.02.2022.
4. Абламейко, М. «Умный город»: от теории к практике / М. Абламейко, С. Абламейко // Наука и инновации. – 2018. – № 6. – С. 28–34.
5. Елисеев, Д. Технологическое развитие мегаполисов на основе концепции «умного города» / Д. Елисеев // Проблемы теории и практики управления. – 2018. – № 9. – С. 20–29.

Поступила в редакцию 10.03.2022

Характеристика денежных потоков экономических субъектов в концепции финансового потенциала

Самоховец М.П.

Учреждение образования «Полесский государственный университет»

Работа посвящена исследованию теоретико-методологических аспектов финансового потенциала. В результате предложено и научно обоснован механизм финансовых взаимосвязей экономических субъектов, приведена характеристика входящих и выходящих денежных потоков.

Цель статьи – предложить и обосновать механизм финансовых взаимосвязей экономических субъектов и охарактеризовать денежные потоки через призму финансового потенциала.

Материал и методы. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов, занимающихся изучением финансовых отношений и инвестиций. Информационной базой исследования являются нормативные правовые акты Республики Беларусь, международные стандарты финансовой отчетности. В качестве методов использованы следующие: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, абстрактно-логический метод.

Результаты и их обсуждение. На основе изучения теоретико-методологических аспектов финансового потенциала выявлено, что финансовый потенциал можно рассматривать применительно к различным уровням экономических субъектов, для каждого из которых определены и охарактеризованы входящие и выходящие денежные потоки. В результате предложено и научно обоснован механизм финансовых взаимосвязей экономических субъектов через призму их финансового потенциала. Выявлено, что инвестирование различного уровня зависит от финансового потенциала экономических субъектов.

Заключение. В целом предложенный и обоснованный механизм финансовых взаимоотношений экономических субъектов через призму финансового потенциала позволяет: во-первых, определить входящие и выходящие денежные потоки для каждого иерархического уровня экономических субъектов; во-вторых, установить особенности финансовых взаимоотношений экономических субъектов одного и разных иерархических уровней; в-третьих, обосновать денежные потоки экономических субъектов как инвестиции.

Ключевые слова: финансовый потенциал, финансовые взаимоотношения, денежные потоки, инвестиции.

Characteristics of Cash Flows of Economic Entities in the Concept of Financial Potential

Samokhovets M.P.

Education Establishment "Polessky State University"

The work is concerned with the theoretical and methodological aspects of the financial potential. The mechanism of financial interrelations of economic entities is proposed and scientifically substantiated; the characteristics of their incoming and outgoing cash flows are given as a result.

The purpose of the article is to propose and substantiate the mechanism of financial interrelations of economic entities and characterize their cash flows through the prism of their financial potential.

Material and methods. The theoretical basis of the study was the work of domestic and foreign authors involved in the study of financial relations and investments. The information base of the study is the regulatory legal acts of the Republic of Belarus, International Financial Reporting Standards. The following methods were used as methods: cognition, analysis and synthesis, comparative analysis, the abstract-logical method.

Findings and their discussion. Based on the study of the theoretical and methodological aspects of the financial potential it was revealed that financial potential can be considered in relation to different levels of economic entities. The mechanism of financial interrelations of economic entities through the prism of their financial potential was proposed and scientifically substantiated as a result. It was revealed that investment at various levels depends on the financial potential of economic entities.

Conclusion. In general, the proposed and justified mechanism of financial relationships between economic entities through the prism of their financial potential allows: firstly, to determine the incoming and outgoing cash flows for each hierarchical level of economic entities; secondly, to establish the features of the financial relationships of economic entities of the same and different hierarchical levels; thirdly, to justify the cash flows of economic entities as investments.

Key words: financial potential, financial relationships, cash flows, investments.

На современном этапе эффективные финансовые взаимоотношения выступают важнейшим побудительным мотивом к развитию субъектов любого уровня экономической системы – от человека как

отдельного индивидуума до государства как высшей формы социальной организации. Именно человек, находясь на базисном уровне экономической системы, способный с помощью своего интеллекта

генерировать деньги в «экономике знаний» [1; 2], становится главным фактором увеличения национального богатства общества.

Финансовая наука, развитие которой началось с теории государственных финансов, постепенно превратилась в теорию рынков капитала и продолжает свое современное развитие в направлении исследования движения денежных потоков в экономике [3]. Финансовые взаимоотношения между экономическими субъектами носят преимущественно денежный характер и строятся на стремлении к приращению денежных средств. При этом каждый экономический субъект обладает разным финансовым потенциалом, т.е. не одинаковой способностью генерирования денежных потоков: субъекты одного уровня могут получить одинаковые входящие денежные потоки, но в результате генерировать разные выходящие денежные потоки.

Вопросы анализа, классификации, оценки и управления денежными потоками получили достаточно широкое освещение в современной экономической литературе, но, главным образом, на микроэкономическом уровне [4; 5]. Поэтому актуальной теоретической и научно-практической задачей становится необходимость повышения эффективности финансовых взаимосвязей между различными уровнями экономическими субъектами, используя системный подход за счет сбалансирования и управления денежными потоками в современной экономике.

Цель статьи – предложить и обосновать механизм финансовых взаимосвязей экономических субъектов и охарактеризовать денежные потоки через призму финансового потенциала.

Материал и методы. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных

и зарубежных авторов, занимающиеся изучением финансовых отношений и инвестиций. Информационной базой исследования являются нормативные правовые акты Республики Беларусь, международные стандарты финансовой отчетности. В качестве методов использованы следующие: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, абстрактно-логический метод.

Результаты и их обсуждение. Финансовый потенциал – это неделимая и неотделимая характеристика субъекта, его способность генерировать выходящие денежные потоки от использования входящих денежных потоков. Финансовый потенциал – это функциональная система экономических взаимоотношений по внутренней организации самого субъекта, а также с другими экономическими субъектами по генерированию денежных потоков. Исследование сущности, формулирование понятия и обоснование концепции финансового потенциала в современной финансовой науке применительно к различным уровням экономических субъектов, на наш взгляд, может стать одним из стимулов развития конкурентоспособной высокоэффективной экономики на долгосрочную перспективу и повышения качества жизни [6].

Денежные потоки представляют собой притоки и оттоки денежных средств и их эквивалентов и классифицируются как потоки от операционной, инвестиционной и финансовой деятельности (в соответствии с МСФО). Денежные потоки классифицируются также исходя из направленности движения (входящие – выручка, исходящие – расходы), в соответствии с бизнес-процессами (производство, сбережение и финансирование) и по другим критериям. Исследователи [7] отмечают, что входящие финансовые потоки формируют основу

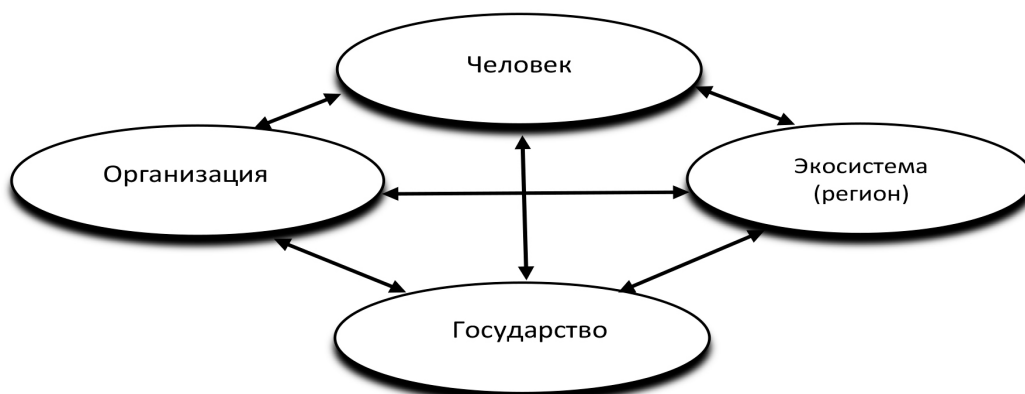

Рисунок 1 – Упрощенная схема финансовых взаимоотношений экономических субъектов

Источник: собственная разработка.

Таблица 1 – Матрица финансовых взаимоотношений экономических субъектов

ВЫХОДЯЩИЕ ДЕНЕЖНЫЕ ПОТОКИ	ВХОДЯЩИЕ ДЕНЕЖНЫЕ ПОТОКИ				
	Субъект	Человек	Организация	Экосистема (регион)	Государство
	Человек				
	Организация				
	Экосистема (регион)				
	Государство				

■ – денежные потоки экономических субъектов одного иерархического уровня
□ – денежные потоки экономических субъектов разных иерархических уровней

Источник: собственная разработка.

реализации исходящих финансовых потоков, т.е. потоки могут быть классифицированы по целевым группам, таким как государство, поставщики ресурсов, работники, кредитно-финансовые организации, собственники.

Денежные потоки, по нашему мнению, представляют собой направленное движение денежных средств в экономике и их возможно рассматривать по отношению к конкретному экономическому субъекту по следующей иерархии: человек, организация, экосистема (регион), государство (рисунок 1).

Денежные потоки возникают между вертикальными уровнями экономических субъектов (вертикальные денежные потоки) в цепочке человек–организация–экосистема (регион)–государство (а именно: человек–организация, человек–государство, экосистема (регион)–государство и другие). В то же время денежные потоки возникают на каждом уровне между однородными экономическими субъектами (горизонтальные денежные потоки): человек–человек, организация–организация и другие.

Денежные потоки опосредуют финансовые взаимоотношения, возникающие у экономических субъектов как разного уровня, так и финансовые взаимоотношения экономических субъектов, находящихся на одном уровне. Выходящие денежные потоки для одних экономических субъектов выступают входящими денежными потоками для других (таблица 1).

Можно говорить о сложной системе взаимных денежных взаимосвязей между экономическими субъектами, ведь выходящие денежные потоки для одного уровня субъектов выступают входящими денежными потоками для другого. Например, личные сбережения могут служить уставным фондом организации, т.е. выходящие финансовые потоки на уровне индивидуума явля-

ются входящими денежными потоками на уровне организации. В свою очередь, выходящие денежные потоки организаций в виде заработной платы являются входящими денежными потоками для работников. Выходящие денежные потоки организации в виде налогов и других обязательных отчислений служат входящими денежными потоками для государственного бюджета. Выходящие денежные потоки государства могут служить входящими денежными потоками в виде субсидий для организаций, дотаций и субвенций для регионов и т.д.

Денежные потоки в рамках теории финансового потенциала, по нашему мнению, можно классифицировать по следующим признакам:

1) по отношению к субъекту:

- входящие – денежные потоки, поступающие в распоряжение экономического субъекта от других экономических субъектов и используемые в процессе осуществления деятельности;

- выходящие – денежные потоки, исходящие от данного субъекта в направлении других субъектов в результате осуществления деятельности [8];

2) по направленности:

- односторонние – денежные потоки являются входящими или выходящими только для одного субъекта;

- двусторонние (встречные) – денежные потоки являются входящими для одного субъекта и одновременно выходящими для другого субъекта;

- совместные – денежные потоки являются входящими от нескольких субъектов к одному другому субъекту или выходящими одновременно от одного субъекта к нескольким другим субъектам;

3) по уровню иерархии:

- вертикальные – опосредуют денежные отношения, возникающие у экономических субъектов разного уровня;

Таблица 2 – Входящие и выходящие денежные потоки экономических субъектов

Субъект	Входящие денежные потоки	Выходящие денежные потоки
Человек	Заработная плата, дивиденды, государственные трансферты, гранты, благотворительные пожертвования	Вклады в уставный фонд, банковские вклады, налоги
Организация	Банковские кредиты, пополнение уставного фонда, субсидии	Прибыль, заработная плата работникам, налоги
Экосистема (регион)	Денежные средства, получаемые на различных условиях платности и возвратности, финансовая помощь, налоги, сборы, пошлины, другие обязательные платежи	Денежные средства, передаваемые на различных условиях платности и возвратности, финансовая помощь
Государство	Налоги, сборы, пошлины, другие обязательные платежи, государственные кредиты	Государственные трансферты населению, субсидии, дотации, субвенции, государственные расходы

Источник: собственная разработка.

• горизонтальные – опосредуют денежные отношения, возникающие у экономических субъектов, находящихся на одном иерархическом уровне.

Примеры входящих и выходящих денежных потоков экономических субъектов представлены в таблице 2.

За счет налоговых поступлений и других обязательных платежей организаций и населения формируется централизованный денежный фонд, который служит главным источником финансирования целей и задач государства – расходы на социальную сферу [9], национальную экономику и т.д. Иными словами, государственный бюджет выступает механизмом, перераспределяющим инвестиции [10]. Через этот механизм перераспределяются также государственные трансферты населению, субсидии организациям. Межбюджетные трансферты, финансовую помощь можно рассматривать как инвестиции в развитие конкретного региона [11]. Во всех случаях объединяющей характеристикой денежных потоков всех экономических субъектов является эффект приращения собственных денежных средств либо получение выгод от передачи денежных средств другому экономическому субъекту. Особый интерес в инновационной экономике представляют инвестиции в человеческий капитал, от которых зависит уровень развития государства [12]. Что касается инвестиций в развитие организаций, то данная сфера глубоко изучена в трудах современных исследователей [13; 14] и именно эти инвестиции изначально рассматриваются в классическом понимании.

Построение матрицы финансовых взаимосвязей экономических субъектов, выявление входящих и выходящих денежных потоков и их классификация позволяют рассматривать денежные потоки экономических субъектов как инвестиции. Нельзя не

согласиться с широко распространенным мнением, что именно инвестиции обеспечивают непрерывное развитие экономики, а их прирост приводит к увеличению национального дохода общества.

Устоявшейся позицией современной экономической науки является зависимость инвестирования от доходов (сбережений) субъектов хозяйствования и населения, а также зависимость динамики инвестиций от величины процентной ставки. Однако экономические процессы на современном этапе демонстрируют, что динамика совокупного дохода (сбережений), ставка процента и прочие количественные факторы не всегда оказывают решающее значение на принятие решения об инвестировании, влияние оказывают также такие качественные факторы, как склонность экономического субъекта к риску и т.п. Этим объясняется, например, отсутствие положительной динамики инвестиций в условиях наличия свободных денежных средств на финансовом рынке по минимальным процентным ставкам.

С нашей точки зрения, финансовый потенциал экономического субъекта представляется движущей силой инвестирования в экономике, которая в большей степени влияет на инвестиционные процессы, чем прирост доходов (сбережений). Именно финансовый потенциал, а не полученный доход (сбережения) видятся нам отправной точкой инвестирования (этим можно объяснить успех большого количества успешных стартапов). Зависимость величины инвестиций (I) от финансового потенциала (FP) можно представить в виде функции финансового потенциала:

$$I = f(FP) \quad (1)$$

Производная этой функции по финансовому потенциалу показывает, как меняется инвестиро-

вание при изменениях финансового потенциала в результате влияния на него различных факторов, и ее можно обозначить как предельную склонность к инвестированию (МРІ). МРІ рассчитывается как $MPI = \Delta I / \Delta FP$, что означает изменение значения инвестиционной функции (I) по отношению к изменению значения финансового потенциала (FP). Обычно МРІ принимает значения $0 < MPI < 1$. Увеличение (или уменьшение) финансового потенциала побуждает экономические субъекты к инвестированию для увеличения денежного потока. При отсутствии финансового потенциала, инвестирование не представляется возможным.

Заметим, что экономические субъекты направляют свой входящий денежный поток (D) на инвестирование в свое развитие, т.е. самоинвестирование (C) и инвестирование в других экономических субъектов (D-C). Поэтому объем инвестирования (I) экономического субъекта зависит от уровня денежного потока, который может быть направлен на инвестирование:

$$I = f(D - C) \quad (2)$$

Следовательно, инвестирование предопределяется полученными входящими потоками экономических субъектов. В том случае, если входящий денежный поток больше объема самоинвестирования ($D > C$), то запускается процесс инвестирования. Исходя из этого входящие денежные потоки можно классифицировать по источникам формирования, а выходящие денежные потоки по направлениям (категориям) инвестирования.

Исследование финансового потенциала экономических субъектов и сбалансирование их входящих и выходящих денежных потоков видится необходимым для принятия эффективных управленческих решений.

Заключение. Финансовые взаимоотношения экономических субъектов, опосредуемые денежными потоками, характеризуются многообразием. При этом финансовые взаимоотношения в современной экономике носят денежный характер, а денежные потоки представляются как направленное движение денежных средств. Для эффективного управления экономикой на макроэкономическом, региональном, микроэкономическом и уровне отдельного домохозяйства появляется необходимость в идентификации, учете, анализе входящих и выходящих денежных потоков и оценке на всех уровнях управления финансами (персональные финансы, корпоративные финансы, финансы экосистем, государственные финансы). Инвестиции представляются выражением денежных потоков экономических субъектов,

который характерен для любого иерархического уровня экономических субъектов.

Литература

1. Богатырёва, В.В. Финансовое управление воспроизводством человеческого капитала в инновационной экономике: теория, методология, моделирование / В.В. Богатырёва. – Новополоцк: ПГУ, 2013. – 400 с.
2. Samakhavets, M. Development of an Innovative Environment for a Knowledge-Driven Economy in Belarus / M. Samakhavets, O. Hrechyshkina, M. Vemić // International Journal of Knowledge and Systems Science. – 2022. – Vol. 13, Issue 1. – P. 16.
3. Самоховец, М.П. Современные тенденции развития финансов и финансовой науки в Республике Беларусь / М.П. Самоховец // Экономика и банки. – 2022. – № 1. – С. 21–28.
4. Пузанкевич, О.А. Управление финансовыми потоками организации / О.А. Пузанкевич // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2017. – № 4. – С. 67–72.
5. Щитникова, И.В. Денежные потоки организации: классификация, особенности формирования и использования / И.В. Щитникова // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2022. – № 1 – С. 85–91.
6. Богатырёва, В.В. Финансовый потенциал как новая экономическая категория в финансовой науке / В.В. Богатырёва, Д.А. Панков, М.П. Самоховец // Бух. учет и анализ. – 2022. – № 2(302). – С. 10–22.
7. Маханько, Л.С. Монетарная теория бухгалтерского учета и анализа в системе управления финансовыми ресурсами организаций: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10 / Л.С. Маханько. – Минск, 2017. – 41 с.
8. Самоховец, М.П. К вопросу о современной классификации денежных потоков / М.П. Самоховец // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2022 г. / Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: А.В. Егоров (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2022. – С. 325–326.
9. Самоховец, М.П. Бюджетное финансирование социальной сферы Республики Беларусь / М.П. Самоховец, М.И. Бухтик, А.В. Киевич // Экономические науки: науч.-информ. журн. – 2020. – № 3(184). – С. 104–109.
10. Самоховец, М.П. Роль финансового рынка в инновационной политике / М.П. Самоховец // Белорус. экон. журн.: ежекварт. науч.-практ. журн. – 2016. – № 2. – С. 45–56.
11. Самоховец, М.П. Теоретико-методологические проблемы исследования финансового потенциала региона / М.П. Самоховец // Воспроизводственный потенциал региона: проблемы измерения потенциала и конкурентоспособности: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 2–3 июня 2022 г. / Башкир. гос. ун-т; отв. ред. К.Н. Юсупов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – С. 113–120.
12. Богатырёва, В.В. Человеческий капитал как фактор повышения инновационности государства: теоретические аспекты, необходимость повышения эффективности управления / В.В. Богатырёва // Бух. учет и анализ. – 2012. – № 10. – С. 3–8.
13. Бословяк, С.В. Финансовый аспект формирования и использования инвестиционного потенциала организации / С.В. Бословяк. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, 2018. – 192 с.
14. Сенько, А.Н. Инвестиции и бизнес-проектирование: пособие для студентов экон. фак. / А.Н. Сенько. – Минск: БГУ, 2012. – 191 с.

Поступила в редакцию 26.09.2022

Исследование опыта роботизации экономики Российской Федерации

Сергиевич Т.В.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

Исследование зарубежного опыта роботизации экономики позволяет выявить факторы и особенности реализации данного процесса в странах, представляющих наибольший интерес для дальнейшего использования исследуемого опыта при разработке научного сопровождения роботизации экономики Республики Беларусь, предполагает анализ опыта стимулирования роботизации экономики, становления институциональной базы, направленной на развитие индустрии робототехники, а также практики внедрения роботов. Особое внимание следует уделить анализу расширения использования роботов в промышленности как важной, хотя и не единственной характеристике роботизации промышленности.

Цель статьи – изучить зарубежный опыт роботизации экономики на примере Российской Федерации.

***Материал и методы.** В качестве материала для написания статьи были использованы научные труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, результаты ранее проведенных автором исследований, статистические данные и экспертные мнения в области робототехники. В работе применялись системный и институциональный подходы, анализ, синтез, статистический метод.*

***Результаты и их обсуждение.** Исследование начинается с анализа рынка промышленных роботов Российской Федерации с учетом оговоренных ограничений методики учета данных, используемой Международной федерацией робототехники. Представлены основные участники российской индустрии робототехники. Изучена реакция российской индустрии робототехники на внешние шоки – пандемия, санкционное давление. Проанализированы сильные стороны российской робототехнической отрасли, а также исследованы проблемы, препятствующие ее опережающему развитию. Показано становление институциональной базы развития робототехнической отрасли в Российской Федерации, включающей в себя, помимо прочего, в том числе принятие программных, концептуальных и стратегических документов.*

***Заключение.** В результате исследования сделан вывод о том, что Российская Федерация обладает большим внутренним потенциалом развития робототехнической отрасли и роботизации экономики. Вместе с тем программные, концептуальные и стратегические документы национального уровня хотя и свидетельствуют о перспективности развития робототехнической отрасли для модернизации экономики страны и понимании этого на самом высоком уровне государственного управления, но отражают лишь начальный этап становления институциональных и экономических условий развития отрасли. Сохраняется нехватка конкретных механизмов, которые обеспечили бы качественный скачок российской экономики в сфере роботизации. В качестве важнейшей проблемы, препятствующей роботизации экономики Российской Федерации, сохраняется нехватка денежных средств на разработку роботов, масштабирование и выход на серийное производство, а также на проведение модернизации предприятий – потребителей роботов.*

***Ключевые слова:** роботизация экономики, модернизация промышленности, промышленные роботы, индустрия робототехники России, роботизация российской экономики.*

Robotization of the Country's Economy Research: Case of the Russian Federation

Serhiyevich T.V.

Education Establishment "Belarusian National Technical University"

The study of foreign experience in the robotization of the economy makes it possible to identify the factors and features of the implementation of this process in countries of greatest interest for the further use of the experience under study in the development of scientific support for the robotization of the economy of the Republic of Belarus. The study of foreign experience involves an analysis of the experience of stimulating the robotization of the economy, the formation of an institutional framework aimed at developing the robotics industry, as well as the practice of implementation of robots. Particular attention should be paid to the analysis of the expansion of the use of robots in industry as an important, although not the only characteristic of industrial robotization.

The purpose of the paper is to explore foreign experience of robotization of the economy on the example of the Russian Federation.

***Material and methods.** We used the papers of domestic and foreign economic scientists, the results of our previous research, statistical data and expert opinions in the field of robotics. We used such scientific methods as systemic and institutional approaches, analysis, synthesis, statistical method.*

***Findings and their discussion.** The study begins with an analysis of the industrial robot market in the Russian Federation, taking into account the specified limitations of the data accounting methodology used by the International Federation of Robotics. The main participants of the Russian robotics industry are presented. The reaction of the Russian robotics industry to external shocks (the pandemic, the sanctions pressure) has been studied. The strengths of the Russian robotics industry are analyzed, as well as the problems that hinder its advanced development. The formation of the institutional framework for the development*

of the robotics industry in the Russian Federation is shown, which includes, among other things, the adoption of policy, conceptual and strategic documents.

Conclusion. As a result of the study, it was concluded that the Russian Federation has a great internal potential for the development of the robotics industry and the robotization of the economy. At the same time, program, conceptual and strategic documents at the national level, although they testify to the prospects for the development of the robotics industry for the modernization of the country's economy and understanding of this at the highest level of public administration, reflect only the initial stage of the formation of the institutional and economic conditions for the development of the industry. There is still a shortage of specific mechanisms that would ensure a qualitative leap in the Russian economy in the field of robotics. As the most important problem hindering the robotization of the economy of the Russian Federation, there remains a lack of funds for the development of robots, scaling and access to mass production, as well as for the modernization of enterprises – consumers of robots.

Key words: robotization of the economy, modernization of the industry, industrial robots, Russian robotics industry, robotization of the Russian economy.

Исследование зарубежного опыта роботизации экономики позволяет выявить факторы и особенности реализации данного процесса в странах, представляющих наибольший интерес для дальнейшего использования исследуемого опыта при разработке научного сопровождения роботизации экономики Республики Беларусь. Для целей статьи под роботизацией экономики будет пониматься «процесс массового внедрения и использования роботов всех типов для замещения труда человека, способных выполнять его когнитивные, коммуникационные и физические функции в производственной, сервисной, медицинской, бытовой, социальной и иных сферах» [1, с. 112]. Такой подход предполагает анализ опыта стимулирования роботизации экономики, становления институциональной базы, направленной на развитие индустрии робототехники, и практики внедрения роботов. Вместе с тем особое внимание следует уделить анализу расширения использования роботов в промышленности, что является фактором экономического развития Республики Беларусь, структурная политика которой ориентирована на формирование «сверхиндустриального промышленного уклада» [2, с. 5]. Поскольку «на современных промышленных предприятиях при переходе к “умному производству” роботизации подлежит не только непосредственно процесс производства, но и ряд бизнес-процессов, что также оказывает значительное влияние на эффективность промышленного предприятия и является составляющей частью роботизации промышленности» [3, с. 128], расширение использования промышленных роботов рассматривается как важная, но не единственная характеристика роботизации промышленности.

Цель статьи – исследовать зарубежный опыт роботизации экономики на примере Российской Федерации.

Материал и методы. В качестве материала для написания статьи были использованы научные труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, результаты ранее проведенных автором

исследований, статистические данные и экспертные мнения в области робототехники. При выполнении исследования применялись системный и институциональный подходы, анализ, синтез, статистический метод.

Результаты и их обсуждение. В 2018 г. в России было установлено 1 007 промышленных роботов, а общий парк промышленных роботов в стране составил 5 тыс. роботов. Плотность роботизации российской обрабатывающей промышленности в 2018 г. была на уровне 5 роботов на 10 000 работников [4], в то время как среднемировой показатель достигал 99. В 2019 г., когда на российских предприятиях было установлено 1 410 промышленных роботов (рисунок 1), показатель плотности роботизации в стране вырос до 6, в то время как общемировой – до 113. Данный показатель, однако, может быть скорректирован в сторону повышения с учетом специфики методики сбора данных Международной федерацией робототехники. В частности, страновые показатели могут быть занижены в случае, если в стране представлены локальные производители и поставщики роботов, которые не отчитываются перед Международной федерацией робототехники или национальной ассоциацией робототехники (в России – Национальная ассоциация участников рынка робототехники (НАУРР)), или не налажено сотрудничество между национальной и международной ассоциациями в части своевременного предоставления полных данных. Результаты могут быть занижены когда, если прямые поставки роботов в страну затруднены вследствие санкций, запрещающих или ограничивающих такие поставки, или прочих барьеров внешней торговли. В этой ситуации даже при фактическом ввозе в страну (например, посредством параллельного импорта) и установке роботов, достоверные данные об их количестве в стране получить практически невозможно. Тем не менее на сегодняшний день данные Международной федерации робототехники относительно мирового рынка робототехники являются наиболее релевантными.

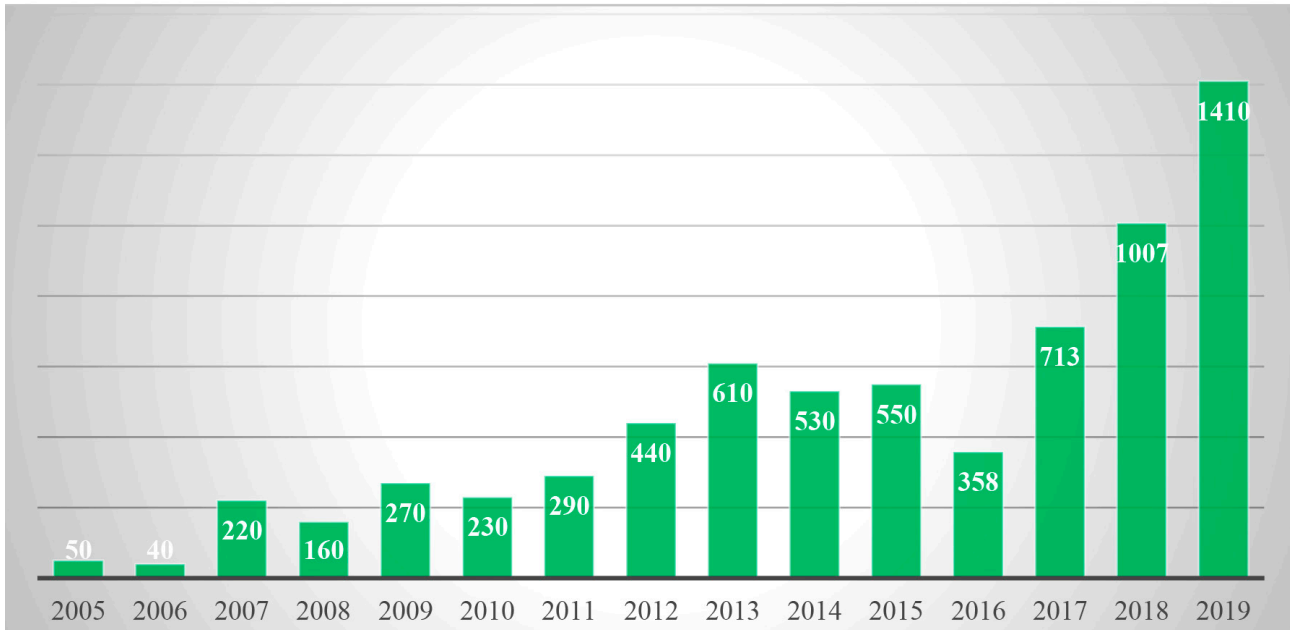

Рисунок 1 – Число ежегодно устанавливаемых роботов в России в 2005–2019 гг.

Источник: Составлено по данным [5].

Основной потребитель промышленных роботов в России – автомобилестроение, которое обеспечивает около 40% продаж роботов. По оценкам экспертов, в автомобилестроении «для контроля работы 10 роботов требуется 1 специалист. В других отраслях специалист обслуживает значительно меньшее число роботов» [4]. Такая специфика, в свою очередь, влияет и на эффективность роботизации предприятия в зависимости от вида экономической деятельности, и на показатели плотности роботизации. Как подчеркивает исполнительный директор НАУРР О. Мудрова, «автопром представлен локализованными предприятиями. Привозят общий план самого завода, с общей идеей, какое оборудование должно стоять» [6]. Это отражается и на происхождении внедряемых роботов – как правило, речь идет о готовых технико-технологических решениях, основанных на интеграции роботов и робототехнических систем зарубежного производства.

Индустрия робототехники России представлена производителями промышленных и сервисных роботов, поставщиками программного и аппаратного обеспечения, компонентов, а также компаниями-интеграторами, адаптирующими роботов, главным образом, зарубежного производства, к потребностям конкретного предприятия. Основными поставщиками промышленных роботов в России являются крупнейшие мировые производители – KUKA, FANUC и ABB. По данным НАУРР, в 2019 г. из 958 проданных в России роботов только

4,8% были отечественного производства [7]. Среди российских производителей робототехники можно выделить такие компании, как Эйдос-Робототехника, ЭкзоАтлет, ALFA Robotics, Agipix Robotics, Роботех, Рекорд-Инжиниринг, Норма-ИС, Битроботикс, Невлабс, АРКОДИМ-Пр, Андроидная Техника, Ronavi, АвангардПласт, АСГАРД, Завод роботов и др.

Российские предприятия в сфере робототехники вовлечены в роботизацию горной добычи (проект по созданию роботизированного бурового комплекса при участии «Газпром нефть», «Газпром бурение», «Уралмаш НГО Холдинг», Yandex Cloud и ООО «Битроботикс»; проект НЦ «Цифровые технологии» Кузбасского государственного технического университета по беспилотному управлению карьерными самосвалами в рамках проекта «Разработка и создание высокотехнологичного производства автономных тяжелых платформ для безлюдной добычи полезных ископаемых в системе “Умный карьер” в контексте комплексной научно-технической программы “Чистый уголь – зеленый Кузбасс”»); проект белорусского БелАЗа и российской «Цифра роботикс» по созданию роботизированной системы грузоперевозок и др.); логистическо-складских систем (шаттловая система хранения от Центра робототехники Сбера SberShuttle; складские роботы стартапа Astabot; автоматизированная логистическая система INTEC группы компаний ИНТЭК; пилотный проект роботизации склада Faberlic

компаниями Ronavi Robotics и RMS, входящих в группу компаний «ТехноСпарк» инвестиционной сети Фонда инфраструктурных и образовательных программ РОСНАНО Группы ВЭБ.РФ); литейного и металлургического производства (опыт роботизации компании Северсталь); автомобилестроения (опыт роботизации компаний КАМАЗ, АвтоВАЗ); пищевой промышленности (опыт роботизации компаний Эконива, Ролтон) и др.; в производство коллаборативной робототехники (НПО «Андроидная техника» создало робота CR5) и наземных беспилотных транспортных средств (роботакси и робокурьеры от Яндексa).

Российская робототехническая индустрия имеет положительную динамику развития, хотя и характеризуется весьма умеренными темпами, а эксперты отрасли указывают на значительный потенциал роста, обусловленный повышением внимания со стороны государства в отношении робототехники, увеличением спроса на образовательную робототехнику, ростом рынков промышленной и, в особенности, сервисной робототехники, а также появлением новых бизнес-моделей в отрасли, позволяющих открыть доступ к роботам для нового числа участников [8]. Как отмечается в экспертной среде в области робототехники, «государство охотно выделяет средства на разработку инновационных решений, потому и компаний-разработчиков так много, а вот с внедрением все только начинает сдвигаться с мертвой точки» [6]. Кроме того, в последние годы робототехническая отрасль испытывает действие крупных шоков, начиная от пандемии коронавируса и заканчивая беспрецедентными санкциями ряда западных стран в отношении российской экономики. Несмотря на это, довольно высокий уровень адаптивности российских предприятий в сфере робототехники позволяет оптимистично смотреть на будущее отрасли.

В январе 2021 г. НАУРР провела опрос среди своих членов (52 компаний в сфере робототехники) с целью определить, «как повлиял кризис, вызванный эпидемией COVID-19, на состояние робототехнической отрасли в России» [9]. Результаты опроса показали, что «несмотря на коронакризис, в робототехнических компаниях не только сохранялся, но даже рос уровень занятости. В том числе изменилось в большую сторону медианное число сотрудников компаний – с 12 человек для 2019 г. до 13 сотрудников в 2020 и 2021 гг.» [9]. Во многом такая ситуация объясняется наличием внутреннего спроса на результаты деятельности российских робототехнических компаний. Внутренний рынок Российской Федерации, очевидно, обладает боль-

шой емкостью и пока еще очень далек от насыщения. НАУРР приводит интересные данные своего исследования, касающиеся экспортной стратегии опрошенных компаний: «Большинство опрошенных (58%) не экспортируют свои решения и пока не планируют выходить на зарубежные рынки. В то же время 22% заявили о намерении развить это направление в 2021 году, а 20% опрошенных уже экспортируют свои товары и услуги за рубеж» [9]. Эксперты отрасли подчеркивают, что «почти весь российский сегмент робототехники – это производство на заказ» [6]. Наличие частных долгосрочных контрактов на разработку и реализацию комплексных решений по роботизации производств или логистическо-складских систем, с одной стороны, позволили многим компаниям в области робототехники выжить в условиях коронакризиса. С другой стороны, сохранение такой бизнес-модели, предполагающей работу на заказ в условиях фактического отсутствия серийного производства, одновременно выступает и фактором, сдерживающим потенциал развития и масштабирования предприятий отрасли. Во многом это связано с их инвестиционными стратегиями и трудностями доступа к финансированию: «Более половины опрошенных (62%) не привлекали инвестиции в 2020 году. Почти четверть (24%) опрошенных сообщили, что обращались к различным государственным мерам поддержки, 12% рассказали, что привлекали инвестиции из частных источников» [9]. В целом для участников отрасли характерен довольно низкий уровень привлечения внешнего финансирования. Опрос НАУРР продемонстрировал, что, «несмотря на коронакризис, у большинства робокомпаний (почти 68%) продолжала расти выручка. А также увеличивалось число сотрудников – в совокупности с 991 до 1103 человек (на 11%)» [9]. Таких результатов отрасль смогла достигнуть благодаря высокой внутренней адаптивности. В этой связи показателен пример крупнейшего производителя автономных сервисных роботов в России и Европе Promobot: «В 2020-м, когда началась пандемия, компания (Promobot. – Т.С.) перестроила бизнес и избежала кризиса, создав решения для борьбы с Covid-19: например, сделала умную стойку регистрации для бесконтактного измерения температуры» [10]. Таким образом, влияние пандемии на развитие российской индустрии робототехники было двояким – с одной стороны, «пандемия привела к общему замедлению бизнес-процессов на российских предприятиях, отложенному спросу на модернизацию производства, уменьшению объема оборотных средств у частного бизнеса» [11], а с другой –

открыла новые ниши бизнеса и сформировала стимулы замены трудовых ресурсов роботами.

Беспрецедентные антиросийские санкции в 2022 г. стали новым вызовом для робототехнической отрасли России, поскольку импорт промышленного оборудования ряда стран, из которых ранее ввозились промышленные роботы (Германия, Япония, Швейцария, Южная Корея), оказался под прямым запретом. Однако полностью исключить возможность импорта в Россию промышленных роботов невозможно. Как отмечают участники рынка роботов, например, «после прекращения вендором (компанией KUKA. – Т.С.) поставок в Россию некоторые интеграторы самостоятельно ввозят его продукцию из «дружественных стран» (Турция, Китай. – Т.С.)» [11]. То же самое касается и других производителей промышленных роботов – запрет прямых поставок роботов не исключает расширяющихся возможностей параллельного импорта. Некоторые трудности в связи с санкциями возникают на стадии интеграции оборудования и последующего обслуживания, которые, впрочем, решаются благодаря высокой квалификации российских инженерных кадров и традиционной находчивости в решении нестандартных сложных задач. В связи с этим в качестве важнейших задач, стоящих сегодня перед российской робототехнической отраслью, эксперты называют «формирование запасов комплектующих и запасных частей, а также обеспечение замены программных продуктов, если в продлении лицензий будет отказано. <...> здесь важна работа над формированием собственных производственных мощностей, в том числе по направлениям ремонта оборудования и обеспечения потребностей рынка в комплектующих, деталях и узлах, переход на отечественное ПО (программное обеспечение. – Т.С.), а также создание новых международных коопераций по созданию соответствующих компетенций» [11]. Безусловно, в новых условиях часть представителей отрасли выражает опасения по поводу будущего роботизации: «С началом санкций международные партнеры закрыли взаимодействие с Promobot. Развитие внутри России тоже туманно из-за смены государственных приоритетов от инноваций к «импортонезависимости», опасается Алексей (председатель совета директоров Promobot Алексей Южаков. – Т.С.). Есть риски, что амбициозные задачи России по замещению ручного труда в сферах 4D (Dull, Dirty, Dangerous, Dear – рутинная, грязная, опасная и дорогая работа) уйдут на второй план» [10]. Однако в целом существуют основания полагать, что приоритет импортонезависимости не заменяет,

а дополняет приоритет стимулирования развития высокотехнологичных отраслей российской экономики – традиционные меры поддержки дополняются новыми, а российская экономика в новых геополитических и экономических реалиях проявляет адаптивность и достаточно высокую устойчивость, что подтверждается макроэкономическими показателями и активным поиском правительством и министерствам эффективных решений стимулирования высокотехнологичного развития экономики.

К сильным сторонам российской робототехнической отрасли эксперты Лаборатории робототехники Сбербанка относят такие, как «отечественная инженерная школа: конструирование и программирование», «умение решать сложные и уникальные технические задачи», «технократическое население», «роботы помощники, а не конкуренты» [12, с. 141]. Кроме того, российская структурная политика, понимаемая нами как система «мер, направленных на формирование таких межотраслевых, внутриотраслевых и региональных пропорций, которые позволяют обеспечить сбалансированное развитие экономики, повышение ее конкурентоспособности на основе использования достижений научно-технической революции с целью содействия успешной реализации проводимой государством социально-экономической политики» [13, с. 44], ориентирована на укрепление промышленного сектора, что позволяет говорить о высоком потенциале внутреннего рынка для робототехнической отрасли, а низкий уровень роботизации промышленных предприятий – о наличии значительных резервов для внедрения робототехники. Ограничение деятельности зарубежных производителей промышленных роботов на территории Российской Федерации будет выступать в качестве фактора развития отечественных производителей в случае, если удастся эффективно конкурировать с китайскими производителями, готовыми занять освободившиеся ниши на российском рынке.

Вместе с тем участники рынка робототехники говорят о проблемах, без преодоления которых невозможно полностью локализовать в России производство и внедрение роботов. «Дело в том, что никто не хочет вкладывать деньги в разработку, все хотят уже получить готовый образец» [6], – отмечает главный конструктор Специального конструкторско-технологического бюро прикладной робототехники А. Батанов. Недостаточное развитие российского машиностроения отмечается А.В. Акимовым как фактор, препятствующий роботизации экономики. «В работе Акимова А.В. [14]

<...> показаны проблемы роботизации в России. В качестве главных причин отставания России по уровню роботизации автор (А.В. Акимов. – Т.С.) назвал слабое развитие российского машиностроения по сравнению с мировым уровнем и введение экономических санкций стран Запада против России» [15, с. 296]. Эксперты Лаборатории робототехники Сбербанка к слабым сторонам российской робототехнической отрасли относят такие, как «низкая скорость и высокая стоимость прототипирования», «дефицит мощностей отечественного передового производства», «недостаток молодых квалифицированных преподавательских кадров и устаревание образовательных программ вузов», «низкая культура промышленного дизайна», «миграционная политика и низкая соцзащита трудящихся», «слабое проникновение лучших мировых практик роботизации в народное хозяйство» [12, с. 141]. Еще одним фактором, сдерживающим роботизацию экономики в России, являются относительно низкие затраты на трудовые ресурсы по сравнению с затратами на приобретение, внедрение и эксплуатацию роботов. Генеральный директор ООО «Аркодим» А. Барахтин убежден: «Робот должен стоить дешево, чтобы он имел окупаемость в 2–3 года. А чтобы робот стоил дешево, нужны дешевые кредиты, субсидирование» [6]. В результате преимущества традиционно сильных российских инженерных научных школ и мотивации к научно-техническому творчеству, подкрепляемые государственной поддержкой НИОКР, сдерживаются на этапе трансфера инноваций в производство – государственная поддержка модернизации промышленности оказывается недостаточной. По мнению экспертов на этот счет, «получается парадокс: компаний-разработчиков и интеграторов в стране – около 500, это очень много, при этом на 400 роботов в мире приходится лишь один в России» [6]. Трудности, связанные с внедрением комплексных роботизированных решений при проведении модернизации, анализируются не только в экспертной, но и в научной среде: «Устаревший технологический цикл подавляющего большинства отечественных предприятий не позволяет встраивать роботы в технологическую цепочку без серьезных затрат на ее модернизацию, – подчеркивают российские ученые. – Зачастую проще приобрести новое готовое комплексное решение, чем модернизировать имеющееся, но это <...> чрезвычайно дорого» [16, с. 12]. Помимо сказанного, использование готовых зарубежных технологических решений повышает риски технологической зависимости, которые могут развиваться в угрозы

технологической и экономической безопасности Республики Беларусь, в том числе угрозу «устойчивого дефицита предложения» [17, с. 10].

А.В. Бабкин, Д.Д. Буркальцева, Ш.Б. Хамбаров и А.С. Тюлин в качестве ключевых проблем развития робототехники в Российской Федерации выделяют такие, как «проблема развития науки», «дефицит финансирования области», «недостаток собственных технологий производства», «отсутствие целостной политики и системной поддержки», «отсутствие глобальных конкурентоспособных отечественных игроков на мировом уровне», «разрыв между имеющимся потенциалом и коммерциализацией (отечественное производство не покрывает потребности большого потенциала российского рынка робототехники)», «высокая вероятность оттока кадров в страны с более развитым рынком робототехники из-за невозможности реализовать свой потенциал внутри страны», «отсутствие специализированной инновационной инфраструктуры затрудняет запуск новых проектов в области робототехники» [18, с. 40–41]. По мнению И.В. Гурлева, «основными препятствиями в использовании роботов является <...> низкая заработная плата рабочих и высокая стоимость роботов, компьютеров и программного обеспечения, особенно иностранного производства, что делает нерентабельной их закупку. Кроме того, внедрение роботов требует перестройки технологических процессов производства и переобучения персонала, что требует значительных материальных вложений и временной остановки производства, на что не идут многие владельцы и руководители предприятий. <...> также <...> низкая степень импортозамещения комплектующих элементов в электронной начинке компьютеров» [19, с. 7–8]. Проблемы и риски, связанные с трудовыми ресурсами, называются экспертами в числе первоочередных, в то время как учеными неоднократно подчеркивалась необходимость в условиях цифровизации достижения того, чтобы «развитие человеческого капитала стало приоритетным направлений, а важнейшей стратегической задачей белорусского общества стало обеспечение высококачественного уровня человеческого капитала как на макро-, так и на микроуровне хозяйствования» [20, с. 11–12]. Сказанное совершенно справедливо можно отнести и к приоритетам развития российского общества в условиях роботизации экономики.

Проблемы, связанные с роботизацией экономики, понимаются и на уровне государственного управления Российской Федерации, о чем свидетельствует рост внимания к развитию индустрии робототехники в стране, что нашло отражение в программных,

концептуальных и стратегических документах Российской Федерации. Развитию робототехники посвящены положения Государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках реализации которой в 2019 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации выпустило Дорожную карту «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсора» [21]. Данный документ охватывает описание технологий и субтехнологий робототехники и сенсорики, их внутреннюю субординацию, возможные экономические, социальные и технологические эффекты, драйверы, ограничители и тенденции развития этих технологий, а также предлагает перечень направлений и инструментов по достижению сформулированных в самой дорожной карте целевых показателей. Среди прочего предлагаются меры грантовой поддержки, субсидирования процентной ставки по кредиту и другие меры. Еще одной дорожной картой в сфере робототехники стал План мероприятий («дорожная карта») «ТЕХНЕТ 4.0» (передовые производственные технологии) Национальной технологической инициативы [22], подготовленный в 2020 г. группой ученых и экспертов на смену дорожной карте «ТЕХНЕТ» (2017–2020 гг.), в рамках которой был реализован ряд мероприятий и проектов по созданию и внедрению в производство передовых технологий, а также создан центр компетенций Национальной технологической инициативы по технологиями компонентов робототехники и мехатроники. Дорожная карта «ТЕХНЕТ 4.0», в свою очередь, предусматривает мероприятия, направленные на развитие отечественной компонентной базы (различных типов высокотехнологичных захватов, приводов и т. д.), робототехнических платформ (мобильные платформы для внутрицеховой и межцеховой логистики, программное обеспечение для проектирования робототехнического производства и разработки управляющих программ промышленных роботов, системы телеуправления, роботы-манипуляторы), создания роботизированных решений на основе матричного производства и прочих решений для реального сектора экономики [22, с. 222–228].

Робототехнике уделяется внимание большинством общих и отраслевых стратегий. Среди них Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, Стратегия развития станкоинструмен-

тальной промышленности на период до 2035 года, Стратегия развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегия развития машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года, Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года, Стратегическое направление в области цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности и другие.

Значительное развитие получила нормативно-правовая база в сфере искусственного интеллекта. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Данной стратегией робототехника отнесена к смежным областям использования искусственного интеллекта, к которым относятся технологии и технологические решения, где искусственный интеллект используется в качестве обязательного элемента [23]. 19 августа 2020 г. распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года, направленная на формирование регуляторной среды в данной сфере.

Заключение. Российская Федерация обладает большим внутренним потенциалом развития робототехнической отрасли и роботизации экономики. В стране наблюдается рост емкости рынка робототехники, что обуславливает необходимость разработки мер его стимулирования и регулирования. Программные, концептуальные и стратегические документы национального уровня свидетельствуют о перспективности развития робототехнической отрасли и понимании необходимости ее развития на самом высоком уровне государственного управления. Вместе с тем анализ данных документов показал в ряде случаев слишком общий и несистемный подход к регулированию и стимулированию роботизации российской экономики. По-прежнему наблюдается нехватка и непроработанность конкретных механизмов, которые могли бы применяться массово или масштабно и обеспечили бы качественный скачок российской экономики в сфере роботизации. Участники рынка робототехники и эксперты по-прежнему в качестве важнейшей проблемы,

препятствующей роботизации экономики Российской Федерации, называют недостаток денежных средств на разработку роботов, масштабирование и выход на серийное производства, и, наконец, модернизацию предприятий – потребителей роботов. Развитию роботизации экономики Российской Федерации способствовала бы системная поддержка всей цепочки – от разработки роботов до их внедрения и эксплуатации на промышленных предприятиях.

Литература

1. Сергиевич, Т.В. Теоретические подходы к трактовке социально-экономической природы роботов / Т.В. Сергиевич // Белорус. экон. журн. – 2022. – № 3. – С. 102–115. <https://doi.org/10.46782/1818-4510-2022-3-102-115>.
2. Солодовников, С.Ю. Новая структурная политика и изменение институциональной динамики наноиндустрии / С.Ю. Солодовников // Ресурсы Европейского Севера. Технологии и экономика освоения. – 2018. – № 1(11). – С. 5–10.
3. Сергиевич, Т.В. Некоторые актуальные аспекты исследования роботизации промышленности / Т.В. Сергиевич // Тенденции и тренды в сфере бизнес-аналитики: сб. науч. тр. по итогам проведения круглого стола, Москва, 21 сент. 2022 г. / под ред. Т.Ф. Морозовой [и др.]. – М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина», 2022. – С. 126–129.
4. Информационная справка о нехватке кадров промышленных предприятий для задач использования робототехнических комплексов [Электронный ресурс]. – НАУРР. – Опубл. 15.07.2020. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1OggBUWGPghwwnV_3rsgFIQkzivFoyHfZ/view. – Дата доступа: 15.06.2022.
5. Перспективные направления применения робототехники в бизнесе / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций; Национальная Ассоциация участников рынка робототехники (НАУРР). – М., 2020. – 74 с.
6. «Все упирается в деньги»: как в России пытаются наладить производство роботов [Электронный ресурс]. – НТВ. – Опубл. 09.09.2022. – Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/2722944/>. – Дата доступа: 20.09.2022.
7. Национальная ассоциация участников рынка робототехники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://robotunion.ru/association/about>. – Дата доступа: 15.06.2022.
8. Konuikhovskaia, A. Five Trends in Russian Robotics [Electronic resource] / A. Konuikhovskaia // IFR. – Publ. date 27 Aug. 2019. – Mode of access: <https://ifr.org/post/five-trends-in-russian-robotics>. – Date of access: 15.04.2022.
9. Коронакризис 2020 года и его последствия для российских робокомпаний. Результаты опроса участников НАУРР [Электронный ресурс]. – НАУРР. – Режим доступа: <https://robotunion.ru/koronakrizis-2020-goda-i-ego-posledstviya-dlya-rossijskikh-robokompanij>. – Дата доступа: 28.09.2022.
10. Резникова, К. Робот-помощник и мультикуб: как живет российский инновационный бизнес [Электронный ресурс] / К. Резникова, А. Бойко, Л. Хомутова. – РБКСтиль. – Опубл. 14.07.2022. – Режим доступа: <https://style.rbc.ru/life/62a0a0959a79470d1b211e5f>. – Дата доступа: 16.08.2022.
11. Промышленные роботы в России [Электронный ресурс]. – Tadviser. – Опубл. 23.06.2022. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Промышленные_роботы_в_России#.D0.9E.D1.81.D0.BE.D0.B1.D0.B5.D0.BD.D0.BD.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B8_.D0.B7.D0.B0.D0.BA.D1.83.D0.BF.D0.BE.D0.BA_.D0.BF.D1.80.D0.BE.D0.BC.D1.8B.D1.88.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D1.85_.D1.80.D0.BE.D0.B1.D0.BE.D1.82.D0.BE.D0.B2. – Дата доступа: 15.10.2022.
12. Ефимов, А. Аналитический обзор мирового рынка робототехники 2019 / А. Ефимов [и др.]; Сбербанк. Sberbank Robotics Laboratory, 2019. – 272 с.
13. Солодовников, С.Ю. Современная структурная политика и кризис наноиндустрии / С.Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3(8). – С. 42–48.
14. Акимов, А.В. Робототехника: состояние и перспективы развития в мире и России / А.В. Акимов // Поиск. Альтернативы. Выбор. – 2016. – Т. 2, № 2. – С. 114–125.
15. Варшавский, А.Е. Мировые тенденции и направления развития промышленных роботов / А.Е. Варшавский, В.В. Дубинина // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 294–319. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.3.294-319>.
16. Лопота, А.В. Программы развития робототехники / А.В. Лопота, Б.А. Спасский // Робототехника и техническая кибернетика. – 2021. – № 9(1). – С. 5–16. <https://doi.org/10.31776/RTSJ.9101>.
17. Арчаков, В.Ю. Некоторые новые подходы к обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь / В.Ю. Арчаков [и др.] // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2022. – Вып. 16. – С. 7–23. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2022-16-7-23>.
18. Бабкин, А.В. Анализ рынка робототехники в России: проблемы и перспективы развития в условиях цифровизации / А.В. Бабкин [и др.] // Экономика и управление. – 2019. – № 8(166). – С. 34–44. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2019-8-34-44>.
19. Гурлев, И.В. Цифровизация экономики России и проблемы роботизации [Электронный ресурс] / И.В. Гурлев // Вестн. Евразийской науки. – 2020. – Т. 12, № 4. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/08ECVN420.pdf>. – Дата доступа: 25.09.2022.
20. Богатырёва, В.В. Перспективы и риски, связанные с появлением новых форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики в Республике Беларусь / В.В. Богатырёва, М.Ю. Бобрик, Ю.Ш. Салахова // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2022. – Вып. 15. – С. 7–14. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2022-15-7-14>.
21. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсорики» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – 10.10.2019. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6666/>. – Дата доступа: 17.09.2022.
22. План мероприятий («дорожная карта») «ТЕХНЕТ 4.0» (передовые производственные технологии) Национальной технологической инициативы. – СПб., 2020. – 235 с.
23. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kremlin.ru/acts/bank/44731>. – Дата доступа: 15.09.2022.

Поступила в редакцию 10.11.2022

УДК 128:316.628–057.87

Динамика категориальной представленности смысложизненных ориентаций у студентов

Казак Т.В., Тукальская Н.И.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»

Смысложизненные ориентации – это состояние направленности личности на достижение смысловых ценностей и смысла жизни. Вектор этой направленности формирует текущие задачи, деятельность личности и в конечном итоге влияет на отношение к окружающему миру, характер, поведение и т.д. Они не исчерпываются одной идеей или целью, а представляют собой структурную иерархию «больших» и «малых» смыслов. Иерархия смысловых ориентаций человека относится к особому образу организованным целостным многоуровневым системам, включающим в себя целый ряд различных смысловых структур.

Цель исследования – характеристика категориальной представленности смысловых ориентаций у студентов I–IV курсов.

Материал и методы. Для решения поставленной задачи была применена методика «Источники смысла жизни» (ИСЖ) К.В. Карпинского. В соответствии с данной методикой состав ценностей-источников смысла жизни был сгруппирован в 46 категорий. В результате работы с данным перечнем ценностей респонденты отобрали те ценности, которые, по их мнению, придадут смысл жизни лично для них. При обработке данных мы провели качественный анализ выделенных респондентом категорий и проследили их динамику от I к IV курсу.

Результаты и их обсуждение. Для студентов I курса первостепенное значение имеют такие ценности, как любовь, семья, дружба, свобода, для студентов II курса – любовь, здоровье, дружба. Выживание, общественная активность – смысловые ориентации не получившие внимания со стороны студентов II курса. Для студентов III курса особенно важны такие ценности, как любовь, самоуважение, семья, дружба, счастье, здоровье, а для студентов IV курса – любовь, семья, дружба, счастье, здоровье.

Заключение. Результаты и выводы проведенного исследования позволяют определить направления и возможности их практического применения с целью повышения уровня осознанности смысла своей жизни.

Ключевые слова: смысл жизни, смысловые ориентации, иерархия смысловых ориентаций, ценностно-смысловая составляющая источников смысла жизни, мотивационная составляющая источников смысла жизни.

Dynamics of Category Representation of Student Life-Meaning Orientations

Kazak T.V., Tukalskaya N.I.

Education Establishment "Belarusian State University of Information Science and Radioelectronics"

Life-meaning orientations are a state of orientation of a person to achieve life-meaning values and the sense of life. The vector of this orientation forms the current tasks, activities of the individual and ultimately affects the attitude to the outside world, character, behavior, etc. They are not limited to one idea or goal, but represent a structural hierarchy of "big" and "small" meanings. The hierarchy of life-meaning orientations of a person refers to a specially organized holistic multilevel systems that include a number of different semantic structures.

The purpose of the study was to characterize the category representation of first – fourth-year students' life-meaning orientations.

Material and methods. *To solve this problem, the method "Sources of the meaning of life" (ICL) by K.V. Karpinsky was applied. In accordance with this methodology, the composition of values-sources of the meaning of life was grouped into 46 categories. As a result of working with this list of values, respondents selected those values that, in their opinion, give meaning to life for them personally. When processing the data, we conducted a qualitative analysis of the categories identified by the respondent and tracked their dynamics from the 1st to the 4th years at university.*

Findings and their discussion. *For 1st year students, such values as love, family, friendship, freedom are of paramount importance. For 2nd year students, such values as love, health, friendship are of paramount importance. Survival, social activity are meaningful life orientations that did not receive attention from 2nd year students. For 3rd year students, such values as love, self-respect, family, friendship, happiness, and health are of paramount importance. For 4th year students, such values as love, family, friendship, happiness, and health are of paramount importance.*

Conclusion. *The results and conclusions of the conducted research allow us to determine the directions and possibilities of their practical application in order to increase the level of awareness of the meaning of one's life.*

Key words: *the meaning of life, life-meaning orientations, the hierarchy of meaning of life orientations, the value-semantic component of the sources of the meaning of life, the motivational component of the sources of the meaning of life.*

По мнению Д.А. Леонтьева, смысложизненные ориентации – сложные социально-психологические образования порождаются реальными значимыми жизненными взаимоотношениями субъекта и бытия, они релевантны по отношению ко всему жизненному пути личности (включая прошлое, настоящее, будущее), задают вектор и границы самореализации личности как субъекта жизненного пути через структурную организацию жизненных целей – ценностей [1, с. 285].

Г.В. Акопов, рассматривая смысловые образования в концепции личностного целеполагания, отмечает, что «именно содержательная и структурная организация смысложизненных ориентаций отличает цельное внутреннее бытие от "рассеянного" существования» [2, с. 126].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день нет единого определения понятия смысложизненных ориентаций, к тому же сама доля исследований категории смысложизненных ориентаций в психологической научной мысли очень мала.

С точки зрения И.Т. Петрова, смысложизненные ориентации образуются путем деятельностного «примеривания» предметов и ценностей, их свойств к потребностям личности, к ее будущему. Исходя из этого, можно предположить, что процесс формирования смысложизненных ориентаций в той или иной мере сходен с оценкой, но в данном случае речь идет об анализе всей

жизнедеятельности личности, степени ее активного участия в процессе построения собственного бытия, ее способность к целеполаганию и устремленность в «светлое будущее», то есть такая оценка предполагает навыки самоанализа и самоконтроля [3].

Смысложизненные ориентации являются вектором, задающим направление, по которому личность продвигается в сторону обретения смысла жизни как вершины человеческого бытия.

Смысложизненные ориентации – это состояние направленности личности на достижение смысложизненных ценностей и смысла жизни. Вектор этой направленности формирует текущие задачи, деятельность личности и в конечном итоге влияет на отношение к окружающему миру, характер, поведение и т.д. Они не исчерпываются одной идеей или целью, а представляет собой структурную иерархию «больших» и «малых» смыслов. Иерархия смысложизненных ориентаций человека относится к, особым образом, организованным целостным многоуровневым системам, включающим в себя целый ряд различных смысловых структур [4].

Цель исследования – характеристика категориальной представленности смысложизненных ориентации у студентов I–IV курсов.

Материал и методы. В ходе исследования была применена методика «Источники смысла

жизни» (ИСЖ) К.В. Карпинского. В соответствии с данной методикой состав ценностей-источников смысла жизни был сгруппирован в 46 категорий: альтруизм, творчество, гедонизм, карьера, здоровье, развлечения, гуманизм, индивидуальность, семья, религиозность, духовность, нравственность, справедливость, богатство, дети, познание, власть, социальный статус, персонализация, компетентность (мудрость), дружба, любовь, процесс жизни, самореализация, судьба, мир, природа, секс, выживание, свобода, патриотизм, саморазвитие, аскетизм, образование, признание, самоуважение, хобби, общественная активность, безопасность, искусство, правда, счастье, красота, контроль, общение, долг. В результате работы с данным перечнем ценностей респонденты отобрали те ценности, которые, по их мнению, придают смысл жизни лично для них. При обработке данных мы провели качественный анализ выделенных респондентом категорий и проследили их динамику от I к IV курсу.

Результаты и их обсуждение. В соответствии с поставленной задачей мы охарактеризовали категориальную представленность смысложизненных ориентации у студентов I–IV курсов. Результаты представлены на рисунке 1.

Анализ полученных результатов категориальной представленности смысложизненных ориентации у студентов I курса показал, что наиболее выраженными из 46 возможных категорий смысложизненных ориентаций являются:

I – Любовь (8%), которая характеризуется нахождением настоящей любви, переживанием душевной близости с другим человеком, жизнью ради любимого человека.

II – Семья (7%), характеризующаяся созданием семьи, возможностью иметь прочные и гармоничные отношения с супругом(ой), способствующая благополучию родителей и родственников.

Дружба (7%), характеризующаяся возможностью иметь хороших друзей, поддерживать теплые и доверительные отношения с людьми, быть верным, надежным товарищем для своих друзей.

Свобода (7%), которая характеризуется возможностью быть свободным человеком, самостоятельно принимать жизненные решения и нести за них полную ответственность, быть независимым(ой) в мыслях, чувствах и поступках, выбирать свою судьбу; распоряжаться собственной жизнью и собой.

III – Самореализация (4%), характеризующаяся раскрытием и реализацией своего внутреннего потенциала, достижением жизненных целей, воплощением заветной мечты в жизнь, возможностью добиться успеха в важном деле.

Самоуважение (4%), которое характеризуется уверенностью в себе, принятием себя, гордостью за себя и свою жизнь, не возможностью потерять собственное достоинство.

Счастье (4%), характеризующееся возможностью быть или стать счастливым, обрести душевный покой, переживанием удовлетворенно-

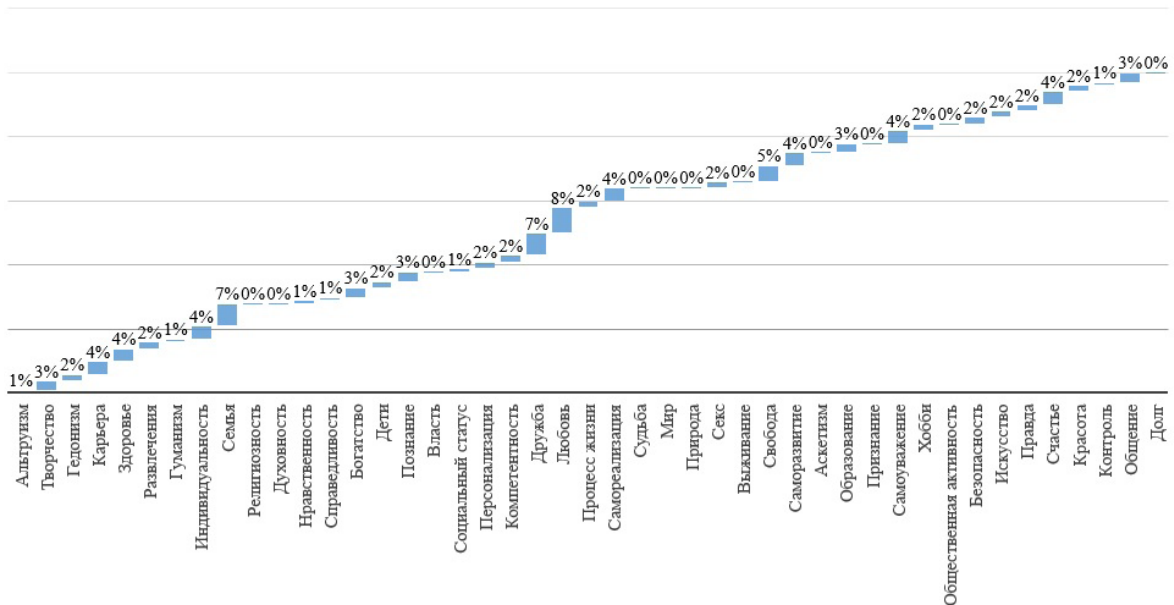

Рисунок 1 – Показатели распределения категориальной представленности смысложизненных ориентаций у студентов I курса (%)

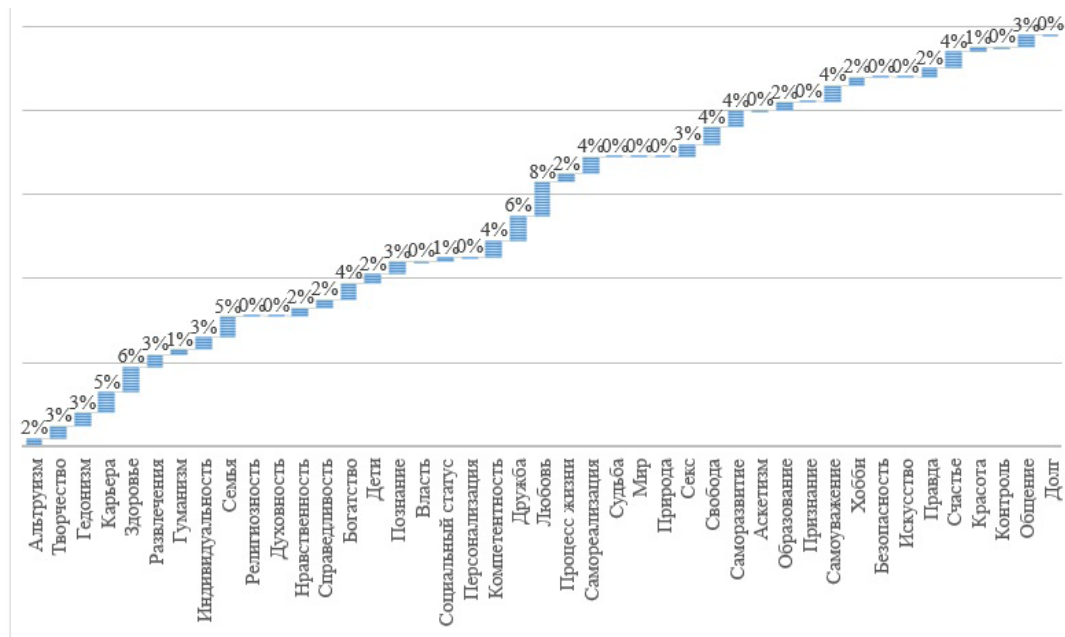

Рисунок 2 – Показатели распределения категориальной представленности смысложизненных ориентаций у студентов II курса (%)

сти собственной жизнью и собой, сохраняющая позитивный настрой, надежда на лучшее, что бы ни происходило.

Карьера (4%), которая характеризуется возможностью быть увлеченным интересной работой, достижением успеха в профессии и высот профессионального мастерства, продвижением по служебной лестнице, повышением своей квалификации и профессионализма.

Индивидуальность (4%), характеризующаяся возможностью сохранять и выражать свою индивидуальность, определить свое неповторимое место в жизни, иметь свое лицо и мнение по важным вопросам, отстаивать собственные принципы и взгляды; выделяться из «толпы».

Здоровье (4%), которая характеризуется возможностью иметь хорошее физическое и психическое самочувствие; поддерживать и укреплять здоровье, заниматься спортом и оздоровлением, заботиться о своей физической форме.

В то время как такая смысложизненная ориентация – патриотизм – не получила внимания со стороны студентов I курса.

Таким образом можно предположить, что для студентов I курса первостепенное значение имеют следующие ценности: любовь, семья, дружба, свобода. Студентам возрастной группы (17–18 лет) в данном периоде характерно проявление таких ценностей. Студенты находят свою первую, настоящую любовь; задумываются о создании своих собственных семей; строят огромное количество

различных взаимоотношений, а соответственно, увеличивается и круг друзей. Данный возрастной период характерен проявлением самостоятельности в принятии жизненно важных решений (например, студент сам решает уехать учиться в УВО); распоряжении собственной жизнью и собой. Такие смысложизненные ориентации, как самореализация, самоуважение, карьера, счастье, индивидуальность, здоровье представлены в наименьшей степени. Для студентов I курса, которые относительно недавно поступили в УВО, выбрали свою профессиональную нишу, прошли этап адаптации к новой образовательной среде вопрос о раскрытии своего внутреннего потенциала, возможности определить свое неповторимое место в жизни, достижением успеха в своей будущей профессии еще не был осознан должным образом.

Для сегодняшней молодежи присуще снижение чувства патриотизма, выражающееся в способности быть патриотом и достойным гражданином своей страны; любить Родину и способствовать ее процветанию; служить и трудиться на благо страны; быть преданным своему народу. С целью повышения чувства патриотизма в нашей стране проводятся многочисленные мероприятия, посвященные памяти жертв ВОВ, автопробеги и акции «За сильную и процветающую Беларусь».

В дальнейшем мы охарактеризовали категориальную представленность смысложизненных ориентации у студентов II курса. Результаты представлены на рисунке 2.

Анализ представленных результатов на выборке студентов II курса показал, что наиболее выраженными из 46 возможных категорий смысловых ориентаций являются:

I – Любовь (8%), которая характеризуется нахождением настоящей любви, переживанием душевной близости с другим человеком, жизнью ради любимого человека.

II – Здоровье (6%), характеризующееся возможностью иметь хорошее физическое и психическое самочувствие; поддерживать и укреплять здоровье, заниматься спортом и оздоровлением, заботиться о своей физической форме.

Дружба (6%), которая характеризуется возможностью иметь хороших друзей, поддерживать теплые и доверительные отношения с людьми, быть верным, надежным товарищем для своих друзей.

III – Карьера (5%), характеризующаяся возможностью быть увлеченным интересной работой, достижением успеха в профессии и высот профессионального мастерства, продвижением по служебной лестнице, повышением своей квалификации и профессионализма.

Семья (5%), которая характеризуется созданием семьи, возможностью иметь прочные и гармоничные отношения с супругом, способствующая благополучию родителей и родственников.

В то время как такие смысловые ориентации: патриотизм, выживание, общественная активность не получили внимания со стороны студентов II курса.

Можно предположить, что для студентов II курса первостепенное значение имеют такие ценности, как любовь, здоровье, дружба. Студентам возрастной группы (18–19 лет) в данном периоде характерно проявление таких ценностей. Студенты находят свою первую, настоящую любовь; строят огромное количество различных взаимоотношений, а соответственно, увеличивается и круг друзей.

У студентов II курса выделилась такая смысловая ориентация, как здоровье, характеризующаяся возможностью иметь хорошее физическое и психическое самочувствие; поддерживать и укреплять здоровье, заниматься спортом и оздоровлением, заботиться о своей физической форме. Предположением к ее выделению, вероятнее всего, стало появление инфекции COVID-19 в нашей стране. Студенты более осознанно начали относиться к своему здоровью, заниматься ЗОЖ.

Выживание, общественная активность – смысловые ориентации, не получившие

внимания со стороны студентов II курса. Основанием может служить тот факт, что сегодняшним студентам в наименьшей степени приходится приспосабливаться к трудностям жизни (зачастую за них это делают их родители). Студенты довольно часто выбирают среднее положение в кругу своих сверстников, чтобы «не выделяться из толпы», не быть слабаком и проигравшим в жизни. Предположением может служить тот факт, что студенты все в большей степени перестали интересоваться и принимать активное участие в делах коллектива (своей группы) и как следствие – общества в целом; выполнять социально значимую деятельность; интересоваться и быть в курсе политических событий; пытаться повлиять на жизнь страны.

Таким образом, чтобы повысить уровень общественной активности студентов II курса, необходимо задействовать как можно больше студентов в различных общественных делах как своей учебной группы, так и факультета в целом.

В соответствии с поставленной задачей мы охарактеризовали категориальную представленность смысловых ориентаций у студентов III курса. Результаты представлены на рисунке 3.

Анализ представленных результатов на выборке студентов III курса показал, что наиболее выраженными из 46 возможных категорий смысловых ориентаций являются:

I – Любовь (7%), которая характеризуется нахождением настоящей любви, переживанием душевной близости с другим человеком, жизнью ради любимого человека.

Самоуважение (7%), характеризующееся уверенностью в себе, принятием себя, гордостью за себя и свою жизнь, не возможностью потерять собственное достоинство.

II – Семья (5%), которая характеризуется созданием семьи, возможностью иметь прочные и гармоничные отношения с супругом(ой), способствующая благополучию родителей и родственников.

Дружба (5%), характеризующаяся возможностью иметь хороших друзей, поддерживать теплые и доверительные отношения с людьми, быть верным, надежным товарищем для своих друзей.

Счастье (5%), которое характеризуется возможностью быть или стать счастливым, обрести душевный покой, переживанием удовлетворенности собственной жизнью и собой, сохраняющая позитивный настрой, надежда на лучшее, что бы ни происходило.

Здоровье (5%), характеризующееся возможностью иметь хорошее физическое и психическое

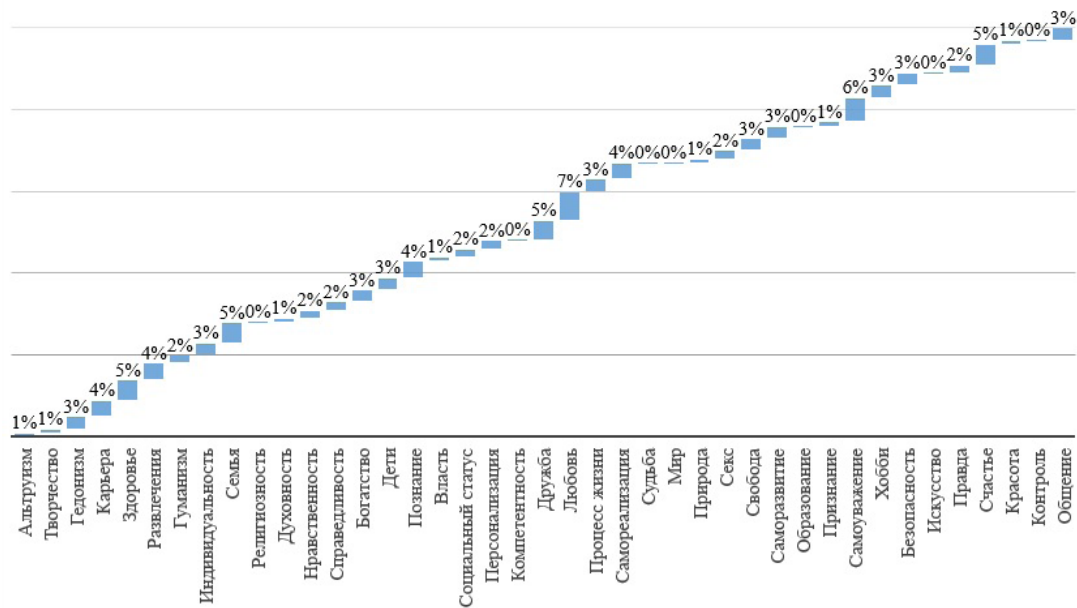

Рисунок 3 – Показатели распределения категориальной представленности смысложизненных ориентаций у студентов III курса (%)

самочувствие; поддерживать и укреплять здоровье, заниматься спортом и оздоровлением, заботиться о своей физической форме.

III – Карьера (4%), которая характеризуется возможностью быть увлеченным интересной работой, достижением успеха в профессии и высот профессионального мастерства, продвижением по служебной лестнице, повышением своей квалификации и профессионализма.

Познание (4%), характеризующееся постоянным учением чему-то новому, приобретением новых знаний, извлечением «уроков» из жизненного опыта, накоплением богатого жизненного опыта, формированием широкого кругозора и эрудиции.

В то время как такие смысложизненные ориентации: патриотизм, выживание, общественная активность, аскетизм, долг не получили внимания со стороны студентов III курса.

Можно предположить, что для студентов III курса первостепенное значение имеют такие ценности, как любовь, самоуважение, семья, дружба, счастье, здоровье. Студентам возрастной группы (19–21 год) в данном периоде характерно проявление таких ценностей. Студенты находят свою первую, настоящую любовь; строят огромное количество различных взаимоотношений, а соответственно, увеличивается и круг друзей. Они становятся более уверенными в себе, принимают себя, что выражается в выборе такой смысложизненной ориентации, как самоуважение.

Если студенты I курса только задумывались о создании своих собственных семей, то для студентов III курса это уже не просто мысль о семье, а ее реальное воплощение в жизни. Кроме того, для студентов-третьекурсников характерно преобладание таких смысложизненных ориентаций, как счастье и здоровье, то есть студенты данного курса чувствуют себя счастливыми, переживают удовлетворенность собственной жизнью, а также имеют хорошее физическое и психическое самочувствие; поддерживают и укрепляют здоровье. Такие смысложизненные ориентации, как карьера, познание представлены в наименьшей степени. В сознании студентов III курса еще не в достаточной степени сформировалось представление о своей будущей профессиональной деятельности по избранной специальности. Однако стоит отметить, выделение такой смысложизненной ориентации, как познание. Студенты III курса понимают и осознают, что необходимо постоянно учиться чему-то новому, формировать свой широкий кругозор и эрудицию на основании полученных знаний, умений и навыков в избранной профессии.

Следует подчеркнуть, что у студентов III курса в списке не получивших внимания появились такие смысложизненные ориентации, как аскетизм и долг. Предположением может служить тот факт, что настоящие студенты всегда стремятся быть материально обеспеченными, жить в роскоши,

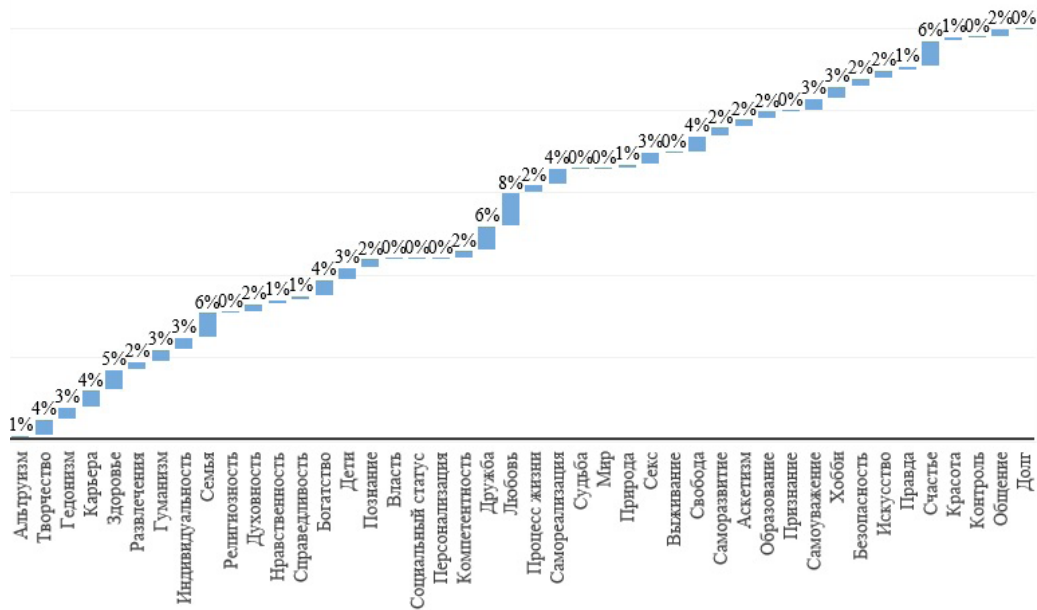

Рисунок 4 – Показатели распределения категориальной представленности смысложизненных ориентаций у студентов 4 курса (%)

потребности материального состояния которых выходят на первый план. Кроме того, студенты не привыкли исполнять взятые на себя обязательства (например, пообещав выполнить и принести реферат в срок, они отказываются от того, что это именно они его должны были подготовить и ответить).

В соответствии с поставленной задачей мы охарактеризовали категориальную представленность смысложизненных ориентации у студентов IV курса. Результаты представлены на рисунке 4.

Анализ представленных результатов на выборке студентов IV курса показал, что наиболее выраженными из 46 возможных категорий смысложизненных ориентаций являются:

I – Любовь (8%), которая характеризуется наличием настоящей любви, переживанием душевной близости с другим человеком, жизнью ради любимого человека.

II – Семья (6%), характеризующаяся созданием семьи, возможностью иметь прочные и гармоничные отношения с супругом, способствующая благополучию родителей и родственников.

Счастье (6%), которое характеризуется возможностью быть или стать счастливым, обрести душевный покой, переживанием удовлетворенности собственной жизнью и собой, сохраняющая позитивный настрой, надежда на лучшее, что бы ни происходило.

Дружба (6%), характеризующаяся возможностью иметь хороших друзей, поддерживать те-

плые и доверительные отношения с людьми, быть верным, надежным товарищем для своих друзей.

III – Здоровье (5%), которое характеризуется возможностью иметь хорошее физическое и психическое самочувствие; поддерживать и укреплять здоровье, заниматься спортом и оздоровлением, заботиться о своей физической форме.

В то время как такие смысложизненные ориентации – патриотизм, общественная активность – не получили внимания со стороны студентов IV курса.

Таким образом можно предположить, что для студентов IV курса первостепенное значение имеют следующие ценности: любовь, семья, дружба, счастье, здоровье. Студентам возрастной группы (20–21 год) в данном периоде характерно проявление таких ценностей. Студенты находят свою первую, настоящую любовь; строят огромное количество различных взаимоотношений, а соответственно, увеличивается и круг друзей. Многие студенты к IV курсу уже имеют свои собственные семьи, задумываются о воспроизводстве рода и создании прочных и гармоничных внутрисемейных отношений. Такая смысложизненная ориентация, как здоровье представлена в наименьшей степени.

Для сегодняшней молодежи характерно снижение чувства патриотизма, выражающееся в способности быть патриотом и достойным гражданином своей страны; любить Родину и способствовать ее процветанию; служить и тру-

даться на благо страны; быть преданным своему народу. С целью повышения чувства патриотизма в нашей стране проводятся многочисленные мероприятия, посвященные памяти жертв ВОВ, автопробеги и акции «За сильную и процветающую Беларусь». Такая смысложизненная ориентация, как общественная активность не получила внимания со стороны студентов IV курса. Предположением может служить тот факт, что студенты все в большей степени перестали интересоваться и принимать активное участие в делах коллектива (своей группы) и как следствие общества в целом; выполнять социально значимую деятельность; интересоваться и быть в курсе политических событий; пытаться повлиять на жизнь страны.

Заключение. Таким образом, исследуя категориальную представленность смысложизненных ориентаций у студентов I–IV курсов можно заметить некоторые общие черты. Так для студентов I курса доминирующими являются такие смысложизненные ориентации, как любовь, семья, дружба, свобода, а для студентов II курса – любовь, здоровье, дружба. Для студентов III курса – любовь, самоуважение, семья, дружба, счастье, здоровье. Для студентов IV курса доминирующими являются такие смысложизненные ориентации, как любовь, семья, счастье, дружба. Кроме того, общие черты были замечены и в отношении не получивших внимания со стороны студентов I–IV курсов смысложизненных ориентациях. Так для I курса – патри-

отизм. Для II курса – патриотизм, выживание, общественная активность, для студентов III курса – патриотизм, выживание, общественная активность, аскетизм, долг, для студентов IV курса – патриотизм, общественная активность.

Результаты проведенного исследования позволяют определить направления и возможности их практического применения с целью повышения уровня осознанности смысла своей жизни. Выводы могут быть использованы при подготовке к социально-психологическим тренингам, направленным на ценностно-смысловую и мотивационную составляющую источников смысла жизни. Данные исследования могут быть применены при написании пособий для специалистов отдела воспитательной работы учреждений высшего образования, преподавателей, кураторов учебных групп.

Литература

1. Леонтьев, Д.А. Самореализация и сущностные силы человека / Д.А. Леонтьев. – М.: Мысль, 2005. – 318 с.
2. Акопов, Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа [Текст]; / Г.В. Акопов. – Самар. гос. пед. ун-т. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2002. – 206 с.
3. Асеев, В.Г. Личность и значимость побуждений / В.Г. Асеев. – М.: ИПРАН, 1993. – 224 с.
4. Жучкова, С.М. Смысложизненные ориентации как субъективные составляющие феномена смысла жизни [Электронный ресурс] / С.М. Жучкова. – Режим доступа: <http://sibac.info/13182>. – Дата доступа: 15.10.2022.

Поступила в редакцию 03.11.2022

Деформация речи у взрослых активных интернет-пользователей

Медведская Е.И.

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Статья посвящена проблеме долгосрочных эффектов интернет-воздействия на когнитивные функции пользователя технологии. Теоретически ожидается, что этот эффект имеет негативный или деформирующий характер, состоящий в ослаблении высшего звена функции у взрослых лиц.

Цель – эмпирическая проверка гипотезы о наличии различий в произвольности речи у взрослых, предпочитающих разные системы культурных знаков (печатную и цифровую).

Материал и методы. В исследовании принимало участие 415 респондентов, имеющих высшее образование и являющихся работниками умственного труда. На основании анкетирования из общей выборки было дифференцировано две группы: читатели ($n = 50$, возраст $46,88 \pm 6,11$) и активные интернет-пользователи ($n = 50$, возраст $44,88 \pm 5,94$). Оценка результатов проводилась в следующей системе координат: «"доцифровой" человек – современный молодой человек» ($n = 50$, возраст $19,56 \pm 0,95$). Диагностика произвольности речи осуществлялась посредством методики «Противоположности». Этот вариант направленного ассоциативного эксперимента позволяет оценить также устойчивость мышления и утомляемость внимания.

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ показал наличие существенных различий в правильности выполнении методики между группами взрослых (читатели и активные интернет-пользователи, $p \leq 0,01$) и отсутствие таких различий между выборками активных интернет-пользователей (взрослые и молодые, $p \geq 0,05$). Наибольшее количество ошибок участниками разных групп было допущено на слова-стимулы «подчинять» и «приказывать». В порядке ослабления произвольности речи и устойчивости мышления установлена следующая иерархия: 1 – «доцифровой» человек; 2) взрослые читатели; 3) активные интернет-пользователи разных возрастов.

Заключение. Полученные результаты подтверждают верность общей гипотезы о наличии деформации когнитивной функции как долгосрочного эффекта интернет-воздействия у взрослых пользователей технологии. Для функции речи ее деформация может быть конкретизирована как ослабление произвольности.

Ключевые слова: когнитивная деформация, культурный знак, печатное слово, медиаобраз, произвольность речи, ассоциативный эксперимент, сравнительный анализ.

Speech Deformation of Adult Internet Users

Medvedskaya E.I.

Education Establishment "Brest State A.S. Pushkin University"

The present article describes long-term effects of the Internet use on cognitive functions of the users. A hypothesis is that persistent Internet use has a negative/deforming effect that leads to mental functioning deterioration.

The aim of the article is to test a hypothesis on differences in the arbitrariness of speech between two groups of adults who prefer different coding systems, viz. printed and digital.

Materials and methods. The study involved 415 respondents. All the respondents had higher education degrees and worked in the sphere of intellectual labor. We divided the sample into groups according to their preferences of the coding system: the Readers ($n = 50$, age $46,88 \pm 6,11$), the Internet users ($n = 50$, age $44,88 \pm 5,94$). We evaluated the results according to the coordinate system "a pre-digital person – modern young adult" ($n = 50$, возраст $19,56 \pm 0,95$). To check the arbitrariness of speech, we used the Opposites test. This variant of the focused associative experiment also allows us to assess the persistence of the thinking process and fatigue of attention.

Findings and their discussion. A comparative analysis revealed significant differences in the results between the Readers and the Internet users of the same age group ($p \leq 0,01$), and no differences between the samples of young Internet users and adult Internet users ($p \geq 0,05$). The stimulus words "to subdue" and "to order" caused the greatest number of mistakes in different groups. We categorized the groups in the decreasing order according to their results: 1. pre-digital person; 2. adult reader; 3. Internet users of different ages.

Conclusion. The results of the study prove the hypothesis on the existence of a negative effect of the Internet use on adult higher mental functions. Specifically, for the speech function, the effect is expressed in the arbitrariness deterioration.

Key words: cognitive deformation, cultural sign, printed word, media image, arbitrariness of speech, associative experiment, comparative analysis.

Мобильный Интернет в настоящее время является одной из самых популярных технологий среди белорусских пользователей разных возрастов [1, с. 71]. Его преимущества и возмож-

ности общеизвестны, поэтому не нуждаются в каких-то дополнительных пояснениях. Однако, как и любой феномен, он имеет две ипостаси. Анализ исследований, посвященных взаимо-

действию пользователя с Интернетом, позволяет сделать несколько заключений. Во-первых, основными предметами изучения являются новые и разнообразные формы девиантного поведения (от различных кибераддикций до деструктивных онлайн-коммуникаций). При этом обычный, условно говоря «нормальный» пользователь фактически не попадает в поле зрения академического сообщества. Во-вторых, исследования преимущественно сосредоточены на лицах подросткового и юношеского возрастов (как на представителях поколения Z, ровесников Интернета). В-третьих, незначительное количество исследований, посвященных собственно влиянию интернет-активности на когнитивные процессы пользователей, осуществляется опять же на лицах молодого возраста и посвящено оценке краткосрочных, актуальных эффектов. Таким образом, имеется очевидный дефицит научных данных о возможных изменениях познавательных процессов обычного взрослого интернет-пользователя и о долгосрочных эффектах воздействия технологии на его когнитивные функции.

Принципиальная нейтральность технологии и довольно ограниченный объем однозначных научных фактов о последствиях ее воздействия на познавательные процессы пользователя открывает самый широкий диапазон для конструирования гипотез. В этом диапазоне имеют право на существование и предположения о наличии некоторого деструктивного влияния. Основанием для подобной пессимистической позиции выступают как непосредственная жизненная фактология, которая не демонстрирует роста когнитивных способностей у активных интернет-пользователей, независимо от их возраста, так и результаты отдельных научных исследований. В частности, исследования познавательных функций молодых интернет-пользователей не обнаруживают у них неких когнитивных преимуществ по сравнению со взрослыми, скорее, наоборот [2; 3]. Аналогично тому, как не фиксируются когнитивные преимущества и у взрослых телезрителей. Например, в 25-летнем лонгитюде, проведенном американскими психиатрами более чем с 3000 телезрителей, установлено, что у любителей 3 часа и более ежедневно проводить возле экрана, ухудшаются такие познавательные способности, как концентрация внимания, скорость обработки информации и способность к целенаправленной деятельности. При этом способность к самому простому виду памяти – механическому запоминанию – не страдает [4].

С точки зрения культурно-исторической психологии Интернет выступает новым средством опосредования деятельности (для представителей молодого поколения) или новым средством перепосредования [5] уже сформированной деятельности (для представителей старшего поколения). Интернет, безусловно, служит мощным культурным орудием, оперирующим иной системой знаков, чем сложившаяся в традиционной (или печатной) культуре. Вытеснение письменного кода образным стало заметно уже несколько десятилетий назад благодаря распространению ТВ-технологии, преемником которой является Интернет [6]. Эти изменения позволяют считать технически сконструированный, мультимодальный образ (или медиаобраз) ведущим культурным знаком в современных социокультурных условиях. Соответственно, медиаобраз становится основным посредником в реализации интернет-пользователем различных видов онлайн-активности. А значит, он неким образом изменяет и структуру психической функции (либо в сторону усложнения, либо в сторону упрощения).

Возможности для оценки направления изменений однозначно представлены в генетическом законе развития высших психических функций (ВПФ), сформулированным Л.С. Выготским предельно четко: «...развитие идет снизу вверх, а распад – сверху вниз» [7, с. 173]. Необходимо отметить, что указанный закон полностью отвечает теории диссолюции британского невролога Д.Х. Джексона [8], обнаруженной почти на полвека ранее и остающейся до настоящего времени в арсенале психиатров: при психическом заболевании распад функции происходит в обратном порядке ее формирования в онтогенезе и филогенезе. Итак, генетический закон говорит, что наиболее уязвимыми для некоторого деструктивного воздействия оказываются самые сложные, высшие звенья ВПФ, характеризующиеся произвольностью, опосредованностью и обобщенностью.

Названные постулаты культурно-исторической психологии выступают теоретической основой разрабатываемой автором структурно-функциональной модели когнитивных деформаций у активных интернет-пользователей периода взрослости [9]. Обобщенно под когнитивной деформацией предлагается понимать негативные преобразования познавательных процессов (снижение, уменьшение, ухудшение, ослабление и т.п.), которые в силу разнообразия видов интернет-деятельности, их систематичности и возрастающей интенсификации онлайн-практик остаются ниже порога осознания пользователя.

Таблица 1 – Теоретико-гипотетические основания модели когнитивных деформаций у взрослых активных интернет-пользователей

Постулат культурно-исторической психологии	Теоретическая гипотеза	Дизайн эмпирической верификации
Опосредованность функционирования ВПФ культурными знаками	Медиаобраз является более слабым культурным знаком по сравнению с печатным словом	Сравнительный анализ в выборках взрослых, пользующихся разными системами культурных знаков (цифровой и печатной)
Иерархическое строение ВПФ	В высшем звене ВПФ у интернет-пользователей происходит постепенное упрощение	Сравнительный анализ представленности разных звеньев в структурной иерархии ВПФ

Проверяемые в модели гипотезы и дизайны их эмпирической проверки схематично представлены в таблице 1.

Таким образом, структурно-функциональная модель когнитивных деформаций предсказывает упрощение в иерархически высшем звене ВПФ, которое является следствием ее опосредования более слабой, простой системой культурных знаков. Здесь следует пояснить, что сам медиаобраз выступает более сложным культурным орудием (как средством внешней деятельности согласно Л.С. Выготскому [10, с. 899]), поскольку он не просто совмещает в себе восприятие субъектом различных модальностей, но включает в себя и слово, устное и письменное. Однако медиаобраз выступает более слабым в качестве культурного знака (как средства внутренней деятельности [10, с. 900]). Присутствие (а часто, и доминирование) в нем наглядно-образного компонента, как генетически более раннего, в буквальном смысле возвращает и функцию к более простым формам реализации, чем ее расслабляет или деформирует.

Целью проведенного эмпирического исследования является проверка предсказаний модели о наличии деформирующего влияния Интернета на произвольность речи. В соответствии с обозначенными в таблице 1 направлениями верификации модели гипотеза проверяется в двух основных группах – активных интернет-пользователей и читателей. Итоги сравнительного анализа параметров речи у взрослых, отдающих предпочтение разными системам культурных знаков, для большей точности оценки рассматриваются в следующей системе координат: «доцифровой» человек – современный молодой человек.

Материал и методы. Для проведения сравнительного анализа было организовано три группы респондентов: 1) взрослые читатели, 2) взрослые активные интернет-пользователи и 3) молодые

активные интернет-пользователи. Исследование осуществлялось на протяжении 2020–2021 гг.

Для контроля исходного, достаточно высокого уровня развития высших психических функций взрослые участники исследования подбирались по следующим критериям:

- возраст старше 37 лет (т.е. завершение основных циклов когнитивного развития в доцифровую эпоху);
- наличие высшего образования;
- работа в сфере интеллектуальных профессий (педагоги, инженеры, бухгалтеры, библиотекари и др.).

Группу молодых интернет-пользователей представляли студенты I–II курсов социально-педагогического факультета и факультета естествознания Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Дифференциация выборок читателей и активных интернет-пользователей представляет собой сложную методическую задачу, поскольку в сложившихся условиях смешанной реальности [11] человеку крайне проблематично отслеживать как время, так и содержание своих практик обращения с разными информационными источниками. В настоящем исследовании эта задача решалась посредством анонимного анкетирования, посвященного сложившимся у респондентов привычкам обращения с различными носителями информации. Отнесение к группе читателей или активных интернет-пользователей осуществлялось на основе совпадения двух ведущих критериев: индивидуальные предпочтения в выборе источника информации (люблю книгу/Интернет) и доминирование в повседневной практике времени обращения к этому источнику. Лица, одинаково успешно обращающиеся с разными носителями информации, а также любители электронного чтения или аудиокниг были исключены из дальнейшего исследования. Всего в исследовании

приняло участие 415 взрослых. Переизбыточность общей выборки объясняется сложностями выделения группы читателей, составившей всего 12% даже среди интеллигенции.

Таким образом, в итоге предварительного отбора было образовано три заявленные группы по 50 человек:

1) взрослые читатели – возраст $46,88 \pm 6,11$; 33 женщины и 17 мужчин;

2) взрослые активные интернет-пользователи – возраст $44,88 \pm 5,94$; 35 женщин и 15 мужчин;

3) молодые интернет-пользователи – возраст $19,56 \pm 0,95$; 34 девушки и 16 юношей.

В качестве инструмента изучения использовалась методика «Противоположности» [12, с. 138–141], представляющая собой 46 слов, к которым предлагается подобрать слово с противоположным значением (антоним). Данный вариант направленного ассоциативного эксперимента позволяет оценить не только произвольность речевой деятельности, но и устойчивость/направленность мышления по точности и дифференцированности подбираемых понятий. Кроме этого, методика «Противоположности» дает возможность определить утомляемость внимания по ошибкам, нарастающим к концу опыта. Следует отметить, что обращение к ассоциативному эксперименту не противоречит принципам культурно-исторической психологии как теоретической основы модели когнитивных деформаций. К этому методу неоднократно обращались как прямые ученики Л.С. Выготского [13], так и представители возникших позже научных областей знаний. Например, разные варианты ассоциативного эксперимента являются одним из популярных инструментов изучения языкового сознания в психолингвистике, одним из методологических оснований которой выступает культурно-историческая психология [14, с. 14–22].

Методика проводилась в групповой форме, занимая в среднем 15 минут (со взрослыми на курсах повышения квалификации и на лекционных занятиях со студентами) в рамках аудиторных занятий в конце стандартной пары (1 час 20 минут без перерыва). На аудиторных занятиях не использовались цифровые устройства, что позволяет в определенной мере исключить краткосрочные эффекты их воздействия.

В интерпретации результатов ассоциативного эксперимента был использован когнитивный подход, позволяющий делать определенные заключения о групповом мышлении [15, с. 120]. Обработка данных заключалась в подсчете допущенных ошибок, которыми считались: 1) нарушения хода

ассоциаций, проверяемых посредством словарей антонимов [16; 17]; 2) отсутствие ассоциаций.

Расчет параметров распределения ошибок ассоциирования посредством критерия Колмогорова-Смирнова (программа SPSS v.19) обнаружил, что во всех трех группах оно отличается от нормально-го. Поэтому для оценки возможных различий была использована непараметрическая статистика.

Результаты и их обсуждение. Частотный анализ допущенных ошибок показал, что правильность выполнения методики «Противоположности» отличается в разных группах участников исследования. В группе взрослых читателей верно нашли ассоциации ко всем предложенным словам 30% респондентов. В группе взрослых активных интернет-пользователей их численность существенно ниже – 8%. А в группе молодых интернет-пользователей это количество находится на уровне случайности (2% или 1 человек). Между количеством взрослых, верно подобравших антонимы, имеются достоверные отличия ($\phi=2,92$ при критическом $\phi=2,31$ для $p \leq 0,01$). Между активными интернет-пользователями разных возрастов их не установлено ($\phi=1,45$ при критическом $\phi=1,64$ для $p \leq 0,05$).

Полученные результаты отличаются не только в разных группах, но и не соответствуют ранее установленным нормативам выполнения методики. Как отмечает С.Я. Рубинштейн, в норме человек сохраняет инструкцию, не переходя «с направленного хода ассоциаций на свободный» [12, с. 138]. Респондентов, сохраняющих этот направленный ход даже в самой эффективной группе взрослых читателей, оказалось всего треть, что свидетельствует о трансформации «доцифровых» норм.

В таблице 2 отражены основные результаты первичной количественной обработки данных в разных группах участников исследования, а именно размах ошибок, их сумма и среднее арифметическое со стандартным отклонением.

Данные таблицы 2 демонстрируют существенно большую правильность выполнения инструкции по подбору антонимов в группе взрослых читателей. Число ошибок у взрослых и молодых активных интернет-пользователей в среднем увеличивается в 3,5 раза.

В таблице 3 отражены критические значения критерия Манна – Уитни, полученные путем попарного сравнения групповых профилей допущенных участниками ошибок. В качестве дополнительной меры контроля оценки возможных различий был использован психометрический прием расщепления выборок пополам.

Таблица 2 – Deskриптивная статистика ошибок в разных группах

Группа	Min/Max	Σ	$M \pm \sigma$
Взрослые читатели	0/3	60	$1,2 \pm 1,01$
Взрослые активные веб-пользователи	0/15	220	$4,4 \pm 3,5$
Молодые активные веб-пользователи	0/9	204	$4,08 \pm 1,99$

Таблица 3 – Оценка различий посредством критерия Манна – Уитни

Сравниваемые группы	Эмпирические значения критерия	
	Общевыборочные	При расщеплении выборок
Взрослые активные веб-пользователи и взрослые читатели	414,5**	87** и 116,5**
Взрослые и молодые веб-пользователи	1189,5	234 и 194,5*
Взрослые читатели и молодые веб-пользователи	229,5**	34** и 72**
Критические значения критерия	U = 1010, $p \leq 0,05$ U = 912, $p \leq 0,01$	U = 227, $p \leq 0,05$ U = 192, $p \leq 0,01$

Примечание: знаком «звездочки» в таблице обозначен уровень статистической значимости различий: * – $p \leq 0,05$ и ** – $p \leq 0,01$.

Данные таблицы 3 доказывают, что взрослые активные интернет-пользователи по произвольности речи и устойчивости мышления не отличаются от молодых людей. А вот взрослые, сохраняющие в своей практике привычку естественного чтения, отличаются от них существенно лучшей ($p \leq 0,01$) произвольностью речевого потока и устойчивостью мышления.

Содержательный анализ ассоциаций показал, что в разных группах участников исследования отсутствуют ошибки в подборе антонимов к словам *тупой, тонкий, низ, крупный, младший, отталкивать, высокий, твердый, сухой, меньшинство, поднимать, забывать, легко*.

Самыми распространенными ошибками в группе взрослых читателей оказались следующие: приказывать (20%), подчинять (16%) и исправление (6%). В группе взрослых активных интернет-пользователей этот ряд повторяется, но с большей процентной долей: приказывать (60%), подчинять (34%) и исправление (32%). В группе молодых пользователей он несколько видоизменяется: неуклюжий (66%), подчинять (60%) и приказывать (54%). Вероятно, слово «неуклюжий» не входит в актуальный лексический словарь современного молодого человека, что и объясняет наибольший процент участников, допустивших ошибки в подборе к нему антонимов (чаще всего

приписывались слова «внимательный» и «аккуратный»). А вот слова «приказывать» и «подчинять» не только входят в этот словарь, но и, судя по количеству соскальзываний, образуют его эмоциональное ядро.

Неверные ответы респондентов из разных групп на слово-стимул «приказывать» отражены в таблице 4.

Анализ данных таблицы 4 свидетельствует, что подавляющее большинство ошибочных ассоциаций по своему характеру является парадигматические (слово-ассоциат представлено той же частью речи, что и слово-стимул). Поскольку инструкция предусматривала сознательный контроль ассоциаций, то обнаруженные ошибки можно считать тематическими ассоциациями, под которыми понимаются «реакции, отражающие автоматизированные операции логического мышления (включение в категорию, отождествление и противопоставление) и реакции, закрепляющие частотные “нелогические связи”» [18, с. 90]. Иначе говоря, тематические ассоциации сугубо психологичны по своей природе, т.к. они связаны с непосредственным опытом субъекта.

По виду тематических ассоциаций доминирующей является корреляция «причина – следствие» [19, с. 268]: выполнять, подчиняться, по-

Таблица 4 – Ошибочные ассоциаты на слово-стимул «приказывать» (%)

№	Взрослые читатели		Взрослые интернет-пользователи		Молодые интернет-пользователи	
1	выполнять (исполнять)	8	выполнять (исполнять)	26	выполнять (исполнять)	18
	разрешать	4	подчиняться	18	подчиняться	16
2	скрывать	2	убеждать	2	отказывать	2
3	расширять	2	принимать	2	говорить	2
4	повиноваться	2	говорить	2	разрешать	2
5	замолчать	2	поощрение	2	руководить	2
6			раскрепощать	2	дать выбор	2
7			слушаться	2	хвалить	2
8			разрешать	2	ослушиваться	2
9			не исполнять	2	помогать	2
10					не трогать человека	2
11					действие воли	2
	Σ	20		60		54

Таблица 5 – Ошибочные ассоциаты на слово-стимул «подчинять» (%)

№	Взрослые читатели		Взрослые интернет-пользователи		Молодые интернет-пользователи	
1	подчиняться	10	выполнять	8	подчиняться	16
2	бороться	4	разрешать	4	бороться	6
3	возносить	2	управлять	4	заставлять	4
4			распускать	2	властвовать	2
5			бездействовать	2	велеть	2
6			доверять	2	возвеличивать	2
7			руководить	2	возглавлять	2
8			повлиять	2	вседозволенность	2
9			побеждать	2	выполнять	2
10			не подчинять	2	не выполнять	2
11			нелояльность	2	возражать	2
12			исправление	2	дружить	2
13					отстаивать	2
14					покорность	2
15					попускать	2
16					принять	2
17					просить	2
18					сопротивляться	2
19					позволять	2
20					отделять	2
	Σ	16		34		60

виноваться, не исполнять, ослушиваться и др. Еще одну группу представляют ассоциации по общему признаку [19, с. 269]: убеждать, говорить, руководить и т.п.

Результаты обработки, содержащиеся в таблице 5, также свидетельствуют о доминировании тематических, причинно-следственных ассоциаций: подчиняться, бороться, выполнять/

Рисунок – Количество ошибок в разных группах респондентов

- Ряд 1 – взрослые читатели
- Ряд 2 – взрослые активные интернет-пользователи
- Ряд 3 – молодые активные интернет-пользователи

не выполнять, отстаивать, возражать и др. Также можно выделить ассоциации, описывающие объект и его признак [19, с. 268]: руководить, влиять, побеждать, властвовать, возвеличивать, возносить и др.

При рассмотрении данных таблиц 4 и 5 обращают на себя внимание также разнообразие индивидуальных вариаций ассоциации у молодых людей. Данный факт совпадает с результатами исследований российских психолингвистов, обнаруживших тенденцию к снижению стереотипности реакций, трактуемую как трансформацию русскоязычного сознания от монологичности к полилогу [20, с. 233].

В завершение представлены результаты анализа утомляемости участников исследования на протяжении выполнения методики «Противоположности». На рисунке представлено количество ошибок, допущенных респондентами разных групп по мере подбора ассоциаций (46 ассоциаций разделены на 3 части).

Данные рисунка наглядно демонстрируют фактически одинаковый «старт» (первая треть методики) у участников разных групп. В группе взрослых читателей фиксируется медленный рост количества ошибок. У активных интернет-пользователей разных возрастов этот рост представляет собой одинаковый «всплеск» при выполнении второй и третьей частей методики. Таким образом,

взрослые читатели отличаются и меньшей утомляемостью внимания.

Заключение. Результаты проведенного исследования позволяют сделать ряд обобщений.

Количество лиц, характеризующихся произвольностью речи и направленностью мышления, достоверно выше среди взрослых читателей по сравнению с интернет-пользователями разных возрастов. Однако необходимо отметить общее ухудшение произвольного ассоциирования у современных взрослых по сравнению с нормами доцифровой эпохи. По снижению произвольности речи и устойчивости мышления гипотетические и реальные участники исследования представляют собой следующую иерархию:

- 1 – доцифровой человек;
- 2 – современный взрослый читатель;
- 3 – современные активные интернет-пользователи разных возрастов.

Взрослые читатели отличаются не только произвольностью речи, но и лучшими способностями к концентрации внимания.

В теоретическом плане полученные данные доказывают правильность предсказаний структурно-функциональной модели когнитивных деформаций, обнаруживая у активных интернет-пользователей существенно большую произвольность речи по сравнению со взрослыми читателями. В практическом плане они говорят о рисках «растре-

нировки» ранее сложившихся высших психических функций, которые можно существенно снизить, сознательно сохраняя в своей жизнедеятельности привычку бумажного чтения.

Литература

1. Беларусь в цифрах – 2021: стат. справочник. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022. – 71 с.
2. Богачева, Н.В. Мифы о «поколении Z» / Н.В. Богачева, Е. В. Спивак. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 64 с.
3. The “online brain”: how the Internet may be changing our cognition / J. Firth [et all.] // *World Psychiatry*. – 2019. – Vol. 18. – P. 119–129.
4. Hoang, T.D. Effect of Early Adult Patterns of Physical Activity and Television Viewing on Midlife Cognitive Function / T.D. Hoang, J. Reis, N. Zhu // *JAMA Psychiatry*. – 2011. – № 11. – P. 1–8.
5. Тихомиров, О.К. ЭВМ и новые проблемы психологии / О.К. Тихомиров, Л.Н. Бабанин. – М.: МГУ, 1986. – 204 с.
6. Пацлаф, Р. Застывший взгляд: физиологическое влияние телевидения на развитие детей : пер. с нем. / Р. Пацлаф. – М.: Evidentis, 2003. – 220 с.
7. Психология и учение о локализации психических функций / Л.С. Выготский // *Собр. соч.: в 6 т.* – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. – С. 168–174.
8. Hughlings Jackson, H.J. Evolution and dissolution of the nervous system. Croonian Lectures delivered at the Royal College of Physicians, March 1884 / H.J. Jackson // *Lancet*. – 1884. – Vol. 1. – P. 660–663.
9. Медведская, Е.И. Структурно-функциональная модель когнитивных деформаций активных интернет-пользователей / Е.И. Медведская // *Вестн. ГрГУ*. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 115–124.
10. Выготский, Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка / Л.С. Выготский // *Психология*. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 828–891.
11. Milgram, P. Taxonomy of mixed reality visual displays / P. Milgram, A.F. Kishino // *IEICE Transactions on Information and Systems*. – 1994. – No. E77-D (12). – P. 1321–1329.
12. Рубинштейн, С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике (Практическое руководство) / С.Я. Рубинштейн. – М.: Апрель-Пресс: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2004. – 224 с.
13. Лурия, А.Р. Диагностика следов аффекта. Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций / А.Р. Лурия // *Науч. слово*. – 1928. – № 3. – С. 79–82.
14. Российская психоллингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): кол. монография / науч. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: ИЯ-ММА, 2021. – 626 с.
15. Стернин, И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативного эксперимента / И.А. Стернин // *Вопросы психоллингвистики*. – 2020. – № 3(45). – С. 110–125.
16. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка: более 2 000 антонимов и паронимов / М.Р. Львов; под ред. А.А. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 381 с.
17. Гаврилова, А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / А.С. Гаврилова. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
18. Овчинникова, И.Г. Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона / И.Г. Овчинникова // *Вопросы психоллингвистики*. – 2018. – № 2. – С. 84–98.
19. Борисова, Ю.Н. Ассоциативный эксперимент в современных психоллингвистических исследованиях / Ю.Н. Борисова // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. – 2019. – Т. 8, № 1А. – С. 265–275.
20. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. – М. – Калуга: ИЯ РАН, 2011. – 252 с.

Поступила в редакцию 13.01.2023

Особенности образа будущего современных подростков

Лукина А.К.¹, Волкова М.А.¹

¹Сибирский Федеральный университет

Богомаз С.Л.², Каратерзи В.А.²

²Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье проанализированы результаты отечественных и зарубежных исследований образов взрослости и собственного будущего у современных подростков. Выяснилось, что границы взросления в современном обществе становятся все более размытыми, не имеют четких показателей. Анализ показал, что подростки в возрасте 15–16 лет плохо представляют свое будущее. Обнаружено наличие серьезных гендерных различий в образе взрослости, в степени определенности собственного будущего, в оценке роли различных агентов социализации. Описаны некоторые подходы в создании и реализации педагогических технологий, поддерживающих взросление подростка и построение им позитивного образа будущего.

Материал и методы. Проведено исследование особенностей жизненной трансспективы подростков 14–16 лет. В качестве исследовательского инструмента использован разработанный А.К. Лукиной и М.А. Волковой «Лист жизненных событий» на основе методик «Линия жизни» А. Кроника и Е. Головахи и методики Л.Ф. Бурлачука. Было опрошено более 500 подростков, находящихся в различных жизненных ситуациях: учащихся городских и сельских школ различных регионов России и Казахстана, воспитанников детских домов и центров социальной помощи семьям и детям, учащихся техникумов, что позволило провести сравнительный анализ особенностей образа будущего подростков (юношей и девушек), находящихся в различных жизненных обстоятельствах.

Результаты и их обсуждение. Социальное взросление сопровождается возрастанием прагматичного отношения к собственной будущей семье, возрастанием осторожности в вопросах ее создания и появления собственных детей. На основании полученных результатов разработана программа развития временной трансспективы подростков, основанная на общепсихологических принципах системности, развития, деятельностного подхода, содержащая ассоциативные техники, обсуждения, деловые игры, проектирование и другие совместные действия участников группы.

Закреплению полученных результатов способствует обязательное сопровождение психологических тренингов реальными действиями подростков, включение их в ситуации переживания успеха, совместной социально значимой деятельности, проектирования и удержания одновременно близкого и дальнего плана действий, актуализации внутренних ресурсов, а также в реальные ситуации взаимодействия со сверстниками из различных социальных групп.

Заключение. В образах взросления у подрастающих поколений обнаружены озабоченность молодежи своим будущим, замедление взросления, изменение представлений о взрослости и нежеланием молодежи взрослеть. В меньшей степени в образе взрослости представлены социальные роли взрослого, большее внимание уделяется личностным чертам и описательным характеристикам.

Ключевые слова: образы взрослой жизни и будущего, подростковый возраст, представление о будущем, восприятие взрослости, окружающая среда.

Features of the Contemporary Adolescents' Image of the Future

Lukina A.K.¹, Volkova M.A.¹

¹Siberian Federal University

Bogomaz S.L.², Karaterzi V.A.²

²Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Findings of domestic and foreign researches of the contemporary adolescents' image of adulthood and their own future are analyzed in the article. It was found out that adulthood boundaries in the contemporary society are blurred, they don't have distinct features. The analysis showed that 15–16-year-old adolescents don't have a distinct picture of their future. The presence of great gender differences in the image of adulthood was found out as well as in the degree of certainty about their future and in the assessment of the role of different socialization agents. Some approaches to the creation and implementation of pedagogical technologies which support adolescents' adulthood and building their positive image of future are described.

Material and methods. A study of the features of 14–16-year-old adolescents' life transpective was conducted. "The List of Life Events" developed by A.K. Lukina and M.A. Volkova based on A.K. Kronik's and E. Golovakha's method of Line of Life was used as a research tool as well as L.F. Burlachuk's methodology. More than 500 adolescents were questioned, those who were in different life situations: students of village and city schools from different regions of Russia and Kazakhstan, children from children's homes and social help for families and children centers, vocation school students. This made it possible to conduct a comparative analysis of the features of adolescents', who are in different life situations, image of the future.

Findings and their discussion. Social maturation is accompanied by the increase in the pragmatic attitude to one's own future family, increase in caution in creating it and having children. Based on the research findings a program for the development of the time transpective of adolescents was worked out which was based on general psychological principles of systematics,

development, activity approach which contains associative techniques, discussions, business games, projecting and other joint activities of the team members.

The obtained findings are promoted through compulsory accompaniment of psychological training sessions by real actions of adolescents, their involvement into situations of feeling success, joint socially significant activities, projecting and retaining the near and the distant action plans, making inner resources current as well as into real situations of interaction with peers from different social groups.

Conclusion. The adolescents' idea of maturation manifests their worries about the future, slowing down of maturation, transformation of images of adulthood and their unwillingness to become adults. Social roles of the adult are present in the image of adulthood to a lesser extent, more attention is paid to personality traits and descriptive characteristics.

Key words: images of adult life and future, adolescence, picture of the future, perception of adulthood, environment.

Изменения в обществе, вызванные прежде всего, технологическими переменами, существенно изменили ситуацию взросления новых поколений. Быстрое овладение ими новыми технологиями не ведет автоматически к социальному взрослению, к самоопределению, способности планировать свое будущее.

Проблема построения образа будущего, образа взрослости подростками стоит достаточно остро и не является чисто российской проблемой. Наше исследование направлено на понимание того, как и в каких сферах преимущественно происходит взросление современных детей в подростковом возрасте.

М. Петрова и С. Шварц [1] рассматривают подростковый возраст (12–18 лет) и зарождающуюся взрослую жизнь (19–29 лет) как социально сконструированный и культурно обусловленный переход между детством и взрослой жизнью. Специфика данного возраста проявляется в «разрыве» между физиологическим и социальным созреванием. В настоящее время достижение социальной зрелости требует значительно большего времени, чем прежде, и это вызывает у молодежи напряженность, неуверенность в своем настоящем и будущем.

В работах отечественных и зарубежных исследователей [2–4] (Дж. Арнетт (США) Д. Митра (Индия) Ф. Богнер, К. Конрадти (Германия) и других показано, что у нынешних подростков идея будущего формируется не за счет развития новых социальных ролей, а под влиянием изменений в поведении и характере взрослого, и не включает представления о семейной жизни и профессиональной деятельности.

Исследования показывают, что устремления подростка, его ожидания от будущего и собственная активность по его осуществлению оказывают большее влияние на жизненный успех, чем его личностные качества и компетенции [5]. В работах Д. Ошер, П. Кантор, Л. Стейлер и Т. Роуз также отмечено, что жизненная успешность ребенка зависит не столько от его личностных черт,

сколько от его активности, вовлеченности в соответствующее культурное окружение, а также от его отношения к жизненным обстоятельствам [6].

В настоящей статье представлены материалы исследования особенностей построения образа будущего российскими подростками из различных социальных групп, а также предложены некоторые методы помощи подростку в проектировании его собственного будущего.

Материал и методы. Мы исходим из представления, что для продуктивного построения образа собственного будущего у ребенка должен быть создан достаточно реалистичный и притягательный для него образ взрослой жизни вообще, который в настоящее время предстает перед ним в искаженном виде. Так, о профессиональной деятельности родителей он знает только из разговоров дома, что зачастую создает негативный образ взрослости, наполненный неприятностями, повышенной ответственностью, рутинной и скукой. Образы «красивой жизни» заполняют информационное пространство, доступное ребенку, что формирует у него представление о собственных родителях как о социальных неудачниках, и вызывает страх превратиться в такого же неудачника. Это ведет к негативным явлениям: откладывается принятие важных жизненных решений (профессиональное самоопределение, создание семьи), возрастает маргинальность утрачиваются ценности образования, возникают риски депрессивных проявлений и т.д.

Отметим, что начало XXI в. характеризуется утратой четких маркеров взросления для российских подростков, утратой ритуалов перехода между возрастами, увеличивающейся продолжительностью образования, что задерживает наступление взрослости. Если раньше это взросление в России для многих фиксировалось переходом на уровне детских общественных организаций (октябренок–пионер–комсомолец), появлением новых прав и обязанностей, получением паспорта в 16 лет, аттестата зрелости (само название фиксирует взросление) – в 18, то в настоящее

время эта этапность утрачена. Служба в армии перестала быть местом инициации для юношей, потому что в настоящее время через нее проходят менее 30% молодых людей, а армейская служба в общественном сознании рассматривается скорее как неудача, чем как честь и обязанность каждого мужчины. В трудовой сфере среди молодежи привлекательным является так называемое фрилансерство – выполнение такой работы, которая не рассматривается как постоянная и долгосрочная, приносит краткосрочный доход, но не обязывает к длительному труду на одном месте. Даже вступление в брак теперь не показатель взросления, точнее – откладывается. Среди молодежи обычным становится сожительство без регистрации отношений, что, по нашему мнению, является знаком отказа от принятия на себя ответственности за жизни близких.

Показателем характеристик проживания личности во времени, планирования ею собственного будущего может быть временная транспектива – совокупность представлений о прошлом, настоящем и будущем как модель жизненного пути личности, отражающая ее важнейшие характеристики: ценностное отношение к времени и жизни, способность быть субъектом собственной жизни [7, с. 45–47]. Прошлое, существующее как «опыт», формирует установки и отношения личности, задает границы и характер саморазвития. Психологическое настоящее обеспечивает уверенность (либо неуверенность) в себе, желание и способность (либо их отсутствие) к развитию и саморазвитию, самореализации и планированию будущего. Соответственно психологическое будущее представлено мысленной проекцией себя в будущее и конкретным планированием своей жизни во времени, т.е. жизненными и профессиональными планами.

Мы провели исследование особенностей жизненной транспективы подростков 14–16 лет. В качестве исследовательского инструмента использовали разработанный А.К. Лукиной и М.А. Волковой «Лист жизненных событий» на основе методик «Линия жизни» А. Кроника и Е. Головахи [9] и методики Л.Ф. Бурлачука. Данная методика позволяет оценить протяженность, направленность, локус контроля, эмоциональную окраску временной транспективы и сохраняет достоинства индивидуально ориентированного анамнеза, и в то же время дает возможность обобщить результаты исследования значительного количества испытуемых, вывести групповые закономерности.

Нами опрошено более 500 подростков, находящихся в различных жизненных ситуациях: учащихся городских и сельских школ различных регионов России и Казахстана, воспитанников детских домов и центров социальной помощи семье и детям, учащихся техникумов, что позволило провести сравнительный анализ особенностей образа будущего подростков (юношей и девушек), находящихся в различных жизненных обстоятельствах. В данной статье мы представляем некоторые результаты этого исследования.

Результаты и обсуждение. Исследователи Дж. Арнетт (США) и Н. Галамбос (Канада) обнаружили, что на представления подростков о взрослой жизни оказывают влияние тип поселения, особенности трудовой и культурной занятости окружающих взрослых, отношения подростков с родителями, их собственные ожидания от будущего, что в значительной степени определяет образовательные и трудовые возможности в будущем [2].

Наши исследования согласуются с этими результатами. Так, среди сельских школьников значительно меньше количество тех, кто планирует получать высшее образование 33,6% против 85% городских школьников. Более 50% сельских школьников планируют поступать в техникум, тогда как среди опрошенных нами городских школьников таковых нет вообще. Очевидно, это связано как с оценкой реального качества образования в городских и сельских школах и реальной возможностью поступить в вуз, так и с преобладающими типами занятости родителей, реальным рынком труда, который представлен школьникам, проживающим в различных условиях.

Достаточно серьезные различия между этими группами опрошенных обнаружили и в «маркерах» взросления. Если в оценке роли образования (закончить школу, поступить учиться) как признаков взросления серьезных различий между сельскими и городскими школьниками нет – это выбирает примерно пятая часть опрошенных в обеих выборках, но по остальным признакам взрослости имеются весьма существенные различия. Так, 38% городских школьников считают главным признаком взрослости финансовую независимость, тогда как среди сельских – таковых в два раза меньше – 19%. Треть сельских школьников считают главным показателем взросления личностное развитие (научиться принимать решения, брать на себя ответственность), тогда как среди городских так считают менее четверти. Мы пока не можем найти достаточно убедитель-

ного объяснения этим различиям, но, очевидно, их нужно учитывать при осуществлении профориентационной работы с разными категориями школьников.

Воспитание в неблагоприятных условиях, перенесенное в детстве насилие и пренебрежение, отсутствие родителей, оказывают значительное влияние на жизненное самоопределение, формирование девиантных форм поведения, построение образов будущего подростков. Данные нашего более раннего исследования показали, что для сирот свойственна незначительная протяженность временной транспективы (ретроспектива – в среднем 3 года, перспектива – 4,5 лет), низкая продуктивность, негативная оценка прошлого и настоящего, необоснованно позитивное будущее, внешний локус контроля и неготовность принимать на себя ответственность за собственную жизнь [10].

В нашем исследовании были показаны достаточно серьезные различия событийного мира юношей и девушек. Девушки более внимательно относятся к своему прошлому: в общем числе событий у них события прошлого составляют 46% против 42% у юношей; юноши более ориентированы на настоящее и будущее. При этом юноши демонстрируют большую неуверенность в отношении собственного будущего, чем девушки: 54% опрошенных юношей не смогли ответить на вопрос, хотят ли они стать взрослыми (против 45% девушек), уверенно отвечают, что хотят стать взрослыми только 32% юношей против 36% девушек.

Мы видим, что в целом очень высока доля подростков, амбивалентно относящихся к своему будущему, что подтверждает нашу первоначальную гипотезу о неуверенности молодого поколения в собственном будущем, о нежелании взрослеть и брать на себя ответственность за свою жизнь.

Установлены достаточно заметные различия между юношами и девушками и в отношении дальнейших планов на жизни. 64% из числа опрошенных девушек планируют закончить 11 классов; 61% рассчитывают после этого поступить в вуз, 3% – планируют поступать в техникум после 11 классов. Среди юношей планируют закончить 11 классов и поступить в вуз 55%, и примерно 1% планируют после 11 класса поступать в техникум. Зато среди юношей больше тех, кто планирует закончить 9 классов и пойти в техникум, или вообще закончить 9 классов, а о дальнейшем просто не думают. Все это позволяет заключить, что у девушек более амбициоз-

ные планы, чем у юношей, они более ответственно относятся к своему будущему.

Серьезные различия между юношами и девушками обнаружались и в оценке локуса контроля событий, происходящих в их жизни. В отношении внутреннего локуса контроля, то есть приписывания причин событий себе, между юношами и девушками различий нет – причины 56% всех происходящих с ними событий и юноши, и девушки приписывают себе. Однако среди юношей значительно больше представлен «фаталистический» взгляд на жизнь – 29% юношей (против 20% девушек) приписывают причины происходящих с ними событий случаю. Девушки же демонстрируют более высокий уровень социальной адаптированности: 24% из них связывают важнейшие события своей жизни с другими людьми, тогда как среди юношей таковых лишь 15%.

Кстати, эти результаты коррелируют с результатами проведенного нами исследования в 2014 году, которое показало, что около 15% опрошенных нами русских юношей связывают достижение жизненного успеха с удачей, случаем; среди подростков-выходцев из Средней Азии (киргизы, казахи, таджики и т.д.) таковых оказалось около 7%, а среди подростков, представляющих Кавказ (азербайджанцы, грузины, чеченцы, дагестанцы и т.д.) – таковых не оказалось вовсе.

Девушки в целом более пессимистично оценивают свою жизнь (прошлое, настоящее и будущее), чем юноши: средняя оценка событий прошлого у девушек – 1,5 против – 1 у юношей; событий настоящего – +1,2 против +2,1 у юношей; и событий будущего +3,6 против +3,8 у юношей. Вероятно, это отражение большей сензитивности, эмоциональной впечатлительности девушек, и, очевидно, требует учета этих различий при проектировании будущего.

Интересным является сравнение отношения к будущей семье у подростков, находящихся в различных социальных условиях. Для сравнения были выбраны три группы подростков примерно одного возраста (13–17 лет) – студенты достаточно престижного техникума, ученики общеобразовательного лицея, подростки из неблагополучных семей, проходящие реабилитацию в центре социальной помощи семье и детям. В результате исследования выяснилось, что родительская семья играет важную роль в жизни всех опрошенных подростков, и большинство событий, связанных с родительской семьей, имеют позитивный смысл для подростков.

Несколько неожиданным оказалось отношение к созданию собственной семьи: вроде бы большая социальная зрелость подростков из техникума ведет к тому, что среди них заметно больше тех, кто не планирует создание собственной семьи в будущем (40% против 18% школьников и 34% подростков из неблагополучных семей). Это подтверждает нашу гипотезу о пессимистическом восприятии будущего, неготовности принимать на себя ответственность за жизнь и судьбу будущих поколений.

То же самое относится и к планированию собственных детей: только 20% студентов техникумов планируют иметь своих детей (против 32% из лица и 25% из неблагополучных семей). С другой стороны, примечательно, что 2/3 детей из неблагополучных семей (67%) – не планируют иметь своих детей в будущем. Вероятно, здесь сказывается неблагоприятный опыт жизни в родительской семье.

Обнаружены достаточно существенные различия в смысле будущей семьи для подростков отобранных социальных групп: примерно для четверти опрошенных во всех изученных группах семья является способом духовной связи с другим человеком, наполнена глубоким гуманистическим смыслом, однако дальше начинаются существенные различия. Для 38% подростков из неблагополучных семей и 35% школьников будущая семья является пространством личностного развития, тогда как среди студентов техникума в таком качестве семью рассматривают только 24%. Зато для четверти студентов техникума семья выступает как возможность уехать в другое место, освободиться от родительской опеки. Опять мы видим более прагматичное отношение к семье у студентов техникума, уже имеющих некоторый опыт самостоятельной жизни.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальное взросление сопровождается возрастанием прагматичного отношения к собственной будущей семье, возрастанием осторожности в вопросах ее создания и появления собственных детей.

Поддержка подростков в ситуации взросления. Выявленные проблемы требуют разработки системы специальной работы с подростками по проектированию их собственного будущего. По нашему мнению, главная идея такой работы – взаимное доверие взрослых и детей, отказ от идеологии давления, обязательности выбора профиля обучения или предметов для ОГЭ «к определенной дате» и снятие тревожности относительно не-

возможности изменения сделанного выбора, как это происходит в российской школе сейчас. Подросткам очень важно дать возможность «созреть» потребности во взрослении, создавать ситуации, провоцирующие размышления о своем ближайшем и отдаленном будущем и попытки их моделирования и апробации, укрепления самооценки.

Опыт такой работы описан в зарубежных и отечественных исследованиях. Например, Д. Бейли, Г. Дункан, К. Оджерс, В. Юу (США) [11] показывают, что многие тренинги, проводимые в целях развития навыков проектирования будущего, демонстрируют первоначально многообещающие, но затем быстро исчезающие последствия. Тогда как включение в реальную деятельность дает не столь быстрый, но более долгосрочный результат.

Работа внутри школы по сопровождению моделирования подростками образов взросления так же может быть эффективной, если она базируется на подростковых интересах. Так, К. Конрадти и Ф. Богнер (Германия) [4] выстроили свою программу развития позитивного отношения к будущему через развитие осведомленности 12-летних подростков о взрослости, эмпатийное управление конфликтами и общение. В результате экспериментов по мысленному моделированию различных вариантов собственного будущего у них сложилась более реалистичная и позитивная оценка взрослой жизни.

Исследования российских ученых показывают, что совместная просоциальная деятельность в группе сверстников, включение в систему дополнительного образования, позволяющее переживать чувство успеха и развивать жизненные навыки, способствует построению более позитивного образа будущего [12].

Мы разработали программу развития временной трансспективы подростков, которая строится на общепсихологических принципах системности, развития, деятельностного подхода. В ней используются ассоциативные техники, обсуждения, деловые игры, проектирование и другие совместные действия участников группы. Общая цель программы (содействие личностному самоопределению через коррекцию временной трансспективы) не афишируется подросткам, при этом ведущий должен чутко улавливать их поведение, чувства, отношения в ситуации «здесь и сейчас»; реализовывать принцип «двуплановости действия», когда действия участников, их эмоции, разговоры, реакции, включаются в более общую систему деятельности как «часть и целое».

Закреплению полученных результатов способствует обязательное сопровождение психологических тренингов реальными действиями подростков, включение их в ситуации переживания успеха, совместной социально значимой деятельности, проектирования и удержания одновременно близкого и дальнего плана действий, актуализации внутренних ресурсов, а также в реальные ситуации взаимодействия со сверстниками из различных социальных групп.

Наши эксперименты были связаны также с включением родителей в профориентационную деятельность, показавшие высокую эффективность не только с точки зрения самоопределения подростков, но и улучшения детско-родительских отношений, снижения тревожности родителей относительно будущего своих детей. Так, был проведен эксперимент, суть которого заключалась в том, что дети (ученики 8-х классов, возраст около 15 лет) выясняли у собственных родителей их образование, особенности трудовой деятельности и т.д. И дети, и родители с удивлением обнаружили, что примерно у 50% родителей из класса содержание их труда напрямую никак не связано с полученным профессиональным образованием, что, тем не менее, не мешает им быть вполне успешными в жизни и профессии. Осознание этого факта существенно помогло снизить тревожность и детей, и родителей в отношении выбора дальнейшего образовательного пути.

Заключение. Таким образом, исследование образов взросления подрастающих поколений является важной научной задачей, проводится в разных странах и везде показывает сходные тенденции – озабоченность молодежи своим будущим, замедление взросления, изменение представлений о взрослости и нежеланием молодежи взрослеть. При этом в образе взрослости в меньшей степени представлены социальные роли взрослого, большее внимание уделяется личностным чертам и описательным характеристикам.

Эти исследования позволяют проектировать продуктивную работу по оказанию помощи подростку в проектировании его будущего, вовлекая их в совместные детско-родительские социально значимые мероприятия, а также посредством специально организованной подготовки подростков к выбору жизненного пути.

Литература

1. Petrova, M., & Schwartz, S.J. (2017). Developmental and Cross-Cultural Considerations in the Study of Well-Being Among Young People. In Dimitrova, R. (Ed.). Well-being of youth and emerging adults across cultures: novel approaches and findings from Europe, Asia, Africa and America. Cross-Cultural Advancements in Positive Psychology, 1, 3-18. DOI: 10.1007/978-3-319-68363-8_1.
2. Arnett, J.J., & Galambos, N.L. (2003). Culture and Conceptions of Adulthood. New directions for child and adolescent development, 100, 91–98. Retrieved from: http://www.jeffreyarnett.com/articles/ARNETT_cultures_and_conceptions.pdf.
3. Mitra, D., & Arnett, J.J. Life Choices of Emerging Adults in India. Emerging adulthood, 9:3, 229–239. DOI: 10.1177/2167696819851891.
4. Conradt, C., & Bogner, F.X. (2020). Conceptual change when growing up: frameset for role models? International Journal of Adolescence and Youth, 25:1, 292–304. DOI: 10.1080/02673843.2019.1622581.
5. Stoll, G., Einarsdottir, S., Song, Q.C., Ondish, P., Sun, J.J., & Rounds, J. (2020). The Roles of Personality Traits and Vocational Interests in Explaining What People Want Out of Life. Journal of research in personality, 86. DOI: 10.1016/j.jrp.2020.103939.
6. Osher, D., Cantor, P., Berg, J., Steyer, L., & Rose T. (2020). Drivers of human development: How relationships and context shape learning and development. Applied Developmental Science, 24:1, 6-36. DOI: 10.1080/10888691.2017.1398650. Retrieved from <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10888691.2017.1398650?needAccess=true>.
7. Гинзбург, М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М.Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 43–53.
8. Бурлачук, Л.Ф. Психология жизненных ситуаций: учеб. пособие / Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова. – М.: Рос. пед. агентство, 1998. – 263 с.
9. Головаха, Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев, 1984. – 204 с.
10. Лукина, А.К. Развитие жизненного самоопределения сирот-воспитанников профессионального лица / А.К. Лукина // Сетевое взаимодействие с социальными партнерами как средство социально-профессиональной адаптации и постинтернатного сопровождения учащихся-сирот учреждений профессионального образования: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.В. Кривых, И.В. Куричкис. – СПб.: ИСЛ, 2018. – С. 104–108.
11. Bailey, D., Duncan, G.J., Odgers, C.L., & Yu, W. (2017). Persistence and Fadeout in the Impacts of Child and Adolescent Interventions. Journal of research on educational effectiveness 10:1, Pages: 7-39 DOI: 10.1080/19345747.2016.1232459.
12. Буровихина, И.А. Субъективная картина жизненного пути современных подростков [Электронный ресурс] / И.А. Буровихина // Вестн. Моск. ун-а. – Сер. 14. Психология. – 2011. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-kartina-zhiznennogo-puti-sovremennyh-podrostkov>. – Дата доступа: 10.08.2021.

Поступила в редакцию 01.02.2023

Факторная структура личностных характеристик индивидов с различными уровнями социально-сравнительной ревности

Лепешко К.В.

Белорусский государственный университет

Статья посвящена сопоставлению и обоснованию различий в факторных структурах личностных характеристик индивидов с высокими и низкими уровнями значимости, когнитивной и эмоциональной ревности и стратегиями поведения в ситуациях провокации социально-сравнительной ревности.

Цель статьи – выявить факторную структуру индивидуально-личностных и когнитивно-мотивационных характеристик индивидов с различными уровнями социально-сравнительной ревности.

Материал и методы. *Выборку составили 247 респондентов в возрасте от 17 до 25 лет, из них мужчины – 137 человек, женщины – 110 человек. В качестве диагностических материалов в исследовании были использованы опросники «Оценка ситуации провокации ревности социального сравнения», «Большая пятерка», «Когнитивная ориентация (локус контроля)», «Оценка самооффективности», «Мотивация успеха и боязнь неудачи», «Мотивация аффилиации».*

Результаты и их обсуждение. *Высокий уровень значимости ситуации провокации социально-сравнительной ревности в большей мере характерен для индивидов, у которых нейротические черты (тревожность, депрессивность, сензитивность) сочетались с высокими оценками самооффективности в сфере предметной деятельности и высокой мотивацией успеха. Было установлено, что личностные факторы индивидов с низким уровнем когнитивной ревности практически совпадают с личностными факторами индивидов с высоким уровнем эмоциональной ревности. Обнаружено относительное совпадение личностных факторов индивидов, использующих стратегии самореализации и уклонения для совладания с ситуацией провокации социально-сравнительной ревности. Предпочтение стратегии уравнивания определяется не индивидуально-личностными качествами индивидов, а интернальностью их локуса контроля.*

Заключение. *Было установлено, что существуют как сходства, так и различия в индивидуально-личностных и когнитивно-мотивационных факторах и характеристиках индивидов с различными уровнями компонентов социально-сравнительной ревности.*

Ключевые слова: *социально-сравнительная ревность, индивидуально-личностные и когнитивно-мотивационные характеристики.*

Factor Structure of Personal Characteristics of Individuals with Different Levels of Social and Comparative Jealousy

Lepeshko K.V.

Belarusian State University

The article deals with the comparison and substantiation of differences in the factor structures of personal characteristics of individuals with high and low levels of significance, cognitive and emotional jealousy and behavior strategies in situations of provocation of social and comparative jealousy.

The aim is to identify the factor structure of individual-personal and cognitive-motivational characteristics of individuals with different levels of social and comparative jealousy.

Material and methods. *The sample consisted of 247 respondents aged 17 to 25, of which men – 137 people, women – 110. As diagnostic materials in the study, the questionnaires “Assessment of the situation of provocation of jealousy of social comparison”, “Big Five”, “Cognitive orientation (locus of control)”, “Self-efficacy assessment”, “Motivation of success and fear of failure”, “Motivation of affiliation” were used.*

Findings and their discussion. *The high level of significance of the situation of provocation of social and comparative jealousy is more characteristic of individuals who have neurotic traits (anxiety, depression, sensitivity) combined with high self-efficacy ratings in the field of subject activity and high motivation for success. It was found out that the personal factors of individuals with a low level of cognitive jealousy practically coincide with the personal factors of individuals with a high level of emotional jealousy. The relative coincidence of personal factors of individuals using strategies of self-realization and avoidance to cope with the situation of provocation of social and comparative jealousy was found out. The preference for an equalization strategy is determined not by the individual-personal qualities of individuals, but by the internality of their locus of control.*

Conclusion. *It was found out that there are both similarities and differences in the individual-personal and cognitive-motivational factors and characteristics of individuals with different levels of components of social and comparative jealousy.*

Key words: *social and comparative jealousy, individual-personal and cognitive-motivational characteristics.*

Процесс социального сравнения – значимый компонент повседневной жизни индивидов и социального познания. Он позволяет индивиду формировать Я–образ; корректировать и защищать Я–концепцию; поддерживать самооценку; узнавать о собственных возможностях; общаться и взаимодействовать с другими людьми, получать информацию о себе, соотнося ее с собственными характеристиками; объяснять многообразие поступков и поведение других индивидов. Результат социального сравнения имеет различные последствия, одним из которых является возникновение *социально-сравнительной ревности*.

С.А. Берс и Дж. Родин [1] предложили различать 2 вида ревности: ревность социальных отношений (романтическая ревность) и социально-сравнительную ревность. Они считали, что только ситуации, которые бросают вызов превосходству или равенству приводят к возникновению социально-сравнительной ревности.

Социально-сравнительная ревность возникает при условии высокой значимости ситуации социального сравнения и характеризуется совокупностью связанных между собой мыслей о незаслуженности, несправедливости, неправильности существующих преимуществ другого индивида, комплекса переживаний негативных эмоций (прежде всего волнения, печали, гнева, отвращения, презрения) и готовности к действиям, направленным на совладение со сложившейся ситуацией с помощью стратегий самосовершенствования, уравнивания или уклонения [2].

В литературе указывается, что социально-сравнительная ревность оказывает вариативное влияние как на личность, так и на внутригрупповые, и межгрупповые процессы.

На личностном уровне переживание социально-сравнительной ревности может приводить к психологическому стрессу, депрессии, негативному изменению состояния физического здоровья и к разным формам девиантного поведения (насилию, правонарушениям, зависимостям от психоактивных веществ), но также обнаружены и положительные влияния данного феномена на личность: позитивное изменение самооценки, профессиональное и личностное развитие, повышение академической успеваемости, формирование позитивных установок в общении с другими индивидами, повышение социальной активности и достижений.

На внутригрупповом уровне феномен социально-сравнительной ревности может также ока-

зывать как отрицательное (провоцировать конфликтное поведение, вербальную или косвенную агрессию, саботаж работы, протестные формы поведения, насилие), так и положительное влияние (повышать уровень сотрудничества, достижения профессиональных результатов, сплоченности и положительные изменения).

На межгрупповом уровне социально-сравнительная ревность может приводить к негативным предупреждениям в адрес другой группы и ее стереотипизации, неприятию и избеганию, различным формам дискриминации, харассменту, бунту, социальным революциям, эмиграции, так и к конформизму, сотрудничеству, сплоченности, приверженности организации и положительным социальным изменениям.

Вместе с тем, несмотря на значимость феномена социально-сравнительной ревности для преодоления негативных социальных явлений и формирования достигнутых, инновационных, прагматических, конструктивных и активных стратегий поведения, его исследование продолжает оставаться фрагментарным. В частности, рассматривались в основном только социально-демографические (гендер, возраст) и социально-психологические факторы (влияние семейного состава, сплоченность группы). Кроме того, при исследовании социально-сравнительной ревности лишь небольшое количество авторов указывает на существование индивидуально-личностных и когнитивно-мотивационных детерминант социально-сравнительной ревности. К таким факторам можно отнести: низкий уровень самооценки, тревожность, эмоциональность, сензитивность, высокий уровень нейротизма, использование внутренней атрибуции, самоэффективность, локус контроля, мотивация достижения успеха и избегания неудач, стремление к аффилиации.

Однако результаты вышеуказанных исследований лишь фрагментарно оценивают и подтверждают влияние некоторых психологических факторов на переживание социально-сравнительной ревности. В свою очередь, исследований, посвященных влиянию именно индивидуально-личностных и когнитивно-мотивационных факторов на переживания социально-сравнительной ревности, в литературе не обнаружены. Исходя из этого, стремление к преодолению указанной фрагментарности стало основанием для более системного, целостного изучения и построения профиля личности, склонной к переживанию социально-сравнительной ревности.

Цель работы – выявить факторную структуру индивидуально-личностных и когнитивно-мотивационных характеристик индивидов с различными уровнями социально-сравнительной ревности.

Материал и методы. В качестве диагностических материалов в исследовании использованы:

1. Методика оценки ситуации провокации ревности социального сравнения И.А. Фурманова и К.В. Лепешко [3].

2. Методика «Большая пятерка факторов» в адаптации А.Б. Хромова [4].

3. Методика «Когнитивная ориентация (локус контроля)» Дж. Роттера» [5] для оценки экстернатности и интернатности.

4. Методика М. Шеера и коллег [6] в модификации Л. Бояринцевой [7] для оценки самооффективности.

5. «Мотивация успеха и боязнь неудачи» [8] для оценки мотивации на успех (надежда на успех) и мотивации на неудачу (боязнь неудачи).

6. Методика «Мотивация аффилиации» А. Мехрабиана в модификации М.Ш. Магомед-Эминова [9] для оценки стремления к принятию и страха отвержения.

В исследовании принимали участие 247 респондентов в возрасте от 17 до 25 лет, из них мужчины – 137 человек, женщины – 110 человек.

Для выявления факторных структур использовался факторный анализ методом главных компонент с Varimax вращением. Для каждой факторной структуры рассчитывались КМО (критерий Кайзера-Мейера-Олкина) и критерий сферичности Бартлетта, которые свидетельствовали о мере выборочной адекватности и обоснованности факторной модели.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ позволил выявить целый ряд индивидуально-личностных и когнитивно-мотивационных факторов, описывающих индивидов с различными уровнями оценки значимости ситуаций провокации социально-сравнительной ревности, когнитивной и эмоциональной ревности (таблица 1).

Содержательный анализ факторов, имеющих наибольший вклад в дисперсию, позволил дать краткую психологическую характеристику личностных особенностей индивидов с различными уровнями реагирования на ситуацию провокации социально-сравнительной ревности. Так было установлено, что главным образом:

– индивиды с *высоким уровнем значимости* восприятия ситуаций провокаций социаль-

но-сравнительной ревности характеризуются депрессивностью, тревожностью, напряженностью, склонностью к самокритике, эмоциональной лабильностью, самооффективностью в предметной деятельности, мотивацией успеха, отсутствием страха отвержения, а с *низким уровнем значимости* – общительностью, потребностью в привлечении внимания, склонностью к поиску впечатлений, доверчивостью, любопытством, активностью, мотивацией успеха, самооффективностью в межличностном общении, стремлением к принятию;

– индивидов с *высоким уровнем когнитивной социально-сравнительной ревности* отличает понимание, теплота, склонность к сотрудничеству, самоконтроль поведения, уважение других, общительность, доверчивость, предусмотрительность, сензитивность, самооффективность в предметном и в межличностном общении, мотивация успеха, отсутствие страха отвержения, а с *низким уровнем когнитивной социально-сравнительной ревности* – тревожность, напряженность, депрессивность, эмоциональная лабильность, сотрудничество, теплота, самокритика, уважение и понимание других, интернатный локус контроля и мотивация успеха;

– индивиды с *высоким уровнем эмоциональной социально-сравнительной ревности* характеризуются тревожностью, депрессивностью, напряженностью, склонностью к самокритике, эмоциональной лабильностью, сотрудничеством, теплотой, уважением других, самооффективностью в предметной деятельности и в межличностном общении, мотивацией успеха, отсутствием страха отвержения, а с *низким уровнем эмоциональной социально-сравнительной ревности* – склонностью к поиску впечатлений, потребностью в привлечении внимания, общительностью, пластичностью, любопытством, доверчивостью, активностью, интернатным локусом контроля.

Корреляционный анализ позволил установить, что показатели значимости ситуации провокации ревности положительно связаны с показателями стратегии самореализации ($r = 0,15, p = 0,019$) и отрицательно – со стратегией уклонения ($r = -0,17, p = 0,007$), показатели когнитивной ревности – отрицательно связаны со стратегией уравнивания ($r = -0,18, p = 0,031$), показатели эмоциональной ревности – положительно со стратегиями самореализации ($r = 0,17, p = 0,007$) и уравнивания ($r = 0,13, p = 0,038$),

Таблица 1 – Личностные факторы оценки значимости и реагирования в ситуации социально-сравнительной ревности

Факторы оценки	Высокий уровень	Низкий уровень
Значимость		
Ситуация провокации ревности	«Нейротизм» «Контролирование» «Привязанность» «Открытость новому опыту» (КМО = 0,665, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 1091,745$ df = 300; p < 0,0001)	«Вовлеченность во внешний мир» «Нейротизм» «Контролируемая привязанность» «Педантичность» (КМО = 0,587, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 1033,720$; df = 300; p < 0,0001)
	«Самоэффективность, ориентированная на успех» «Интернальный локус контроля» «Мотивация аффилиации» (КМО = 0,696, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 116,443$, df = 21; p < 0,0001)	«Надежда на успех» «Интернальный локус контроля» «Страх отвержения» (КМО = 0,566, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 81,397$; df = 21; p < 0,0001)
Когнитивный компонент		
Когнитивная ревность	«Контролируемая привязанность» «Открытость новому опыту» «Самоконтроль» «Нейротизм» (КМО = 0,647, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 1127,216$; df = 300; p < 0,0001)	«Нейротическая привязанность» «Контролирование» «Демонстративность» «Реалистичность познания» (КМО = 0,610, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 1118,982$; df = 300; p < 0,0001)
	«Самоэффективность, ориентированная на успех» «Интернальный локус контроля» «Мотивация аффилиации» (КМО = 0,582, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 76,295$; df = 21; p < 0,0001)	«Интернальный локус контроля успеха» «Самоэффективность» «Мотивация аффилиации» (КМО = 0,670, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 85,619$; df = 21; p < 0,0001)
Эмоциональный компонент		
Эмоциональная ревность	«Нейротическая привязанность» «Контролирование» «Демонстративность» «Эмотивность» (КМО = 0,523, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 788,179$; df = 300; p < 0,0001)	«Экстраверсия» «Доброжелательность» «Нейротизм» «Контролирование» (КМО = 0,513, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 995,784$; df = 300; p < 0,0001)
	«Самоэффективность, ориентированная на успех» «Интернальный локус контроля» «Мотивация аффилиации» КМО = 0,581, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 107,751$; df = 21; p < 0,0001)	«Интернальный локус контроля» «Мотивация аффилиации» «Самоэффективность в предметной деятельности» (КМО = 0,545, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 107,002$; df = 21; p < 0,0001)

а также отрицательно со стратегией уклонения ($r = -0,26$, $p < 0,001$). Исходя из этого и с учетом вариативности реагирования в зависимости от особенностей ситуаций, провоцирующих возникновение социально-сравнительной ревности,

были определены индивидуально-личностные и когнитивно-мотивационные факторы индивидов, склонных к использованию различных поведенческих стратегий (таблица 2). Было определено, что главным образом:

Таблица 2 – Личностные факторы стратегий поведения в ситуации социально-сравнительной ревности

Факторы стратегии	Поведенческий компонент	
	Индивидуально-личностные факторы	Когнитивно-мотивационные факторы
Стратегия самореализации	«Привязанность» «Открытость новому опыту» «Контролирование» «Нейротизм» (КМО = 0,678, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 1311,423$; $df = 300$; $p < 0,0001$)	«Самоэффективность, ориентированная на успех» «Интернальный локус контроля» «Мотивация аффилиации» (КМО = 0,388, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 61,481$; $df = 21$; $p < 0,0001$)
Стратегия уравнивания	«Контролирование» «Открытость новому опыту» «Нейротизм» «Контролируемая привязанность» (КМО = 0,523, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 784,141$; $df = 300$; $p < 0,0001$)	«Интернальный локус контроля» «Мотивация успеха» «Мотивация аффилиации: стремление к принятию» (КМО = 0,656, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 169,103$; $df = 21$; $p < 0,0001$)
Стратегия уклонения	«Контролируемая привязанность» «Открытость новому опыту» «Нейротизм» «Самоконтроль поведения» (КМО = 0,546, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 926,701$; $df = 300$; $p < 0,0001$)	«Самоэффективность, ориентированная на успех» «Интернальный локус контроля» «Мотивация аффилиации» (КМО = 0,546, критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 112,153$; $df = 21$; $p < 0,0001$)

– индивиды с высоким уровнем поведенческой стратегии самореализации социально-сравнительной ревности характеризуются пониманием, теплотой, стремлением к сотрудничеству, любопытством, уважением других, доверчивостью, сензитивностью, самоэффективностью в предметной деятельности и в межличностном общении, мотивацией успеха и отсутствием страха отвержения;

– индивиды с высоким уровнем поведенческой стратегии уравнивания социально-сравнительной ревности отличаются настойчивостью, ответственностью, предусмотрительностью, аккуратностью, доминированием, самоконтролем поведения, активностью, интернальным локусом контроля и самоэффективностью в межличностном общении;

– индивиды с высоким уровнем поведенческой стратегии уклонения от ситуации социально-сравнительной ревности характеризуются теплотой, пониманием, уважением других, сотрудничеством, настойчивостью, доверчивостью, ответственностью и общительностью, самоэффективностью в межличностном общении, мотивацией успеха, самоэффективностью в предметной деятельности и низкой мотивацией аффилиации.

Таким образом, можно констатировать, что существуют как сходства, так и различия в индивидуально-личностных и когнитивно-мотивационных факторах и характеристиках индивидов с различными уровнями компонентов социально-сравнительной ревности.

Так, различия в значимости ситуации социального сравнения, вероятно, обусловлены тем, что оценке подвергались физические, психологические и социальные триггеры социально-сравнительной ревности. Например, А. Тессер и Дж. Коллинз [10] указывали на то, что у каждого индивида существуют сферы, которые относятся к Я-концепции и определяют ее. Если ситуации социально-сравнительной ревности воспринимались ими как незначимые, то есть не относящиеся к важным областям самоопределения, то можно предположить, что индивиды могли уже иметь достаточно высокий уровень реализации в сферах, относящихся к их самоопределению и воспринимать ситуации социально-сравнительной ревности как незначимые.

Полученные данные относительно различий в оценках значимости согласуются и с результатами исследований, полученными М. Jaremko [11], в которых была обнаружена значимая поло-

жительная связь между склонностью реагировать на ситуации провокации ревности и такими личностными характеристиками, как тревожность и депрессивность. П. Саловей [12] также указывал на то, что те индивиды, которые склонны все в жизни оценивать как важное и значимое, по сравнению с теми, кто дифференцирует сферы на значимые и незначимые, больше предрасположены к социально-сравнительной и романтической ревности, и имеют такие личностные характеристики, как сензитивность и депрессивность. Кроме того, с нашей точки зрения, сочетание в личности нейротических черт с завышенными оценками самоэффективности в сфере предметной деятельности и высокой мотивацией успеха может приводить к «заикленности» убеждений индивида на том, что он должен быть лучшим и более успешным, чем другие и что у него есть все необходимые потенциальные способности, чтобы организовать и осуществить собственную деятельность, необходимую для достижения определенной цели. Отсюда, возможно, любая ситуация социального сравнения будет восприниматься и оцениваться им как угрожающая, а, следовательно, и вызывать ревность.

В свое время С.М. Прейфер и П.Т. Вонг [13] предложили различать когнитивную и эмоциональную ревность. Когнитивная ревность – это озабоченность и сомнения индивида относительно собственных атрибутов, качеств и способностей, которыми, по его представлениям, обладает конкурент. Этот компонент ревности возникает, когда индивид думает, что его самооценке угрожает конкурент, который обладает более ценными, чем у него, атрибутами или качествами [14]. Эмоциональная ревность, прежде всего реактивна и возникает или как реакция на когнитивную оценку, или как обусловленная эмоциональная реакция на угрозу Я. Результаты проведенного исследования полностью подтвердили эти различия на личностном уровне. Было установлено, что личностные факторы индивидов с низким уровнем когнитивной ревности практически совпадают с личностными факторами индивидов с высоким уровнем эмоциональной ревности. Возможно, это связано с различиями в восприятии, способах переработки информации и спецификой оценки ситуаций провокации социально-сравнительной ревности. Так, результаты исследования показывают, что высокие оценки значимости ситуации отрицательно коррелируют с уровнем когнитивной ревности ($r = 0,17$, $p = 0,007$) и положительно связаны с уровнем эмоциональной ревности ($r = 0,44$, $p < 0,001$).

На первый взгляд, парадоксальным кажется факт относительного совпадения личностных факторов индивидов, использующих стратегии самореализации и уклонения для совладания с ситуацией провокации социально-сравнительной ревности. Существенным различием является наличие у индивидов, использующих стратегию уклонения, таких индивидуально-личностных характеристик, которые образуют факторы «контролируемой привязанности» и «самоконтроль поведения», включающие наряду с другими такие черты, как ответственность, предусмотрительность, сензитивность, способность контролировать свои эмоции, мысли и поведение, отказ от поиска впечатлений. В принципе, индивид, склонный к самоконтролю поведения, в большей мере предрасположен к использованию предварительного (антиципирующего), текущего (промежуточного) и результирующего (итогового) видов самоконтроля. Поэтому ситуации провокации социально-сравнительной ревности могут выступать объектом предварительного самоконтроля, включенного в процесс антиципации, то есть представлять собой все то, что еще не вступило в фазу непосредственного осуществления, реализации. Поэтому трудно переоценить роль предварительного самоконтроля для предотвращения возможных ошибочных решений, действий, неправильных поступков и их последствий.

С нашей точки зрения, возможно, именно склонность к самоконтролю, антиципирующей активности в сочетании с высокой самоэффективностью, ориентированной на успех, может являться причиной использования не стратегии самореализации, а стратегии уклонения. Вероятно, все дело в способности контролирующих индивидов, несмотря на убежденность в собственной компетентности и эффективности, более дифференцированно и реалистично оценивать значимость ситуаций социального сравнения. Это предположение подтверждается существованием отрицательной корреляции между оценками значимости и предпочтения стратегии уклонения.

Предпочтение стратегии уравнивания, относящейся к латеральным сравнениям, в большей мере, как нам представляется, определяется не индивидуально-личностными качествами индивидов, а интернальностью их локуса контроля. Вследствие большей когнитивной активности поведение интерналов направлено на последовательное достижение успеха путем поэтапного

развития навыков и использования более глубокой обработки информации, постановки возрастающих по своей сложности задач, что их «роднит» с индивидами с низким уровнем когнитивной ревности.

Заключение. Было установлено, что существуют как сходства, так и различия в индивидуально-личностных и когнитивно-мотивационных факторах и характеристиках индивидов с различными уровнями компонентов социально-сравнительной ревности.

Литература

1. Bers, S.A. Social-Comparison Jealousy: A Developmental and Motivational Study / S.A. Bers, J. Rodin // *J. of Personal and Social Psychology*. – 1984. – Vol. 47(4). – P. 766–779.
2. Лепешко, К.В. Феномен социально-сравнительной ревности: новый взгляд / К.В. Лепешко // *Психологический Вадимесум: Психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход: сб. науч. ст. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 173–179.*
3. Фурманов, И.А. Методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности / И.А. Фурманов, К.В. Лепешко // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология*. – 2019. – № 1. – С. 91–104.
4. Хромов, А.Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие / А.Б. Хромов // *Курган. гос. ун-т. – Курган, 2000. – 23 с.*
5. Реан А.А. Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования, практикум / А.А. Реан. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 255 с.
6. Sheier, M.F. The self-efficacy scale: Construction and validation / M.F. Sheier, J.E. Maddux, B.J. Prentice-Dunn, R.W. Rogers // *Psychological Report*. – 1982. – № 51. – P. 663–671.
7. Бояринцева, А.В. Мотивационно-когнитивные характеристики личности молодого предпринимателя: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / А.В. Бояринцева. – М., 1995. – 249 с.
8. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности : учеб. пособие / А.А. Реан // СПб.: Изд-во С.–Петербург. ун-та, 2001. – 224 с.
9. Ильин, Е.П., Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – С. 403–406.
10. Tesser, A. Emotion in social reflection and comparison situations: Intuitive, systematic, and exploratory approaches / A. Tesser, J.E. Collins // *J. of personality and social psychology*. – 1988. – Vol. 55. – P. 695–709.
11. Jaremko, M.E. Stress-coping abilities of individuals high and low in jealousy / M.E. Jaremko, R. Lindsey // *Psychological Reports*. – 1979. – Vol. 44. – P. 547–553.
12. Salovey, P. Coping with envy and jealousy / P. Salovey, J. Rodin // *J. of Social and Clinical Psychology*. – 1988. – Vol. 7, № 1. – P. 15–33.
13. Pfeiffer, S.M. Multidimensional jealousy / S.M. Pfeiffer, P.T Wong // *Journal of social and personal relationships*. – 1989. – Vol. 6. – P. 181–196.
14. White, G.L. Jealousy: Theory, research, and clinical strategies / G.L. White, P.E Mullen. – New York: Guilford, 1989. – P. 13.

Поступила в редакцию 01.12.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышев Владимир Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Бекиш Евгений Иванович – доцент кафедры экономики и информационных технологий Международного университета «МИТСО», кандидат сельскохозяйственных наук.

Богомаз Сергей Леонидович – заведующий кафедрой психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Волкова Мария Александровна – старший преподаватель кафедры общей и социальной педагогики Сибирского Федерального университета.

Гончаров Виталий Викторович – доцент кафедры государственного и международного права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина.

Гуминский Максим Николаевич – аспирант кафедры административной деятельности Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Казак Тамара Владимировна – заведующий кафедрой инженерной психологии и эргономики БГУИР, доктор психологических наук, профессор.

Каратерзи Вероника Александровна – старший преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Лепешко Ксения Витальевна – преподаватель кафедры социальной и организационной психологии Белорусского государственного университета.

Лукина Антонида Константиновна – заведующий кафедрой общей и социальной педагогики Сибирского Федерального университета, кандидат философских наук, доцент.

Мантур Елена Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Белорусского государственного аграрного технического университета, кандидат филологических наук.

Медведская Елена Ивановна – профессор кафедры социальной работы Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, кандидат психологических наук, доцент.

Орешенков Александр Александрович – доцент кафедры агробизнеса Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины, кандидат экономических наук, доцент.

Петров Владимир Анатольевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова.

Побяржина Татьяна Павловна – доцент кафедры экономики и информационных технологий Международного университета «МИТСО», кандидат экономических наук, доцент.

Самоховец Мария Павловна – доцент кафедры финансового менеджмента Полесского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент.

Сергиевич Татьяна Владимировна – доцент кафедры экономики и права Белорусского национального технического университета, кандидат экономических наук, доцент.

Тукальская Надежда Ильинична – аспирант кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

Baryshev Vladimir Alekseyevich – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law.

Bekish Evgeny Ivanovich – Assistant Professor of International University “MITSO” Department of Economics and Information Technologies, PhD (Agriculture).

Bogomaz Sergei Leonidovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Volkova Mariya Aleksandrovna – Senior Lecturer of Siberian Federal University Department of General and Social Pedagogy.

Goncharov Vitaly Viktorovich – Assistant Professor of I.T. Trubilin State Agrarian University of Kuban Department of State and International Law.

Guminski Maksim Nikolayevich – postgraduate student of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus Department of Administrative Activities.

Kazak Tamara Vladimirovna – Head of BSUIR Department of Engineering Psychology and Ergonomics, Dr. Sc. (Psychology), Professor.

Karaterzi Veronika Aleksandrovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Lepeshko Ksenia Vitalievna – Belarusian State University Department of Social and Organizational Psychology Lecturer.

Lukina Antonina Konstantinovna – Head of Siberian Federal University Department of General and Social Pedagogy, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

Mantur Elena Evgenievna – Senior Lecturer of Belarusian State Agrarian Technical University Department of Foreign Languages, PhD (Philology).

Medvedskaya Elena Ivanovna – Professor of Brest State A.S. Pushkin University Department of Social Work, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Oreshenkov Aleksandr Aleksandrovich – Assistant Professor of Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine Department of Agrobusiness, PhD (Economics), Assistant Professor.

Petrov Vladimir Anatolyevich – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process.

Pabiarzhina Tatyana Pavlovna – Assistant Professor of International University “MITSO” Department of Economics and Information Technologies, PhD (Economics), Assistant Professor.

Samokhovets Mariya Pavlovna – Assistant Professor of Polesky State University Department of Financial Management, PhD (Economics), Assistant Professor.

Sergiyevich Tatyana Vladimirovna – Assistant Professor of Belarusian National Technical University Department of Economics and Law, PhD (Economics), Assistant Professor.

Tukalskaya Nadezhda Ilyinichna – postgraduate student of Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics Department of Engineering Psychology and Ergonomics.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется

в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материала. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

ЛИЦЕЙ ВГУ – правильный выбор!

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» осуществляет набор на курсы по подготовке к вступительным испытаниям для поступления в Лицей ВГУ имени П.М. Машерова по учебным предметам профильных вступительных испытаний (физика, математика, химия, биология, русский язык, белорусский язык, история Беларуси).

Срок обучения – 2,5 месяца.

Для возможности посещения курсов иногородними учащимися, мы организуем их по субботам с 9.00 до 14.00.

Качественно подготовиться к поступлению в Лицей вам помогут высококвалифицированные, компетентные преподаватели университета и ведущие педагоги учреждений образования.

Занятия начинаются с 8 апреля.

Необходимые документы:

- 2 фото (3x4);
- паспорт слушателя;
- паспорт одного из родителей.

Оплата производится на расчетный счет BY73AKBB36329039700192000000
ОАО «АСБ Беларусбанк» БИК АКВВВУ2Х УНП 300048858 ОКПО 02148020.

Наш адрес: г. Витебск, Московский пр-т, 33, каб. 122.

Справки по телефонам: 8(0212) 37 03 96; + 375 33 317 95 09.

АБИТУРИЕНТУ – 2023!

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
с 3 апреля осуществляет запись на ЭКСПРЕСС-КУРСЫ
по предметам «Творчество» (рисунок, композиция),
«Русская литература», «Белорусская литература».

Период обучения – июль.
Учебным планом предусмотрено 42 часа по каждому предмету.
Иногородним предоставляется общежитие.

Учебный процесс обеспечивают компетентные преподаватели кафедр университета.

Запись на курсы осуществляется по телефонам:
8 (0212) 37 03 96; +375333179509
и по адресу: г. Витебск, Московский пр-т, 33, каб. 122.

АБИТУРИЕНТУ – 2023!

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
с 4 марта осуществляет набор на ЭКСПРЕСС-КУРСЫ
по подготовке к вступительным испытаниям.

Период обучения – апрель-май.
Учебным планом предусмотрено 42 часа по каждому предмету.
Занятия начинаются по мере комплектации групп.

Учебный процесс обеспечивают опытные преподаватели кафедр университета.

Подготовка в экспресс-режиме – наилучший способ углубить и систематизировать предметные знания накануне вступительных испытаний.

Запись на курсы осуществляется по телефонам:
8 (0212) 37 03 96; +375333179509
и по адресу: г. Витебск, Московский пр-т, 33, каб. 122.

Подписано в печать 20.03.2023. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 9,84. Тираж 70 экз. Заказ 22.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.